

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Эркин ВАХИДОВ

переводы

Живем легко, секунд не замечая

Живем легко, секунд не замечая.
Смеемся у беспечности в плену.
А маятник – он головой качает,
беспечность эту ставя нам в вину.

Он словно говорит нам: «Будет поздно.
Спешите за секундою любой.
Всему свой срок. И не пришлось бы после
жалеть о них, качая головой».

Ашот ДАНИЕЛЯН

проза

СВЯЗЬ ВСЕГО СУЩЕГО...

Рассказы

– Главный закон времени – это не его количество или число, а его правильно понятое качество! В каждый проживаемый момент жизни ты должен научиться хотеть не то, что твоей натуре угодно, а то, что актуально и угодно Космосу! Будь в гармонии с ним, и тогда ты получишь все, что тебе отпущено!

Ведь веточка сливы цветет не для себя, а чтобы принести в мир еще немного красоты, и тогда уже Творец посылает к ней заботливую пчелу...

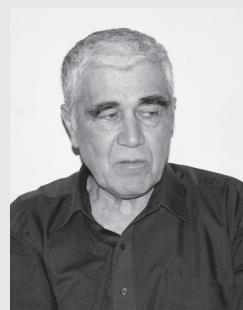
Шухрат САКИЕВ

новые имена

УРГА

Рассказ

...в девяностые все вдруг расстроилось: то путевок нет, то топлива; не поймешь, кто начальник, кто за что отвечает. Зарплату стали задерживать, а потом и вовсе перестали выдавать. Да и работы никакой не стало. Многие тогда уволились. Я терпел, ждал. Домой без денег возвращаться не хотелось. Но вот однажды прихожу на работу и вижу: в проходной Пётр стоит, напарник мой бывший.

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО

И шепчут деревья поспешные песни свои...

Это обманно-беспомощное круженье –
жизнь в бесконечном горении и движении.
Яростной силой гудящее напряжение,
жил натяженье, сходящее в хишный корень.
Та же тугая пружина зажата в семя –
даже под слоем асфальта рвануться всеми
силами вверх, в ослепительное цветенье.
Каждый росток, как последний солдат, упорен.

проза

Галина ДОЛГАЯ

РЯБИНУШКА

Рассказ

Уля кошкой кинулась к крыльцу. Ни одна веточка не хрустнула под ее ногами, ни одна половица не скрипнула в сенях. Дверь в комнату оказалась плотно закрытой. Уля тихо стащила с себя котомку с перепелами, припала ухом к косяку. Кашель. То бабка. Сидит в углу, слева. Дверь открыть резко, так пришибешь еще. Гость, должно быть, за столом – дымом от окна тянуло! Ага! Дверь ногой, палец на курке:

– Сиди, кто ни есть, не шевелясь! – крикнула.

Незванный гость – бородатый мужик, крупный, но сухой, ручкиши на столе – только дернулся.

караван истории

Наталья ИВОНИНА

ДВА ПАСТОРА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ

У каждого века есть свое историческое лицо, свои особенные стремления. Но честь и славу любого времени составляют два устремления, тесно связанные между собой и дополняющие друг друга: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. Яркими носителями этих двух христианских и мирских стремлений были два пастора Немецкой Евангелическо-Лютеранской общины Ташкента Юстус Юргенсен и Генрих Берендтс.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Галина ДОЛГАЯ. Рябинушка. Рассказ.	5
Ашот ДАНИЕЛЯН. Связь всего сущего... Рассказы.	15
Анатолий ЕРШОВ. Взгляд сквозь века и тысячелетия. Очерк.	23
Николай ПОПОВ. Записки мигранта. Рассказ.	50
Виктор НАДОЛЕНКО. Неожиданные повороты. Рассказы. ..	69

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО. И шепчут деревья поспешные песни свои....	12
---	----

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Анатолий БАУЭР. «Золотое перо» Патриарха.	27
Якуб ХОДЖАЕВ. Хотите знать – спросите у Ершова.	32
Лариса ЮСУПОВА. Наследие лисьей норы.	34

ПЕРЕВОДЫ

Эркин ВАХИДОВ. Живем легко, секунд не замечая. Перевод с узбекского А. Файнберга, А. Наумова, С. Иванова. ..	36
Зульфия КУРОЛБОЙ-КИЗИ. Солнце на моей стороне. Рассказ. Перевод с узбекского Н. Ибрагимовой.	58
Нарзулло БАТЫРОВ. Бездна. Повесть. Перевод с узбекского Гавхар Норматовой.	96

НОВЫЕ ИМЕНА

Шухрат САКИЕВ. Урга. Рассказ.	40
Жан ЗАГИДУЛЛИН. Коктейль из судьбоносных сказок. ..	47
Фарангис АБАЗМАТОВА. Крыша. Рассказ.	73

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЕВ. «Уходящий» реализм Дилором Мамедовой.	79
Азатгул ТАШМАТОВА. «Согдиана» – феномен национальной музыкальной культуры.	133

КАРАВАН ИСТОРИИ

Валентина ТИТОВА. Под звон курантов.	86
Наталья ИВОНИНА. Два пастора-просветителя.	147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бахтиёр НАЗАРОВ. История в художественной интерпретации.	88
Наталья ПЕТРУХИНА. Концепция жертвы и жертвенности в классической и современной литературе.	137
Елена КАМИНСКАЯ. «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни (герменевтический и аксиологический аспект).	140

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Дилором Мамедовой.

Звезда Востока

2017 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 01.02.2017 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1050 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ИПТД имени Гафура Гуляма.
г. Ташкент, Шайхантахурский район,
ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

проза

РЯБИНУШКА

Рассказ

Рябиновая гроздь огнем полыхнула под солнечными лучами, едва сочившимися сквозь облака. Уля остановилась, завороченная. Но ветер дохнул в небо, сдвинул тучи. Рябиновый костер погас. Первые капли дождя упали на щеку. Уля перевела дух, поправила котомку на плечах и пошла в гору.

Старый сруб показался боком. С тропы хорошо были видны потемневшие от времени бревна, сложенные еще прадедом. Избу поставили на холме, просторную – семья тогда была большая! Но война подкосила род под самый корень. И дед, и отец Ули, и трое старших братьев ушли на фронт, и мать померла в тот же год. Бабка все причитала, что от тоски захворала Пелагеюшка. Может, и от тоски, но остались они вдвоем, и теперь только крепкая, сильная девушка и охотилась, и рыбу ловила, и дрова к зиме готовила. Бабка из дому выходила разве что до ветру, да подымить трубкой. Вот чего не терпела Уля, так табачного дыма! И в холода гнала свою старушку в сени, укутав ее побитым молю платком, чтоб – не дай бог! – не захворала.

Дождь припустил сильнее. Уля сощурилась, глядя на остаток дороги, и вдруг остановилась. Почудилось ли... нет, кусты пожухлой крапивы, что разрослась за домом, примяты. Уля перекинула ружье, шелкнула затвором и крадучись обогнула дом с тылу. Из оконца лился слабый свет лампы – бабка запалила, искала чего в доме?.. Уля прижалась к стене и превратилась в слух. Но раньше, чем звук, до нее донесся противный кислый запах – курит кто-то! Нет, бабка не будет в доме: ее, Ульки, грозного взгляда боится как огня! Значит, чужой... чужой в доме...

Уля прислушалась. Ничего. Ни разговора, ни шума какого. Сердце колыхнулось в груди – уж не худой ли человек?! Уж не лишил ли он ее последней родной кровиночки?!

Уля кошкой кинулась к крыльцу. Ни одна веточка не хрустнула под ее ногами, ни одна половица не скрипнула в сенях. Дверь в комнату оказалась плотно закрытой. Уля тихо стащила с себя котомку с перепелами, припала ухом к косяку. Кашель. То бабка. Сидит в углу, слева. Дверь открыть резко, так пришибешь еще. Гость, должно быть, за столом – дымом от окна тянуло! Ага! Дверь ногой, палец на курке:

– Сиди, кто ни есть, не шевелясь! – крикнула.

Незванный гость – бородатый мужик, крупный, но сухой, ручиши на столе – только дернулся.

– Ишь, грозная какая! – ответил медленно, переводя цепкий взгляд со ствола на девушку. – Что так гостей встречаешь? Одичали тут одни...

Галина ДОЛГАЯ

Родилась в 1959 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский институт народного хозяйства по специальности «экономическая кибернетика». Автор романов, повестей, рассказов, стихов, очерков о путешествиях. Член Международной Гильдии Писателей. Победитель Международного конкурса «Open Central Asia Book Forum – 2012». Печаталась в Узбекистане, России, Англии, Германии.

– Не одни мы, и гостей не звали, – отрезала Уля. Вошла в комнату, быстрый взгляд на бабушку бросила – жива, сидит за ведром, сжалась вся, прям пень сухой, только глаза блестят в полумраке. – Чего ты там? – спросила, кивнув, прошла к печи, ружье не опустила.

– Так он сказал, шоб сидела, – прошамкала бабушка, – беглый он, гони его, Улька. Уж час сидит, почитай; всю кашу слопал, что тебе сготовила...

– Вставай! – приказала Уля. – Уходи, а то пристрелю.

Мужик кулаки сжал, поддался вперед.

– Так и пристрелишь?..

Пуганый. Такого угрозами не возьмешь. Смел очень. Может, кто снаружи сторожит?.. Нет, один пришел, не было других следов. Уля дух перевела.

– Уходи, говорю.

Мужик медленно поднялся. Огонек в лампе колыхнулся. Сзади бабушка черпаком кланнула. Уж сидела бы, старая! Ладони Ульки вспотели. Мужик боком вдоль лавки прошелся, глаз с Ульки не сводя. Вышел из-за стола, выпрямился. Здоров брови! Такому черпаком все нипочем, бревном разве что?.. Не стрелять же, правда, в человека-то... Улька прижалась к печи.

– Уходи, добром прошу, пальну ведь, – пригрозила опять.

– Может и пальнешь, – мужик хмыкнул, – знаешь что, девка, давай договоримся. Я у вас денек-другой перекантуюсь и уйду. Сама посуди, ну куда я в такой одежке в непогоду? А?

Он изменился в лице. Только что злой был, страшный, а тут вроде как улыбается, полы робы своей мнет. Улька растерялась: сердечко-то женское, жалостливое. Опустила ствол. И тут мужик прыгнул. Прямо на нее. Всем телом прижал к печи, стащил вниз, заломил руку. Ружье где-то промеж ног, чувствует Улька, как приклад в ляжку вдавило. Свободной рукой в бороду вцепилась, потянула что есть мочи. Мужик взвыл, руку ослабил, но другой саданул в челюсть. От боли искры из глаз посыпались. Бабушка в крик, черпаком долбит злодея по спине. Он отшвырнул старуху. Она ударилась об угол печи и затихла. Улька силы потеряла, перед глазами пелена, в ушах шумит... еще удар по голове. Почувствовала только, как ослабли клешни, сжимающие ее, и провалилась в ад...

...Черти рвали в клочья ее одежду, скакали по ней, били копытами в грудь, жгли кочергой промеж ног и снова плясали свои сатанинские танцы, царапали когтями лицо, все ее белое тело, пока не изошло оно кровью, не распалось на куски, не истлело на костре...

Уля очнулась. Ноги озябли, челюсти свело от холода. Девушка открыла глаза, но ночная мгла сокрыла все черной пеленой. Уля повернула голову, и тотчас острая боль побежала от уха до уха, сжала в тисках шею. Стон вырвался из груди, но застрял в глотке, словно не мог пробраться через разбухшие щеки и губы, сквозь осколки поломанных косточек. Едва удержавшись в сознании, Уля оперлась ладонями о пол, приподнялась и почувствовала, как рука заскользила в луже тягучей жидкости. Как свет после грозы, прорвались ощущения: заныло тело, сердце свернулось в клубочек от боли и обиды.

– Ба... ба... – позвала Уля, едва приоткрывая рот и сглатывая кислую слюну.

Бабушка не отозвалась. Уля села, нащупала почти остывшую печку. Голова закружилась, тогда Улька встала на четвереньки и поползла. Наткнулась на тело... По бумажным чулкам, что сама покупала в сельмаге, поняла, что это ноги ее бабушки. Толкнула, бубня одними губами «ба-ба», но бабушка не отозвалась. Уля покачнулась, горячие ручейки поползли по щекам. Поняла, горемыка, что осталась одна, совсем одна, сиротой.

В сенях раздался кашель. Забыв о боли, девушка метнулась в угол, отчаянно шаря по сторонам руками. Дверь приоткрылась. Пахнуло табаком. Рука Ули попала

на черенок ухвата, тот накренился, лязгнул о кочергу. Мужик остановился в открытых дверях.

– Очнулась? – раздался сверху напряженный голос. – Где ты? – спросил вкрадчиво, сделал шаг, прикрыл дверь. – Не шали, девка, убью.

Рука крепко сжала черенок, тот шаркнул о пол. Мужик кинулся на шум, но Уля успела выставить руки вперед, и зубец ухвата мягко вошел в плоть под бородой... Сил хватило только на то, чтобы отвести руки в сторону. Насильник, хрипя, рухнул рядом. Уля снова потеряла сознание.

– Бедолага... эх, как он ей челюсть-то разворотил, сопротивлялась, поди... товариш капитан, ее в больницу надо.

– Да... – тяжелый вздох, – посмотри в избе, из чего носилки можно соорудить... этого тоже нести надо...

– Так, сдох же...

– Все равно, в лагерь отнести надо. А бабку похоронить...

– Э-э... м-м-м, – Улька застонала, в который раз вырываясь из небытия.

– Тихо, тихо, не бойся, мы не обидим... прости, сестренка, что поздно пришли...

Расплывчато перед собой Уля увидела лицо молодого солдата. Он смотрел на нее с жалостью, виновато. От этого Ульке стало так тяжело на душе. Она завывала. Завывала, как зверь в капкане, то скуля, то рыча. Слезы текли из припухших глаз и скатывались за уши. Уля, казалось, уже не чувствовала боли в теле, но душа ее страдала, ныла так, что невозможно было спрятать ту боль.

– Не плачь, сестренка, потерпи, мы тебя скоро понесем, в деревне доктор есть, все поправит, не плачь...

Еще ночью мела метель, Улька не спала, она слушала, как завывает ветер за окном, как затвердевшие от мороза снежинки бьются в стекло. Утром же на небе не осталось ни облачка! Солнце залило светом всю округу. Свежий снег искрился, слепил глаза, но Улька только шурилась и... улыбалась. Нянька Тося подсела к ней, заглянула в лицо.

– Хорошо, да, хорошо! – промолвила скороговоркой.

Она так и говорила всегда – быстро и чуть затягивая последний слог в слове, говорила, как пела.

Улька кивнула, порывисто обняла няньку, уткнулась в худенькое плечико – на минуточку только, – и опять в окно.

– Эх, сердешная, и приласкаться-то боишься, все осторожничаешь.

Нянька тоже в окошко глянула, увидела доктора. Он шел скоро, подняв воротник тулупа по самые глаза. И через окно слышался скрип снега под его валенками.

– А вот и Степан Тимофеич идет! Скажу, чтоб тебе морфию на ночь колот! Скажу! Не спишь ведь! А надо спать, во сне человек сил набирается!

– Не, не надо, – угрожающим шепотом ответила Улька. Не нравилось ей проваливаться в небытие, кошмаров боялась, чертей тех кровожадных, что терзали ее плоть.

Но нянька привыкла к ее голосу – хорошо, хоть так говорит! Рот ведь еле открывается! Степан Тимофеич, как смог, вправил девке челюсть, зубы, какие шатались, удалил, но боль так и не оставила ее, от того и не спала Улька ночами, да в непогоду особенно – ломило косточки, что сломались и срослись потом как лежали.

– И скажу! Чего ты? Тебе спать надо хорошо, есть надо хорошо. До весны тут с нами поживешь, поправишься. Вон уже посвежела, ожила хоть! – Антонина Иванова смахнула слезу, всхлипнула, но быстро взяла себя в руки. – А весной справим тебе жилье, хотя бы в доме у Васильевны – одна живет, не хуже тебя, бедолага, и работать с ней будешь, корову-то никогда не доила? Вот она тебя и научит!

Улька покачала головой.

– Нет, домой пойду.

– Куда? Одна в тайге! А как опять кто обидит? А тут люди, все друг за друга горой.

– Нет, – Улька решительно встала, – домой пойду, к бабане...

– Так похоронили ее, али забыла?..

Улька стала каменной, как статуя. Смотрит перед собой, не моргнет. Только шрам под щекой частоколом розовеет. Антонина Ивановна взялась за сердце.

– Вот что удумала, ох, девка, с людьми надо жить, с людьми...

Твердость характера в Ульке от отца. Того никто не мог с пути свернуть, никогда. И воевать он пошел по своему разумению. Хоть и жили они отшельниками, а землю свою любили. Когда военком пришел, сказал, что родину, землю родную защищать надо, отец Ульки только и бросил матери: «Сбирай в дорогу!» Вот и Улька – решила и точка! Не стала она весны дожидаться. Собрала вещи, что ей всем миром справили, хлеба взяла, спичек, соли, встала на лыжи и, поклонившись в пояс Степану Тимофеевичу да няньке Тосе, ушла в тайгу.

Непросто, ох, непросто добраться до избы по глубокому снегу! Лыжи пришлось снять – в гору они бесполезны, одна морока. А как сняла, так и провалилась по пояс. Руками снег разгребала, всем телом колею себе уминала. Где круче стало, пошлось легче. Улька пыхтела, как лось, но усталости не чувствовала.

Вот и изба. Снегу намело!.. Дверь бревном приперта – солдатики постарались, не оставили дом нараспашку. Уля разгребла снег с крыльца, бревно аккуратно в сторонку убрала. Отдышалась да дернула дверь на себя. Та тяжело пошла – приморозило. А как вошла Уля в горницу, пахло на нее стужей, не привычным теплом от печи. Вымерзла изба без людей, уснула, как медведь. Уснула, но память о страшных событиях сохранила. Тут бабаня лежала, тут бес бородатый сидел, тут сама она, Улька, кровью изошла. Вспомнилось все снова с той же остротой. Улька закачалась, упала на колени, дала волю горю. Оплакала и бабаню, и судьбу свою горемычную. Да долго ли слезам литься?! Утерла нос, встала и перво-наперво принялась печь разжигать.

Прибиралась Улька, а сама только и думала о бабане, о том снежном холмике перед избой. Выйдет на крыльцо одеяло потрясти – смотрит, воду сольет – постоит, поглядит.

Когда снег сошел, Улька могилку поправила, поставила крест, как положено, хоть бабаня ни бога, ни черта никогда не признавала, рябинку молодую, ту, что в тот злопамятный день видела, тоже к ней пересаживала.

– Вот, по соседству будет с тобой. Знаешь, как она по осени горит на солнце? Огнем полыхает! – Улька с рябиной той, как с бабаней, разговаривала. – Я тебя вижу, ты – меня. Слышь, бабань, тяжела я стала, рожу летом. Как без тебя, а? – сказала, прислушалась, рукой махнула, как обычно бывало в их беседе. – Не пойду я в село. Душно мне там, грудь так и спирает, не могу. Смотрят все... Сама справлюсь, – рябина веткой повела, будто бабка согласилась.

Как сезон пошел, заходили к Уле деревенские охотники, председатель даже раз поднялся, гостинцев принес от Антонины Ивановны, звал в село, мол, рук не хватает, работы много. А Улька никого не приветает, все молчком, только и буркнет, что у нее самой работы невпроворот.

– Я вам меха сдаю, норму вашу выполняю, что еще надо?

Председатель только плечами пожал, затворница, девка, затворница и есть. Не нужны ей люди. А жаль ее. Такая краса пропадает! Хоть и изуродовал ей лицо тот беглый, а стати у нее не отнять! Косу с пышной груди откинёт, подбородок вверх, гордая, а взгляд... глаза черные, омутами... хоть и много баб в деревне, а эта особенная. Но... попробуй, подступись к ней, особенно после того...

– Кхе, – кашлянул в кулак, взгляд отвел, – ты, Ульяна, если что, если надумаешь, приходи, ко мне прям и приходи, – Улька обожгла взглядом. Председатель закашлялся

совсем, – ну, я пошел, шкурки, значит, потом принесешь, ага... – и ушел, не оборачиваясь.

А к лету Улька и вовсе стала людей сторониться. Кто придет, и на порог не выглянет – нет ее! По лесу ходит. Зверя выслеживает, птицу бьет, ягоду собирает, грибы – готовит себе запас, прикидывает, сколько пушнины зимой добудет.

Пришел срок, почувствовала Уля, как полоснуло по животу, поняла, что дитя созрело внутри нее. Закрылась в доме. Пока схватки еще слабы были, воды согрела, белье чистое приготовила, все под рукой сложила. А как невоготу стало, ужом скрутилась на полу, ножку стола двумя руками обхватила, запричитала, снова бабаню прося о помощи.

Родила Уля ранним утром, как медведица в берлоге. Дочку родила, хорошую, голосистую. Обрадовалась ее голосу, прижала к груди, а девочка губки тянет, есть просит. Как присосалась дочка к груди, так сладко стало. Уля все терпела безмолвно – и боль, и одиночество, а от счастья заплакала. Дочку по головке гладит, едва натруженной ладонью прикасаясь к ее мокрым волосикам.

– Кушай, рябинка моя алая, кушай, родимая, – Улька всхлипывает, а дочка насытилась, уснула. Губки алые, и прям, что гроздь рябины на морозе. – Как звать-то тебя буду?... Бабаню как звали... не помню, не помню, была бабкой и все... – Уля озадачилась. – Как маму – Пелагеей?... Ой, мудрено будет! Тосей назову! Как няньку – Антониной Ивановной! Хороший она человек, и ты с ее именем не пропадешь! А, бабаня? – спросила. – Пусть Тосей будет?..

Трудно было Уле сначала с дочкой. В тайгу ходить надо, а дочь одну оставлять как? Но решилась раз, оставила, потом легче стало. Девочка спокойная оказалась. Уля ей угол огородила, чтобы куда не заползла без нее – не повредились, а избу запирала – пусть, кто придет, думает, что нет никого. Но сердце болело за дочь. Оленья ли выслеживает, птицу бьет, а сама будто прислушивается к ее дыханию.

Раз вернулась Уля, а на крыльце солдат сидит. Испугалась. Ружье вскинула. А солдат как ее увидел, встал, кричит:

– Не бойся меня, это я, я тебя тогда к врачу нес... Уля, я демобилизовался, в деревню пошел, там сказали, что ты тут, одна...

– Зачем пришел?

Уля ружье опустила. Поняла, что от солдата вреда не будет. Быстро к избе, на гостя и глаз не подняла. Дверь отворила и шарк внутрь. Солдат хотел было за ней, а Уля бросила, как водой ледяной окатила:

– Тут будь, нечего в избе делать.

Он постоял, снова присел на крыльце, закурил. Из избы вроде плач детский слышался, потом смолк. Солдат окуроч бросил, вторую папироску закурил. Уля долго не выходила, все ждала, может гость незваный сам уйдет, но не ушел, сидит.

– Зачем пришел, спрашиваю?

Она вышла, дверь за собой прикрыла. Смотрит прямо. Глаза, как у зверя, буравит ими, а сама будто только того и ждет, что нападения.

– Я... Уля, меня Дмитрием зовут... я хотел... – замямлил он сначала, а потом решил сразу в лоб, – ты почему от людей ушла?

– Тебе какое дело? – Улька свое гнет.

– Я к тебе шел.

– Зачем?

– Запала ты мне в сердце...

Ульке слова эти хуже выстрела оказались. Растерялась она, вглядывается в лицо парня, понять хочет, что ему надо, а не может. От этого почувствовала Уля себя беспомощной, рассердилась, кулаки сжала.

– Иди отсюда. Недосуг мне с тобой лясы точить, у меня дел полно.

Сказала и за мешок свой взялась, а Дмитрий ее за руку ухватил. Уля дернула руку, а он крепче сжал.

– Послушай. Я сейчас уйду. В деревне жить буду, председатель обещал дом выделить, ему рабочие руки позарез нужны, так что дело мне найдется. Я ждать буду. До холодов. Если не придешь, уеду в город, – он дух перевел, а Улька стоит, смотрит в пол, но руки не выдергивает, слушает. – Я жениться на тебе хочу. Все это время только о тебе и думал. Но торопить не буду. Решишься – приходи. Не придешь, так и знай, уеду, – сказал, как выдохнул, отпустил Улькину руку и ушел, не оборачиваясь.

Улька мешок уронила, большой ладонью обхватила подбородок, пальцами по шраму водит, сжала зубы, а все равно не сдержалась, разрыдалась. Качается из стороны в сторону, мычит, а слезы в два ручья. Рябинка над бабкиной могилой тоже закачалась на ветру. Ягоды еще незрелые, но покрасневшие, горят огоньками.

– Бабаня, что ж мне делать?..

В избе Тоська всхлипнула. Уля вмиг очнулась, вскочила, побежала к дочке. Та во сне плакала, но стоило Уле постучать легонько по попке, укачивая, дочка затихла, губки вздрогнули, вытянулись в ниточку.

– Улыбаешься, – прошептала Уля, – рябинушка моя... подрастешь скоро, тебе учиться надо, что ж мне делать, доча моя?.. А как не признает он тебя, как приду я, а он нас вдвоем не признает?.. Ох...

Уля потеряла покой. За что ни возьмется, все из рук валится, только мысли тяжелые, вопросы без ответов роem в голове носятся, гудят, сил нет больше это терпеть. Нравится ли ей солдат, и не думала, все беспокоилась, как дочь увидит, что тогда скажет, уходи, не нужна такая – и с рожей искалеченной, и с дитем...

– Нет, Тося, не пойдем, посмеется и все, в город уедет, а нам потом как жить? Каждая собака брехать будет. Нет, не пойдем!

Вроде поставила точку, а сердце не успокоилось. Ноет, а то сожмется сладко, как слова о женитьбе вспомнит. Ведь и думать об этом не могла! Кому нужна такая?! А солдат хорош, крепкий парень, видный, ростом чуть маловат, но руки сильные. Вспомнила, как горела ее рука в его руке, вспомнила, да сердце тем огнем обожгло.

Закончились теплые деньки, дожди зарядили. Деревья в золото и багрянец нарядились, а люди одежду теплую из сундуков достали. У Ульки того добра и от матери, и от бабки осталось, а вот детского ничего нет. Тоська из пеленок выросла, скоро ползать начнет, а там и пойдет, одежду ей надо. Уля за шитье принялась. А сама все думает, думает. В деревню, так или иначе, идти надо: запас кончается, зима впереди. Раньше давно пошла бы, а сейчас все никак не решится. И Тоську одну надолго оставлять боязно, и солдата того встретить боится, хочет, но боится. А слова его все в голове звучат: «Только о тебе и думал. Только о тебе и думал». Глянет Уля в зеркало, подивится на себя, голову вбок склонит, чтобы шрама видно не было, и ничего вроде, хороша...

Как снег выпал, собралась Уля. Дочку укутала, к себе привязала, чтоб руки свободными были. Только на рябину оглянулась. Та горит ягодами в снежных шапках.

– Пошла я, бабаня, не знаю, вернусь ли...

Попрошась, ружье поправила, дочке, что во все глаза тарашилась по сторонам, улыбнулась и заскользила по снежной целине.

Шла легко, но не спешила, осторожничала. То ветку в сторону отведет, то с крутой тропы сойдет, чтоб не упасть ненароком – за дочку боялась. Вот и береза сломанная: ветки в сторону реки распростерлись, а ствол разломом как раз на тропу указывает. Обогнула Уля две елки, что как сестрички рядом росли, и столкнулась с мужиком: он по тропе поднимается, полушубок нараспашку, под ноги поглядывает. Ее, Ульку, увидал, встал как вкопанный. Улька за ружье, да снять сразу не вышло: дочка мешает, мешок за спиной. Мужик к ней, шапку скинул, кричит что-то. Тогда Уля и узнала – солдат ее, Дмитрий! Руки опустила, смотрит на него, и взгляд ее спокойный стал: ни злости, ни страха в нем нет. Стоит Уля просто и ждет, что тот, кто звал, кто грозился с холодами уехать, если не придет, скажет.

– Здравствуй, Уля...

– Здравствуй. Туда ли идешь, Дмитрий? Станция в другой стороне будет.

– Ждала, когда снег ляжет? – ответил вопросом, а сам ближе подошел.

Уля молчит, в глаза смотрит. Снег с еловой лапы соскользнул, в тишине слышно, как лег поверх наста. Дмитрий взгляд на куль перед грудью Ульки перевел. Понял, кто это. Улыбнулся.

– Из-за этого от людей прячешься?

Ульку резануло его «этого», набычилась, сквозь зубы прошипела:

– Это дочь моя, Антонина Ивановна. А от людей я не прячусь. Видишь, иду в деревню...

– Не ко мне, значит...

Уля промолчала, разглядывает суженого. Брови густые, прямые, как он сам, глаза из-под них шелками, и не разглядишь, какие, только взгляд льется прямо в душу...

– А что, с дитем возьмешь? – бросила вызов, усмехнулась.

Дмитрий молчит. Тогда еще, как услышал детский плач, отогнал мысль о ребенке, подумал, может, зверушку какую в доме держит: волчонка ли, лису, – а то и правда дитя было.

Уля по-своему его молчание поняла. Шаг назад и объехала.

– Ты куда?!

– Мне дочку морозить тут незачем, быстрее в деревню надо, путь дальний, – сказала и заскользила дальше.

Дмитрий за ней. Едва успевает.

Уже у самой околицы Тося в голос. Уля ее успокаивает, а сама на дымок от край-ней избы поглядывает. Не прогонят же с дитем! Ей ненадолго – покормить, переодеть, надула уже и не раз. Не дожидаясь спутника своего, свернула Уля к избе, а как вошла, обрадовалась: Антонина Ивановна там хозяйничает!

– Няня! – кинулась к ней.

А та Тоську увидела, руками всплеснула, к себе тянет.

– Дай сюда, эх, непутевая, дитя заморозила, как же можно, такую кроху по тайге зимой таскать как мешок, ишь, привязала еще!..

Потеплело у Ульки на сердце. И обида на солдата улетучилась. А он следом за ней в избу.

– Ты что сюда? – спросила грозно, но что-то женское, теплое смягчило ее слова, как тепло избы растопило холод.

Дмитрий полушубок скинул, шапку аккуратно на полку пристроил. Пригладил взмокшие волосы, что отросли со времени их последней встречи. Чуб кольцами на лоб лег.

– Домой я пришел, – сказал, улыбаясь.

Улька на няньку зыркнула, на солдата снова, не ожидала такого, сконфузилась, за вешки начала хвататься.

– Пойду я.

Дмитрий обхватил ее обеими ручищами сразу, сжал крепко, на ухо шепчет:

– Никуда ты не пойдешь, сама пришла, тут и жить будем.

Улька сначала уперлась в его грудь кулаками, все оттолкнуть хочет, а потом так ей уютно стало, так покойно, будто огородила та грудь ее от всех невзгод. Обмякла Уля, руки опустила, носом в потную рубаху уткнулась и затихла. Только певучий голос няньки из-за печи слышится, как воркование голубки, слух радует:

– Вот и хорошо, вот и ладно...

ПОЭЗИЯ

**Вика
ОСАДЧЕНКО**

Родилась в 1980 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии, член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда».

И шепчут деревья поспешные песни свои...

* * *

Чемодан, приготовленный к бегству, набит стихами.
Время, залитое в человека по самое темя,
сквозь неприметные трещинки утекает.
Вместо него втекают вечные темы.

Племя, несущее бремя – знание или зная,
веснами или снами, с нами или не с нами,
из безымянной могилы или из звездного крошева,
из-за стального кружева, из-под всего, что прожито...

Прошрое, припорошенное вялыми «не положено»,
выжжено и нехожено – заново расцвело.
Новое, полыхающее до озноба, до дрожи,
даже если положено заживо под стекло.

Тянется к человеку, в руки его, в тепло
книжной тяжелой плотью, сладким сухим плодом.
Белых страниц уголья, буквы на белом бродят,
строят просторный дом.

А человек построит дом из того, что взял:
шороха крови, обжитых тенями чужих зеркал,
солнечных дней нечаянных, собранных по складам,
следа почти случайного. Дара – поскольку дан.

И, уходя из дома, он возьмет чемодан.

* * *

Когда ксилографический январь
сменяется весенней акварелью,
то календарь читаешь, как букварь –
каких-то вечных истин повторенье.

Помоешь рамы, выйдешь без зонта
под серый холст нетронутый небесный –
и вдруг увидишь, что висишь над бездной,
как запятая на краю листа.

* * *

Потому судьба жестока с теми,
 чьи слова – живое вещество,
 что они оправдывают время.
 Даже обвинением его.

Им дано и в тюрьмах, и в парадах,
 в казни новой, лжи очередной
 разглядеть единственную правду –
 божий вздох, летящий над страной.

В их руках дозволенные темы
 крошатся – но из сухой пыли
 вырастают дивные растенья,
 плачущие голосом земли.

И за это лишь одна свобода
 в выбранной бессменно их судьбе:
 говорить от имени народа.
 О стране. О веке. О себе.

* * *

Вот над землей натянута вода:
 весенний ливень.
 Гудят от напряженья провода
 небесных линий.

И каждая тугая вертикаль
 живет секунду,
 но капли продолжают возникать –
 зачем? откуда?

Какие-то летят из высоты
 слова, приветы.
 Кивают им примятые цветы
 с дрожащих веток.

Прислушиваясь к лепету, найдешь
 одну примету:
 о мертвых говорит осенний дождь,
 о жизни – этот.

И плещет, и щебечет, и летит
 домам на плечи,
 как будто город подключен к сети
 живых наречий.

* * *

Мой город беззащитный, безъязыкий,
 все горше я тебя не узнаю.
 Ты с будущим столкнулся – и на стыке
 я потеряла улицу мою.

Вот так, Ташкент, прощаться начинаем.
 Мучительно, бессильно забывая,
 как тенью выстилали зной чинары,
 качались тополя, звенел трамвай.

Увозят и увозят, не жалея,
 древесные тела грузовики –
 и люди ждут, покорны, как деревья,
 чуть ниже по течению реки...

И провода над рельсами провисли,
 сплетаясь неразборчиво в строку
 оборванной, незавершенной мыслью,
 понятной только ангелам вверху.

* * *

Что-то такое летящее, кружевное,
 что-то воздушное, но все равно земное
 кружится, выюжится, плещется надо мною –
 это цветут деревья, вскипает город.
 Наземь летят белоснежные многоточья,
 словно молочные капли, лунные клочья.
 Вечности легкий почерк – но в этом прочность.
 Крепость, что даже граниту придется впору.

Это обманно-беспомощное круженье –
 жизнь в бесконечном горении и движении.
 Яростной силой гудящее напряженье,
 жил натяженье, сходящее в хищный корень.
 Та же тугая пружина зажата в семя –
 даже под слоем асфальта рвануться всеми
 силами вверх, в ослепительное цветенье.
 Каждый росток, как последний солдат, упорен.

Камень с пути сдвигая, вгрызаясь в глину,
 корнем ведя по строке этой книги длинной,
 из-под сырых страниц, сквозь разлом – лавина
 радостной зелени, твердой древесной плоти.
 А на виду – только облачный пух цветочный,
 полупрозрачный и призрачный пряной ночью.
 Ветром стираемый вечности легкий почерк.
 Жизнь за спиною встала, а смерть – напротив.

* * *

С оглядкой на то поколение, что было до нас,
и смутной виной оттого, что мы слишком другие...
Не страх быть собой и тем более не ностальгия:
ведь общее что-то сквозит в выражении глаз.

Поскольку родство не в крови и вообще – не в крови,
а дело любви, если правильно я понимаю,
а ветер гуляет по кронам и ветки ломает,
и шепчут деревья поспешные песни свои...

Но с точностью зная, какое сегодня число,
привыкший к просторным, прочерченным солнцем пейзажам,
увидит ли странник: здесь дерево прежде росло.
И срублено было, и шрам на земле уже зажил.
И годы прошли, как покинула векша дупло.

Наш странник, мы уголь, и пепел, и черная сажа.
Стоишь ли ты в будущем, где от молчанья бело?

* * *

Вот маленькое облако лепечет
на солнечном, на птичьем языке.
Как жаль, что мне с земли ответить нечем
той музыке, той азбуке, той речи;
что век свинцовых литер быстротечен,
а горсть песка, зажатая в руке,

течет сквозь пальцы. Дни наперечет,
и что-то изменяется в пейзаже,
и солнце ослепляет и печет,
но ветерок подхватит – и с высот
гляди: внизу прекрасный сад насажен
и золото мелодии цветет.

* * *

Если глянуть с небосвода –
на земле и жуть, и мрак.
У поэта есть работа:
говорить, что всё не так.

Как бы тут ни громоздились
золотые города.
Ни на Марсе, ни в России,
ни на время, никогда.

Свечка светит, ходят тени,
все кривы и коротки.
У поэта есть сомненья.
У поэта есть стихи.

Он идёт несмелым шагом
и на палец крутит нить.
Каждый новый век расшатан
так, что не восстановить.

Он не справится с починкой.
Он вообще не для того.
У него одна причина:
чувство странности всего.

Ни за что он не в ответе,
этот странник и простак.
Все дела его на свете –
повторять, что всё не так.

По заслугам и награда.
Вы-то думали, легко
говорить среди распада,
мора, глада, града, ада,
что бывает – так, как надо.
Просто очень далеко.

* * *

Город маленьких деревьев,
где теперь твои аллеи?
Улиц пыльные моря.
Долгий зной в календарях.
Корни, что скрепляли землю,
больше с ней не говорят.

проза

СВЯЗЬ ВСЕГО СУЩЕГО...

Рассказы

СВЕТОФОР

Пространство, в котором я нахожусь последние два месяца, называется двухкомнатной квартирой в обычной пятиэтажке, где при каждом сильном хлопке входной двери с антресолей срывается и норовит хлопнуть по затылку огромный бестолковый зонт.

Время обозначается понятием «преддипломная практика», а мои главные состояния колеблются от восторга сопричастности гению Мураками, когда работа летит на бумажных крыльях удачи, до глубокого уныния, когда осознаешь, что в понимании окружающего мира и сущности человека между тобой и Сенсеем огромная пропасть.

Меня вселили сюда сверхзаботливые родители, чтобы изолировать от всякого необязательного общения или чтобы избавить себя от лицемерия моей озабоченной интеллектуальным напрягом физиономии. Так накрывают холстиную клетку с расшалившейся домашней птахой, чтобы она немного подумала о своем поведении.

Метод оказался очень действенным. Изоляция от раздражающих факторов и постоянное почесывание затылка по истечении некоторого времени дали ощущение, будто я держу в руках ключ к пониманию языка символов, на котором говорит Мураками. И сейчас с терпеливостью бывалого рыбака из тихого озера страниц, покрытых рябью иероглифов, я выуживал эти символы, как выуживают быюшихся, отливающих всеми цветами радуги пескаррей, радуясь каждой пойманной рыбке.

Дом, в котором я поселился, расположен в довольно оживленном районе. Раньше его, как остров, обтекали с двух сторон параллельные улицы, но недавно одну из них, ту, что была позади дома, разворотили в лучших традициях варварской эстетики. Единственное, что могло развлечь обывателя при взгляде на образовавшийся пустырь, был старый одинокий светофор, к удивлению жильцов дома, все еще работающий. Правда, ритмичность его работы давно нарушилась, и он то подолгу замирал в желтом режиме ожидания, то выдавал красный с зеленым одновременно, а то и вовсе отключался, будто засыпал. Что-то это мне сильно напоминало, но что? Иногда я выглядывал из окна спальни в раздумьях об образах и символах и ловил на себе его разноцветные взгляды.

Как бы объяснил эту ситуацию Великий японец?

**Ашот
ДАНИЕЛЯН**

Родился в 1983 г.
в Ташкенте.

В 2006 г. окончил Ташкентский институт востоковедения. Филолог. Переводчик с японского.

Музыкант, основатель рок-группы «Крылья Оригами». Автор рассказов, стихов, краеведческих очерков, опубликованных в местных и зарубежных изданиях.

– Ну что ты, мой друг. Это же очень просто! – голос внутри меня звучал на северном диалекте.

– Главный закон времени – это не его количество или число, а его правильно понятое качество! В каждый проживаемый момент жизни ты должен научиться хотеть не то, что твоей натуре угодно, а то, что актуально и угодно Космосу! Будь в гармонии с ним, и тогда ты получишь все, что тебе отпущено! Ведь веточка сливы цветет не для себя, а чтобы принести в мир еще немного красоты, и тогда уже Творец посылает к ней заботливую пчелу...

– А как же узнавать это качество, Сенсей?

– Научись видеть, читать и понимать знаки и символы. Кстати, этот светофор и есть модель большого символа. Ты торопишься, хочешь бежать куда-то, а он говорит тебе: «Стой!» В этот период времени и в этой твоей точке пространства главное сейчас качество – опасность перемен! А оттенок красного – это «до» первой октавы. Так что лучше тебе вернуться домой и пару часов вообще нигде не шастать.

– Сенсей, но если Нежность или Любовь гонят тебя из дома?

– Лови своих пескарей, Ученик, и не только книжных. Да, и помни, что до рыбы Фугу тебе еще далеко. А Любовь, может быть, это самая большая и опасная рыба Фугу!..

Господи, мне уже голоса мерещатся, весь усиделся и уработался, пора бежать на прогулку.

Пора или не пора? Я подошел к окну и выглянул на улицу: светофор показывал разрешающий зеленый!

Эта игра появилась случайно: когда нужно было срочно принять решение, а ответа не было, я задавал вопрос светофору, и он отвечал на него. Очень удобно, и не надо ломать голову лишний раз, а в случае неудачного исхода все можно спихнуть на волю случая и глупость светофора. Мне импонировало и то, что в отличие от категоричных орла и решки у меня был желтый цвет. Не суетись, мол, и не дергайся. Повремени! Эдакое цветное триединство подсказок и упорядочивание хаоса и суеты. Итак, решено: я иду гулять...

...Знак, символ у Мураками – это сигнал: напрягись, сейчас произойдет важное и предрешенное – выстрел дуэльного пистолета или удар в огромный колокол, на бронзовом боку которого сидит бабочка!

Клюет, клюет! Я поймал ее! Жестяное колечко от пивной банки, которое герой «Охоты на овец» крутит на безымянном пальце, выясняя отношения со своей бывшей женой, не что иное, как символ неудавшегося брака. Золотое кольцо – древний символ супружества, жестяное колечко – современный символ неудавшегося брака. Рыба в ведре!

Итак, решено: сегодня я иду гулять в метро. Да-да, некоторые, в том числе и я, именно там и гуляют. Это совсем другой – Нижний мир, царство Валгаллы, пещера Дракона и, как бы пафосно это ни звучало, лоно Мегалополиса – место, где свершаются тайные обряды символических рождений и смертей. Вошел в метро – слегка помер, вышел из неизбежных, хлопающих по плечам дверей – как бы вновь родился. Да и внутри для чувственных натур ощущения слегка потусторонние. Сегодня там прохладно и тревожно, разве что серой не пахнет, что сейчас вылетит из тоннеля на платформу – обычный поезд или с диким улюлюканьем веселая стайка привидений? И то и другое мне кажется вполне уместным.

Любое подземелье, без преувеличений, сродни нашему подсознанию. Мыслительные процессы здесь неизбежно затихают, зато активно включается интуиция. Это я по себе знаю. Здесь очень много отражающих поверхностей: стекол, зеркал, шлифованного мрамора, бронзы и никеля. Много бликов и блуждающих отблесков,

так доверчиво и слабо противопоставленных великой Темноте, изначальному Оно! Не случайно многие станции так похожи на музейные залы с мистически организованным пространством и малопонятными, но сильнодействующими древними сюжетами картин и скульптур. Да и вагоны метро напоминают вытянутые музейные коридорчики, где в первой же раме на стене напротив – ты сам, разлюбезный!

– Так что у нас сегодня? Справа на экране окна – святое семейство: папа, мама, дочка. Можно поугадывать, почему у женщины пообломан ноготь на левом указательном, бирюзовые сережки, два серебряных колечка и сердитое лицо. Он бородат и уныл, дочка – маленький мажорчик с моторчиком: «Я всех люблю, мой папа самый сильный, давайте скакать по сиденьям...» – ее самые главные мысли. С женщиной проще: «Он меня не слушает, опять ташимся через весь город к его маме...» Муж солиднее: «Цены на нефть в Венесуэле, мировая экономика ни к черту. Хорошо бы пива!»

– Путь к пониманию Вселенной лежит через осознание ее маленькой частицы, ведь и она – Микрокосм! Этот простой принцип, являющийся на протяжении веков отличительной чертой философии Востока, прибрел у Мураками особый смысл. Почему маленькое женское ушко, похожее на миндальную косточку с глубокими прожилками, то открывающееся, то прячущееся в волосах, так важно и в рекламе бижутерии, и в интимных играх с любимым мужчиной, и в безотнositельно верно отслеживаемой связи с потусторонними силами? Эта рыбешка засела слишком глубоко, ей не интересна наживка из обычных умозаключений, к ней нужен особый, нестандартный, подход...

Ну и что у нас сегодня слева? Господи, неисповедимы стези твои, что же это происходит!?

Сначала я заметил ее выющиеся светлые волосы, небрежно перехваченные цветными матерчатыми колечками: желтый, зеленый, красный – желтый, красный, зеленый. Ми, фа, до – ми, до, фа. Затем удивительное маленькое ушко, розовое и доверчивое, как цветок, и только потом легкий наклон и поворот головы – и дрогнувшие веки позволили увидеть ее глаза. Пространство вагона стало сворачиваться, как постер или древний свиток папируса, в длинную трубку, оба конца которой, словно полупрозрачные зеркала, впитывали и отражали только наши лица.

Растерянность и ожидание увидел я в чертах ее лица.

– Это ты? – спросили ее глаза.

– Конечно, кто же еще?! – пытался я передать своим взглядом.

– Я устала без любви! – опустили ее веки...

В вагон набилась гомонящая молодежь, стало тесно, и я в лучших традициях Хулио Кортасара загадал, что выйду через две станции, и если угадаю, то это будет судьба: мы столкнемся. Ведь она едет не домой, не на учебу, не на работу. Она просто едет по одной из дорог Нижнего мира и, может, у нее есть своя игра. И она знала, конечно, знала где меня искать! Сейчас разойдутся ладони вагонных дверей и... Яблоко пролетело мимо головы Ньютона!

...Один из героев Мураками занимается тем, что читает воспоминания давно умерших единорогов. Взяв в руки череп и сосредоточившись на нем, он погружается в чужую память, поднимая ее на уровень своего Среднего мира. отождествляя себя с вещью, с некоторыми предметами окружающего мира, он пытается на клеточном уровне ощутить новую энергию и символическую связь всего сущего. Это и есть главный принцип «Джазового дзена»: познавая нечто вокруг тебя, ты познаешь себя! Еще одна рыбка клюнула, надо бы поточнее сформулировать наживку...

Вернувшись домой, я почувствовал себя разбитым и уставшим. Сварив кофе, пил его и думал о ней, девушке из метро. Откуда она возникла, встретимся

ли мы еще? Ведь есть такой принцип: все, что случилось однажды, обязательно повторится. Я подошел к окну и повторил свой главный вопрос. Светофор невозможно светил ярко-желтым.

– Да ну тебя, старая железяка! – раскипятился я, – Вот сам и жди до скончания века, пока тебе построят новую дорогу!

Теперь я понимал, что означает выражение «Мысль достигла наивысшей точки напряжения». Мне необходимо влезть в шкуру любого предмета, не думая, что первым придет в голову. Светофор?! Да будет так!

Мысленно, потихоньку, крадучись ночным зверем, втискиваюсь внутрь узкой трубки светофоровой ноги. Пытаюсь правдиво ошутить все шероховатости изнутри, натыкаясь на что-то острое, оцарапав себе спину: «Чертовы сваршики, могли бы поаккуратнее делать свою работу!» С опаской отодвигаясь от оголенных участков проводов, ползу дальше, и вот я уже наверху, в трехэтажном домике. Да здесь совсем недурственно! Даже, в каком-то смысле, уютно! Что это за штука шелкает в коробочке? Написано «РЕЛЕ». Что-то из музыкальной грамоты! РЕ – понятно, а ЛЕ – искаженное электрическое ЛЯ? Зато какие цвета красивые, и я могу регулировать их оттенки, например, от бордового до пурпурно-красного это будет ДО моей светофорной, а точнее, светоФарной, октавы. Через золотой, озолоченный желтый, добираюсь до чудесного цвета молодой травы, это – ФА, фантастика! Осмотрелся по сторонам: слева – бывшая пешеходная дорожка, справа – остатки дороги. Впереди был перекресток, да какой! Сколько здесь всего происходило: люди, машины, энергии, ритмы. Несколько раз я видел озабоченно снующих ангелов хранителей, удерживающих своих подопечных от неосторожного шага, который мог стать последним. А на заднем плане – пятиэтажка, из окна второго этажа выглядывает знакомый парнишка. Он мне симпатичен, и поэтому я ему иногда помогаю. Это игра такая: он задает мне на редкость простые вопросы из короткого будущего, а я всегда точно отвечаю, хотя мог бы слукавить или отключиться, думай, мол, сам.

Скоро пойдет дождь и начнется Большое преображение! Добрые энергии неба вместе с молниями падут на влажную землю, и многим живым существам захочется теснее прижаться к себе страждущего, близкого, любимого. Захочется уравновесить свои внутренние ритмы с биением родного сердца. Кто-то захочет быть очень сильным, а кто-то позволит себе быть доверчивым. Скоро пойдет дождь, и плотность Верхнего мира разорвет молния. И это главный символ единения всего подлунного мира!

Почему же, даже будучи одиноким светофором, я каждый раз перед дождем жду чего-то важного и хорошего? Первые капли на моей ноге. Но это не дождь, это слезы. Пока я смотрел вверх и предавался размышлениям, девчонка, уже давно стоявшая рядом, вдруг разревелась. Я знаю отчего: это внутреннее одиночество, вдруг совместившееся с давним страхом потерявшегося ребенка, и еще ощущение непарности, обостряющееся в грозу. И, разволновавшись, я сам пытаюсь звать на помощь. Хоть кто-нибудь, на помощь!

...Я очнулся, словно после тяжелого пьяного сна. На щеках слезы, а спина как будто исцарапана. Мне чудилось, что кто-то зовет меня, просит о помощи. Выглянув из окна и получив отрезвляющий удар ветра с дождем в лицо, сквозь тьму и ливень я увидел только небольшое пространство, освещаемое светофором в призывно-тревожный красный цвет. Рядом с ним обманчиво трепетала одинокая фигурка девушки. Бесстыдный ветер озоровал и пытался сорвать с нее легкое платьице, хотя, как известно, этого нельзя делать без согласия самой девушки, а дождь, похоже, усиливался. «Кто она? Как забрела сюда в такую погоду?» Внезапно мой друг светофор

сменил цвет на изумрудно-зеленый, и я понял, что это может быть только она, девушка с разноцветными колечками в светлых волосах. И еще – очень важно: я знал, где найти прекрасный крепкий зонт, способный укрыть от дождя и ветра двоих!

МАЛЕНЬКИЙ ДРАКОН

К северо-востоку от Токио, в глубине одной из туманных провинций, окруженной и взятой в плен вечнозелеными горами – у каждой из которых было свое имя и божество – прятался небольшой городок, именуемый Иsikоси. На окраине Иsikоси, возле пруда, отражающего всегда разное небо и охраняющие его скрюченные ветви деревьев, стоял двухэтажный дом, первый этаж которого был зубо-врачебным кабинетом, а второй – жилым.

Ранним летним утром, задолго до того, как был услышан бронзовый колокол из храма, на порог дома вышел серьезного вида темноволосый мальчик. Ветер, как из флейт, выдувал причудливые звуки то ли из бамбукового плетня, то ли из пустых молочных бутылок, что стояли рядом с дверью. Мальчик улыбнулся, вспомнив о том, что сегодня у него день рождения.

Маленький Икикун на седьмой год своей жизни сделал для себя небольшое открытие. Он заметил, что арабская цифра семь по написанию очень похожа на один из элементов иероглифа «Ши» – «смерть». Это сходство его очень сильно забавляло, и довольно часто, сидя на полу в окружении разбросанных фломастеров, каждый из которых, словно новобранец, прошел проверку на запах и вкус (о чем свидетельствовали разноцветно размалеванные кончики носа и языка), Икикун старательно выполнял задания в дешевых книжках-раскрасках, выводя пока еще неверным почерком цифры от единицы до десяти. Доходя до цифры семь, он с детской непосредственностью убивал ее, пририсовывая недостающие элементы иероглифа «смерть», за что постоянно получал тумаки от своего брата, который был на три года его старше.

– За что? – недоумевал Икикун, задыхаясь в слезах. – Семерка сама захотела умереть! – но так ни разу и не удостоился вразумительного ответа.

На свой день рождения Икикун получил от деда два подарка: Это были хрустящая тысячейеновая банкнота, пахнувшая типографской краской, и, по словам собравшихся, гораздо более ценный подарок – место на городском кладбище в виде сложенного втрое листка бумаги со всяческими подписями и огромной красной печатью в конце. Оба подарка были запечатаны в один конверт, однако в ценность второго подарка пришлось поверить на слово, если не сказать, что, увидев ничем не примечательную бумажку, Икикун в первый момент от разочарования чуть не расплакался и заявил, что не хочет на кладбище.

Зато тысячейеновая купюра улыбалась Икикуну солидным взглядом господина, выглядывающего из ее левого угла, и была приятно шероховатой на ощупь, как иссохший лист клена. Да к тому же суровый, по своему обыкновению, дедушка сегодня был каким-то особенно мягким и добрым.

Икикун всегда считал дедушку немного странным, но тем не менее сильно любил его и твердо решил на подаренные деньги купить что-нибудь такое, что обрадует не только его самого, но и дедушку, а может быть, и брата. Поэтому, недолго думая, они с братом отправились напрямик в зоомагазин.

В маленьком зоомагазине было влажно и шумно, его обитатели шебетали, шипели и фыркали кто во что горазд. Изначально Икикун планировал купить какого-нибудь грызуна с усами и хвостом, и чтобы тот обязательно крутился в колесе. Однако именно такого сегодня не оказалось. Из грызунов была только большая серая крыса, явно из тех, что всегда вызывают жуткий и громкий переполох, появившись внезапно рядом с расположившимися на пикнике женщинами.

В большом аквариуме, где грызуны обычно начишали свои шкурки, теперь лежала пластом только ленивая пузатая ящерица песочного окраса длиной примерно в три ладони Икикуна и хитро шурилась на посетителей зоомагазина драконьими глазами. Икикуну же показалось, что ящерица – это «он», в смысле, ящер, и он – злой, потому что стоит подозрительно дешево. Видно, побыстрее избавиться от него хотят. «Триста йен за каждого», – гласила надпись. Значит, их было несколько. Сколько ни смотрел Икикун по сторонам, второй зверюшки, аналогичной ящерице, найти не смог, что как бы подтвердило его догадку о злом характере животного. Видно, он сам и сожрал всех остальных. Брат же Икикуна придерживался иного мнения.

– Покупка ящерицы – это всегда выгодное и полезное дело, – заявил брат. – Ее можно хоть каждый день тыкать палочкой в бок, а она будет громко шипеть и мотать головой. А еще она умеет умирать. Смотри! – брат подкрался к ящерице и, резко сунув руки в аквариум, изловил животное. И, к изумлению Икикуна, ящер действительно будто умер. Он лежал пузом кверху, вытянувшись, остолбенев и не дыша.

– Притворяется мертвым, хитрюга! – улыбался брат, почесывая чешуйчатое брюшко чудного зверька указательным пальцем.

Пораженный чудесными свойствами своего нового друга, Икикун со всех ног бежал в сторону дома, прижав к груди коробку с маленькими дырочками для воздуха. Ему не терпелось показать ящерицу дедушке, и поэтому казалось, что он бежит слишком медленно. Он уже представлял, как сидит у деда на коленях, а тот в одной руке держит застывшего ящера, а другой гладит по голове Икикуна в знак одобрения. Ладони у деда большие, морщинистые, мягкие, ящерице будет приятно в них притворяться.

Дедушка, одетый в синее кимоно, сидел на потертом татами и рассматривал застывшего ящера с неподдельным, как показалось Икикуну, интересом.

– Ого! Обычно ящерицы учат нас, что лучше потерять хвост, чем – жизнь, – после долгой паузы, все еще рассматривая зверька, сказал дед.

– Но эта нас учит тому, что можно сохранить жизнь, спрятавшись за смерть, – дед часто говорил разные странные «взрослые» вещи, которые Икикун не мог понять, как ни старался.

Дедушка вообще был очень необычным человеком, к нему относились с большим уважением и с некоторым страхом. В городке он слыл философом и чудачком, потому что много знал, но редко применял свои знания на практике.

Внешностью он обладал тоже колоритной: высокий и статный, с длинными седыми волосами, схваченными сзади в узел, в золотых очках и обязательной старой шляпе, с суровым выражением лица, которое он тоже как будто надевал по утрам вместе с очками и шляпой.

На первом этаже его дома располагался зубо врачебный кабинет, ныне находящийся в полном запустении. Через пыльную витрину с улицы можно было увидеть, как в изодранном стоматологическом кресле дремлет старая собака Широ – нынешний хозяин помещения.

А когда-то господин Исикава был преуспевающим и чуть ли не единственным дантистом в их городке. Кабинет сверкал сталью причудливых инструментов, а в прихожей сидели озабоченные клиенты. «Озубаченные» почти никогда не возвращались. Во-первых, потому что его пломбы держались годами и десятилетиями, а во-вторых, потому что деду быстро наскучила рутинная работа и он начал экспериментировать.

Сначала он, почему-то сверяясь с древними календарями, стал добавлять в цемент толченые кристаллы различных минералов, затем начал вставлять в зубы кусочки яшмы, кварца, горного хрусталя, убеждая пациентов, что свойства кристаллов помогут не только сохранить зубы в целостности, но даже прибавят здоровья и вообще могут продлить жизнь.

– Камни – это кости и зубы земли, – цитировал он какой-то медицинский трактат. А для полного баланса и гармонии тела и духа он настаивал на сверлении здоровых зубов, чтобы поместить в них нужное сочетание минералов. Охотников дырять челюсть в угоду эксперименту почти не было, и поток клиентов постепенно иссяк. Деда это обстоятельство не сильно смутило, и он перенес свои опыты на животных.

– Мы все одинаковы в этом бренном мире и состоим из праха земного и божественного дуновения, – говаривал он, когда его укоряли в том, что свой профессионализм он перенес на собак. Ни один пес в мире не имел столько просверленных и запломбированных зубов, как рыжий дворняга Широ, которого уважаемый дантист регулярно вылавливал, усыплял и, пристегнув в кресле ремнями, мучил своим ужасным сверлом. Может быть, поэтому собака и живет необычайно долго, используя заслуженное право спать в зубоврачебном кресле.

– Ты посмотри, Широ еще живой, – удивлялся приехавший на побывку сосед – студент столичного вуза, – а ведь я его еще мальчишкой гонял, проходя мимо дома Исикава-сан, и он тогда уже был старым.

Икикун все утро неотрывно играл с ящером: кормил его салатом и свежепойманными мухами, показывал книжки с изображениями динозавров и дарил оловянных солдатиков. А затем, сев в позу лотоса, как часто делал дедушка, стал думать.

– Интересно, – предполагал Икикун, – а если я притворюсь мертвым, кто-нибудь поверит в это? И как на это будет реагировать сам ящер?

Он решительно схватил коробку со зверьком и отправился на первый этаж ставить свой опыт. Широ, как обычно, дремал в своем кресле и не очень активно отреагировал на появление мальчика со странным существом в коробке, он даже не полез, как обычно, обнюхивать нежданных гостей. Мальчик согнал собаку с кресла, улегся на него сам, приняв, как ему показалось, похожую на цифру семь позу. Максимально сосредоточившись, он медленно и четко дорисовал рядом с собой недостающие элементы иероглифа «смерть» воображаемым карандашом, до боли в глазах зажмурился и затаил дыхание. Прошло долгих двадцать, а то и все тридцать секунд. Икикуну стало ужасно жутко, оттого что в какой-то момент он подумал, будто умер взаправду, и что уже ни одна резинка в мире не спасет его и не превратит обратно в семерку и в мальчика.

– Ау-у-ууув!! – душешипательный, жалобный вой, переходящий в панический скулеж, разбил тишину в комнате: вопли издавал Широ.

– Неужели получилось!? – вернулся из небытия Икикун. – Неужели Широ действительно поверил в то, что я умер, и теперь грустит о потере? – маленькое сердце билось быстро-быстро. Первопроходец Икикун готов был разрыдаться от тысячи самых противоречивых чувств, враз захлестнувших его. Однако, открыв глаза и осознав происходящее, он готов был разрыдаться, но теперь уже от разочарования. Ящер, о злобных свойствах которого Икикун подозревал в момент первой с ним встречи, выбрался из коробки и, абсолютно не интересуясь экспериментом, с остервенением вцепился в лапу доверчивого Широ.

Пес, вместо того чтобы стряхнуть его с себя, стоял в беспомощном оцепенении и выл что есть мочи. Осознав комичность ситуации, Икикун чуть не задохнулся от собственного смеха: так несуразно выглядел большой вопящий пес с висящей на его лапе песочной ящеркой, вдруг ставшей очень маленькой. Он смеялся так долго, что совсем забыл, зачем пришел сюда, зачем притворялся мертвым, и что нужно спасать бедную собаку.

Туманная дымка сгушалась над городком. В это предсумеречное время цикады звенели еще громче, зазывая поближе к земле любопытные звезды, которые весело перемигивались со своими дальними земными родственниками – светлячками.

Издалека был слышен уютный, успокаивающий голос продавца сахарного батата, который не спеша ездил от дома к дому на своем стареньком «Субару» по извилистым пустынным дорогам со светофорами, мигающими в никуда.

Вечером дедушка повел Икикуна на прогулку мимо храма, при котором была овощная лавка, чтобы купить гостинец яшеру. Держась за руку, Икикун легко семенил рядом с широкими уверенными шагами деда, бесстрашно поглядывая на подозрительные темные кусты, коварно прилегшие вдоль дороги. Они довольно быстро добрались до буддийского храма с коричневой черепичной крышей и почерневшими от времени и отмоленных грехов деревянными стенами. Господин Исикава остановился возле ступеней, молча шевеля губами и закрыв глаза, а Икикун устало присел на замшелый гранитный камень, прислушиваясь к монотонным ритмичным звукам, доносящимся из глубины храма. Там читали мантры.

Мальчик отодрал любопытными пальцами клочок мха со ступеней храма и зачем-то понюхал его. Это был новый запах, которого он еще не знал. Это был запах вечности.

В лавке при храме не было продавцов. Аккуратно завернутые в мешочки картофель, лук, редька, яблоки лежали на длинных стеллажах. На каждом мешочке был ценник, и лишь в конце стоял ящик для денег. В качестве гостинца Икикун выбрал самый большой пакет с яблоками, и дед протянул ему двести йен.

– Дед, но здесь же никого нет: ни продавцов, ни покупателей! Что если не заплатить или хотя бы заплатить меньше? – спросил Икикун, опуская в деревянный ящик две монетки.

– Это возможно, но взамен ты получишь груз плохих дел, который еще долго будет с тобой, – задумчиво ответил дед.

– Ну представь: ты сейчас не доплатишь сто йен и долго будешь помнить об этом, и тебе будет мешать чувство вины. Это все равно что в твой рюкзачок за спиной положить камешков ровно на сто йен, и ты будешь постоянно ходить с ними. А затем ты вдруг обидишь кого-то, и в рюкзак тебе положат камней еще на двести йен. Когда же ты вырастешь, повзрослеешь, рюкзак твой, если будешь жить несправедливо, превратится в огромный мешок с камнями, стоящий посреди твоего дома. Он будет мешать тебе, твоим детям, твоим внукам. А потом когда-нибудь ты придешь к главному Судье, и он будет бросать в тебя все эти камешки и говорить: «Это за яблоки, это за обиду...»

Раздался звон бронзового колокола, низкий густой и грустный, распугавший птиц с прихрамовых деревьев.

– Дедушка, а зачем мне место на кладбище? – спросил вдруг Икикун.

– Чтобы ты с детства научался не бояться Смерти, часто и спокойно думал об этом, чтобы подружился со всеми Страхами, – с назидательной интонацией ответил дед.

Икикун почувствовал, что опять он ничего не понял, но обязательно постарается запомнить – на потом.

После короткой паузы дед, шурясь на заходящее солнце, продолжил:

– Жизнь и Смерть – это одно и то же, позже ты это поймешь. По этой причине праздник Бон – день памяти всех умерших – считается праздником, а не просто печальным ритуальным днем. Ведь, выходя из дома, ты одновременноходишь во двор, а уходя со двора, вступаешь на улицу и так далее. Уходя откуда-то, ты тут же куда-то приходишь. Поэтому должности повивальных бабок и могильщиков, может быть, самые важные на земле...

На выходе из храма, в конце овощных рядов, Икикун с дедом заметили небольшую очень старую деревянную табличку, привязанную к сосне. На табличке от руки белой краской было написано: «Бог видит все!»

проза

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА И ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Очерк

Две тысячи лет назад прошло с тех пор, как Великий шелковый путь соединил Восток и Запад. Он оставил будущим поколениям немало тайн и загадок. Одну из них я обнаружил в небольшом горном селении, что невдалеке от старой дороги из Китаба в Самарканд. Здесь в примыкающем к скале домике хранится старинное сюзане с изображением «карты» Солнечной системы.

На красном фоне изображено два ярких концентрических кольца диаметром в полтора и один метр. В центре колец – ярко-желтый шар с радиальными лучами, а между кольцами – небольшие шары со спиральной разверткой. Поражает удивительное сходство изображения на ковре со схемой Солнечной системы из современного учебника астрономии.

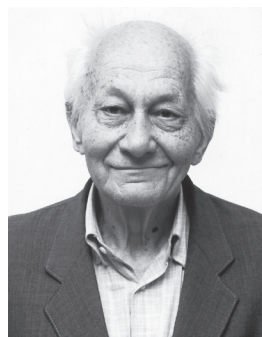
– Откуда у вас это сюзане? – спросил я хозяйку дома.

– От бабушки, а та получила его от своей мамы, – с гордостью ответила женщина.

Мой рассказ об этом сюзане вместе с его фотографией опубликовал популярный географический журнал «Вокруг света». Неожиданно на публикацию я получил письмо, из ... Словакии. Писала школьница Наташа Фекечова: «У нас дома висит ковер, очень похожий на тот, что изображен в журнале. Но он немного отличается от вашего. Я вам посылаю его фото. Как он у нас очутился? Его получила мама как свадебный подарок от своей бабушки. Бабушка утверждала, что на этом ковре что-то написано, но ей никто не верил. Когда мы увидели изображение похожего ковра на страницах журнала, мы убедились, что бабушка была права. Теперь мы поняли, что это «карта» Солнечной системы. Но так и не смогли расшифровать надпись. К сожалению, бабушки уже нет с нами, поэтому эта тайна осталась для нас неразгаданной, но, возможно, наш ковер – потерявшийся брат вашего ковра?»

Я всматриваюсь в фотографию, присланную из самого сердца Европы, и удивляюсь поразительному сходству между ковром из Словакии и сюзане в горном селении, хотя сам факт путешествия вещей и идей между Востоком и Западом по маршруту, получившему название Великий шелковый путь, меня совсем не удивляет.

Последние исследования показали, что культурные и экономические связи между лежащими на этом удивительном пути странами развивались гораздо интенсивнее, чем предполагалось

**Анатолий
ЕРШОВ**

Родился в 1932 г. в Нарве (Эстония). Окончил кораблестроительный факультет Таллинского политехнического института. Работал корреспондентом ТАСС. Заведовал отделом публицистики в журнале «Звезда Востока». Автор 10 сценариев научно-популярных фильмов, 15 книг в жанре фантастики и научно-художественной литературы и многочисленных публицистических статей.

ранее. Шелк, давший имя гигантской системе европейско-азиатских и межазиатских связей, играл гораздо меньшую роль, чем духовный и культурный обмен. По уникальному коридору международного общения наряду с обменом товарами передавались различные полезные знания, изобретения, хозяйственный опыт, семена и черенки фруктовых деревьев, многие сельскохозяйственные растения и, конечно, достижения науки и культуры.

Книги, написанные в Самарканде, Бухаре, Хиве и других древних городах Центральной Азии в VIII–X веках, в период «Мусульманского ренессанса», доставлялись торговыми караванами к берегам Атлантического океана менее чем за два года! Для средневековья эта скорость, конечно, была экспрессной.

Местом наиболее активного взаимодействия восточной и западной культур к XII в. стала Испания. В этой стране был организован перевод уникальных фолиантов Востока на латинский язык. В Толедо и другие испанские города доставлялись не только книги выдающихся ученых Востока, а также переведенные на арабский язык безвозвратно пропавшие у себя на родине в пожарах и хаосе войн труды философов и естествоиспытателей Древней Греции. До европейцев по уникальному транспортному коридору дошли и наиболее значительные открытия ученых Индии и Китая.

В культурный и научный обмен ошутимый вклад внесли ученые древней узбекской земли. Труды великого ученого, основоположника научной медицины Абу Али ибн Сино, известного в Европе под именем Авиценна, в частности, уникальный энциклопедический труд «Канон врачебной науки», вобравший в себя многовековой опыт врачевания, был переведен на латинский язык и стал настольной книгой для двадцати с лишним поколений врачей. По «Канону врачебной науки» в течение шести столетий велось преподавание медицины во всех старейших университетах Европы, а в ряде высших медицинских школ, например, Брюссельском университете, книга продолжала использоваться в качестве учебного пособия и в начале XX века – спустя почти тысячу лет после написания.

Весьма значительными для развития западной науки были труды Ахмада аль-Фергани, широко известного на Западе под именем Альфраганус. Знаменитый итальянский поэт Данте Алигьери при написании своей «Божественной комедии» почерпнул в одной из книг сведения, которые использовал. А во владение этим необычным наследством вступают, как правило, в детстве. Не сделав этого, человек обрекает себя на жалкое существование. И не удивительно, ведь без его использования большинство из нас не может прожить и дня. Оставил же столь необходимое наследство, правом воспользоваться которым имеет каждый гражданин планеты, Мухаммад ибн Мусса Аль-Хорезми, живший более 1200 лет назад. Наследство это – основы математики. Без этих основ, постигаемых в школе, каждому из нас действительно не сделать и шага.

Ученым из Хорезма изложены основные понятия математики и основополагающие математические законы, создана теория алгебры как научной дисциплины. Даже само слово «алгебра» обязано своим происхождением его знаменитому трактату и вошло в употребление у всех народов. А от его арифметического трактата, начинавшегося словами «Dixit Algoritmi», произошел термин «алгоритм».

Аль-Хорезми Европа обязана введением в практику заимствованного от мудрецов Индии числового ряда, включающего цифру ноль.

Заметные следы от трансфера знаниями обнаруживаются в области музыкальной культуры, на Западе они ведут до Испании, а на востоке – до Японии. Население древней узбекской земли (это подтверждено археологическими находками) еще за тысячи лет до нашей эры уже было знакомо с инструментальной музыкой. Во время раскопок в Термезе были обнаружены скульптуры музыкантов со старинным инструментом под названием «уд». Находка относится к рубежу новой эры. Этот инструмент можно увидеть и среди ранних средневековых терракотовых фигурок, найденных в городище Афрасиаб под Самаркандом. Зенита славы в Центральной Азии уд достиг в XV в., по дорогам Великого шелкового пути он попал в Испанию и на Сицилию, где стал называться лютней. Вторую жизнь уд получил в наши дни – в Государственной консерватории Узбекистана, где был создан первый в мире оркестр удистов.

Историкам музыки маршрут уда с узбекской земли удалось проследить и в восточном направлении. Через Китай до Японии. По пути уд трансформировался в китайскую «пипа», а в Стране восходящего солнца в «бива» и ее разновидности.

Ученый-энциклопедист X века Аль-Фараби, родившийся на берегах Сырдарьи, впоследствии получивший хорошее образование в учебных заведениях Ташкента, Бухары и Самарканда, в книге о музыкальных инструментах упоминает, что на некоторых из них музыканты играли с помощью «натянутой и зажатой с двух сторон струны», изготовленной из конского волоса. Специалисты полагают, что ученый имел в виду рубаб. Этот инструмент широко распространился на юге Испании и в других странах Европы. Рубаб, как считают специалисты, оказался предшественником скрипки, виолончели и контрабаса, возникших на рубеже XVII – XVIII веков.

Древние музыкальные традиции узбекского народа получили свое достойное развитие в годы независимого развития страны. Самарканд стал местом проведения Международного музыкального фестиваля «Шарк тароналари», который из года в год завоевывает все большую популярность в мире. ЮНЕСКО включила этот форум в число своих важнейших международных культурных мероприятий.

В средние века Самарканд славился своей бумагой, которая получила всемирную известность и называлась просто самаркандской.

По своему качеству самаркандская бумага, заявляли знатоки минувших веков, не уступала китайской, а, возможно, даже ее превосходила. Улучшить технологию производства удивительного материала удалось благодаря использованию поношенных хлопковых тканей. Это сырье и в наше время, как известно, используется для изготовления самой качественной бумаги, применяемой для ответственных целей, в частности, печатания денег и бланков документов особой важности.

Переход на хлопковую целлюлозу, вместо использовавшихся китайцами волокон бамбукового тростника и тутового дерева (они произрастают в ограниченных районах мира), имел всемирно-историческое значение. Бумажное производство перестало зависеть от конкретной местности.

Самаркандское ноу-хау, как сказали бы в наши дни, в Европе первой применила Испания. Произошло это в 1150 году. Чуть позже и, видимо, независимо от Испании самаркандскую технологию освоила Италия. К месту заметить, что само слово бумага произошло от итальянского *bambia* – хлопок. Во Франции основоположником производства бумаги, как предполагают, был возвратившийся из арабского плена далекий предок изобретателей азростата братьев Монгольфье. Далее новейший для письма материал, заменивший папирус и пергамент, совершает свое победоносное шествие по Европе и всему свету. Совершенствуется и технология. С XIX века для производства бумаги переходят на целлюлозу из древесины.

В истории культуры трудно переоценить роль самаркандской бумаги. Она сберегла для нас, потомков, книги выдающихся писателей и ученых – Навои, Беруни, Ибн Сино, Хорезми, Улугбека и других прославленных земляков.

Бумаге, в том числе самаркандской, человечество обязано сохранением многих шедевров литературы, знаний об истории и развитии научной мысли. Родоначальник отечественной литературы Алишер Навои уподоблял бумагу «крыльям», на которых разносятся по миру мысли мудрецов.

Звездные таблицы Мирзо Улугбека, созданные в построенной им обсерватории, имели потрясающую точность, что было требованием времени – наступала эпоха великих географических открытий.

В 1648 году каталог был издан типографическим способом в Англии – Оксфорде.

Сорок два года спустя – в 1690 году – известный польский астроном Ян Гевелий помещает самаркандские таблицы в изданную им в Гданьске прекрасно иллюстрированную книгу «Предвестники астрономии». В ней обращает на себя внимание гравюра, на которой среди выдающихся исследователей неба Улугбек помещен по правую

руку богини неба – Урании. Место рядом с покровительницей астрономии убедительно свидетельствует об особом уважении к узбекскому ученому. Примечательно, что автор «вложил» в уста Улугбека весьма созвучное с сегодняшним настроением его потомков изречение – «Дело свое в надежные руки вручаю».

Уместно вернуться к схематическим изображениям Солнечной системы узбекскими мастерами на коврах и сюзанах и пересказать услышанную мною легенду, по которой у одного из учеников Улугбека была любимая девушка, уговорившая молодого ученого провести ее в обсерваторию. Там-то, утверждает предание, девушка увидела на стене рисунок небесной сферы и решила перенести его на сюзане. О том, что стены обсерватории были расписаны изображениями небесных сфер, писал известный знаток отечественной истории академик Т. Н. Кары-Ниязов.

Проникнуть в тайну загадочных изделий мастериц нам поможет небольшой лингвистический экскурс. Сюзане еще называют фалак. Это слово в современном узбекском языке используют в двух значениях. В одном – сюзане, а в другом – небосвод. В средние века, в эпоху сильного влияния арабского языка, фалак понимался и в смысле «орбита», «круг», а в сочетании со словом буруд, как «эклиптика», «зодиакальный круг» или зодиакальный пояс. Авторитетное подтверждение сказанному о слове «фалак» я нашел у великого астронома средних веков и ученого-энциклопедиста Абу Райхона Беруни. В своем труде «Канон Маъсуда» ученый дает определение словам «фалак» и «доира»: «доира» (круг) и «фалак» – два названия, употребляющиеся для одного и того же объекта, чаще, пожалуй, «фалак» обозначает всю сферу, особенно если она обладает движением, ибо это слово не может обозначать то, что находится в покое. Круг называется «фалак» только в силу подобия его вращающемуся круглому выступу веретена».

Подтверждением легенды о девушке и молодом астрономе служит и место моего «открытия» сюзане с «картой» Солнечной системы – окрестности Китаба. Этот город в средние века считался на Востоке довольно известным центром научной мысли. Здесь работали и жили известные ученые: выдающийся астроном и ближайший помощник великого Улугбека – Али Куши. Это он вывез в Турцию знаменитые звездные таблицы, а уже оттуда они распространились по всему свету и стали достоянием человечества.

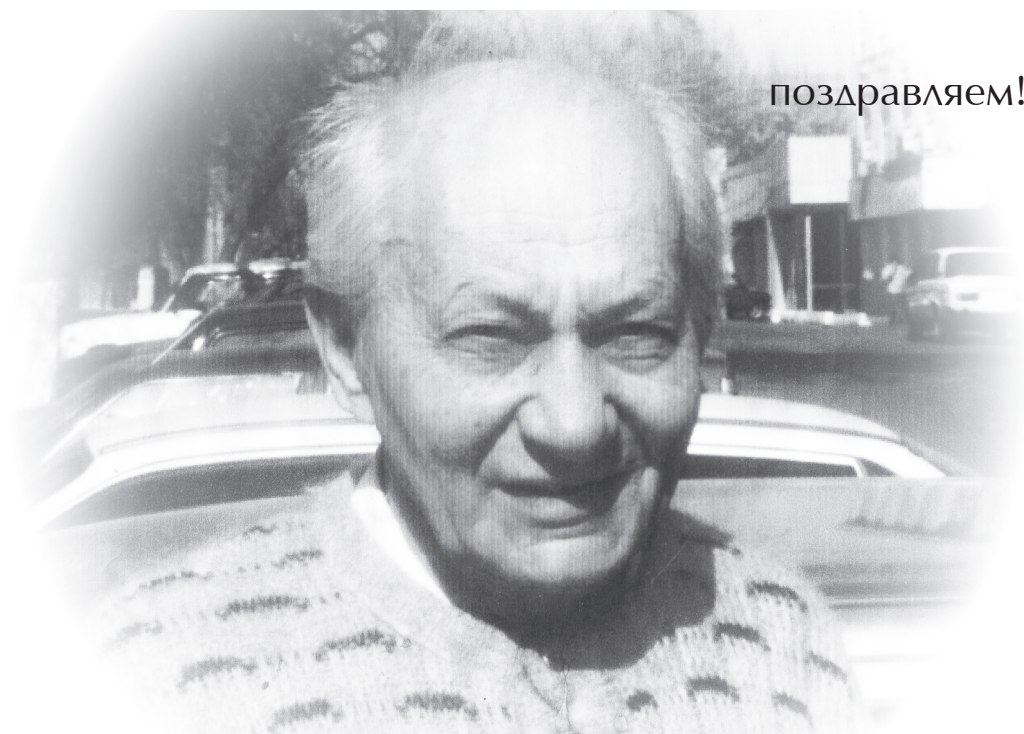
За 500 лет до открытия Коперника великий ученый Абу Райхон Беруни писал о возможности движения Земли вокруг Солнца и подвергал сомнению господствовавшую тогда геоцентрическую систему со всеми ее выводами. Об этих взглядах Беруни, конечно, знал Улугбек и его ученики. Значит, в его обсерватории вполне могла быть изображена «карта» Солнечной системы с помещенным в ее центре дневным светилом, а легенда о молодом астрономе и его девушке основана на реальных фактах.

Традицию предков продолжают отечественные астрономы. В конце прошлого века для их научного поиска высоко в горах, в 120 километрах южнее знаменитой самаркандской обсерватории Улугбека, построен уникальный научный центр – обсерватория «Майданак». Здесь на самом современном оборудовании стремятся поработать ученые из многих стран мира.

Японские коллеги дали открытой ими малой планете-астероиду № 22948 имя обсерватории – «Майданак». Так астрономы Страны восходящего солнца отметили вклад своих узбекских коллег в науку о небе.

Зарубежными астрономами в разное время в честь нашей страны и великих предков узбекского народа даны имена еще пяти малым планетам – «Узбекистания», «Авиценна», «Улугбек», «Беруни» и «Хорезми».

Седьмая малая планета нашей солнечной системы, имя которой связано с Узбекистаном, открыта уже на самой майданакской обсерватории. Произошло это в 2009 г. По предложению первого президента Узбекистана Ислама Каримова планете дано имя «Самарканд» – города, ставшего в эпоху Улугбека центром мировой астрономии.

поздравляем!

«ЗОЛОТОЕ ПЕРО» ПАТРИАРХА

Мое сознание, словно захлебываясь этой увесистой, мощной цифрой «85», отказывается воспринимать ее применительно к Анатолию Ершову, а память стремительно, как на скоростном лифте, уносит меня туда – вниз – аж в предыдущее тысячелетие, отсчитывая почти тридцать лет века предыдущего. А в ушах – посвист, легкий такой, протяжный... А потом вдруг – стоп! И тишина. А за ней – шуршание открываемой двери. И – плавное покачивание кабины, словно осторожно возвещающее, что ты уже там, в начале семидесятых годов, когда и познакомился я с этим удивительным – да что там! – уникально-штучным человеком...

Да, да, мы стоим в коридоре редакции журнала «Звезда Востока», когда она находилась еще на сквере, в бывшем здании (звучит как-то уже потусторонне!) горкома партии.

...Два Анатолия. Два заведующих отделами: он – публицистики, я – литературной критики. Кабинеты – напротив, дверь в дверь. Оба уже кое-что повидали в жизни. Он окончил Таллинский политехнический институт, успел поработать во многих органах печати. Я – после трехлетней службы в армии, учебы в Московской военной академии, успев окончить филологический факультет ТашГУ с «красным» дипломом... Говорили о Таллине, из которого Анатолий Ершов приехал в Ташкент, о достопримечательностях этого города, о том, что при Петре I он стал центром Ревельской губернии Российской империи. Мне тоже довелось бывать в этом старинном городе, где особенно поражала изведенная временем мощная оборонительно-боевая башня, в стене которой сохранились вписанные в нее еще в XVI веке каменные и чугунные пушечные ядра Ивана Грозного, пытавшегося штурмом взять город. Не получилось!

Название башни давалось мне с трудом, в то время как Анатолий с эстонским акцентом, хотя сам был коренным русским, выпалил сразу: «Кик ин де кёк», что в переводе означает «Смотри в кухню». Вроде для боевой башни название странное, но в средневековье с ее высоких стен можно было рассмотреть кухни горожан. Условно, конечно... Все это Анатолий и рассказал мне при первой нашей встрече – сорок пять лет тому назад! И то, что было тогда, – будто из иного мира, с некой другой планеты. А мы,

похоже, сразу засимпатизировали друг другу, но и думать не могли, что нам предстоит проработать вместе в журнале почти двадцать лет – при трех главных редакторах, один из которых – Георгий Петрович Владимиров – первый русский доктор филологических наук в Узбекистане, второй – Народный писатель Узбекистана Александр Андреевич Удалов, третий – Сергей Петрович Татур. Люди эти психологически, да и творчески тоже, были разными, но весьма незаурядными, и главное – все были личностями. И мне с Анатолием Ершовым повезло работать под руководством этих писателей. Кстати, все главные редакторы, их заместители, как, впрочем, и почти все заведующие отделами, являлись членами Союза писателей. А вступить в это творческое объединение в то время было ой как непросто! И вообще, редакция журнала «Звезда Востока» того, уже настолько отдаленного от нас времени, являлась поистине «звездой» не только в плане публикуемых материалов, но и в смысле служивших в этом издании сотрудников – профессионалов своего дела, одним из которых был писатель Анатолий Ершов. Да, да – писатель, произведения которого постоянно печатались в солидных журналах «Знамя», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Вокруг света». Да и книги с завидной регулярностью раз в два-три года появлялись на прилавках магазинов и расходились мгновенно, ибо были не только злободневными, но и увлекательными. Поражало их разнообразие, глубинное проникновение автора в ту или иную проблему.

Тайны мироздания – основная тема его печатных трудов, да и само название книг говорит о многом. И его первая книга «Будущее дает интервью» – о прогнозах на день завтрашний, и последующие за ней книги «Солнце служит людям», «Пять шагов к тайне», «О чем молчат горы», и конечно же «Грани поиска».

А отдел публицистики, которым руководил Анатолий Ершов, как и отдел литературной критики, были, пожалуй, самыми сложными в редакции, ибо «самотёка» в эти отделы практически не было, и приходилось все материалы «организовывать», то есть заказывать необходимые статьи. А поскольку журнал был русскоязычным в национальной республике и распространялся по всей стране, приходилось не просто «обрабатывать», а зачастую переписывать публикуемые материалы. К примеру, «болванка» пришла от автора, плохо владеющего русским языком, – вот и крутишь-вертишь ее перед собой, стараясь по-русски донести смысл той или иной проблемы. А уж потом приглашаешь – и не раз – автора в редакцию и уже с ним доводишь его же текст до кондиции. И в этом большим мастером был Анатолий Ершов.

А уж публицистика – здесь расслабляться совсем нельзя! Каждый материал приходилось еще и согласовывать с «верхами»: как-никак журнал был визитной карточкой Узбекистана, а посему критерии отбора материалов были весьма высоки.

Это вредоносное заблуждение, что в то время все публицистические, да и литературоведческие статьи были однообразно-одовосхваляющими. Необходимо было, с одной стороны, показать достижения республики, а с другой – выявить недостатки и способы их устранения.

Статьи ценились «проблемные». Это слово – «проблема» – звучало на каждой редколлегии и на «летучках». Причем требовалось, чтобы проблемы непременно касались именно восточной тематики, ибо название «Звезда Востока» обязывало. А ежели по каким-то обстоятельствам публиковалась статья с темой другого региона, то необходимо было увязать проблему этого региона с вопросами нашими – азийскими. И вот тут-то опять непревзойденным виртуозом был Анатолий Ершов, который не просто держал в голове проблемы текущей жизни, но и понимал возможные выходы из них. А посему заведующего отделом публицистики можно было увидеть во многих министерствах и ведомствах. Он брал интервью у секретарей обкомов и ученых, у директоров совхозов и председателей колхозов.

Я поражаюсь работоспособности Анатолия Ершова. Каждый пишущий человек знает, как порой трудно заставить себя сесть и писать. Особенно по заказу и к сроку! Ходишь вокруг стола и радуешься каждой мелочи, которая отвлекает от работы. Заведующий отделом публицистики мог писать где угодно и при любых обстоятельствах:

на совещаниях и редколлегиях, на собраниях и презентациях, сидя на корточках и на краешке стула – везде! И всегда у Ершова получалось... Это и есть журналистский профессионализм. Даже когда он шел на работу своей неподражаемой походкой, казалось, что он уже выписывает ногами на тротуаре какие-то загогулины – задумки будущих статей. Убеждался в этом не раз, особенно тогда, когда в 70-е и 80-е годы работал ответственным секретарем журнала «Звезда Востока». В то время в редакцию из руководящих органов зачастую приходили так называемые «указивки» – распоряжения срочно осветить ту или иную проблему народнохозяйственной или культурной жизни республики. А материалов по этой проблеме не только не было, но и неизвестен был возможный исполнитель этого заказа. И в таких случаях я всегда обращался – ну к кому же еще! – к заведующему отделом публицистики Анатолию Ершову: дескать, надо, старик, срочно! Он хмурился, отводил глаза, а потом все-таки мрачно спрашивал: «К какому числу?» А я, слегка приобняв его, мягко так, даже нежно, отвечал: «Завтра, родной, утром материал должен быть у меня в секретариате. Главный подпишет – и в ближайший номер успеем, дело за тобой!» И я знал: Анатолий не подведет. Так и было много раз: утром статья, слегка топорщась углами, лежала у меня на столе. Я бегло просматривал ее и отдавал Капе – так звали нашу редакционную машинистку.

Надо было видеть эту восточного разлива молодую и красивую женщину кустодиевского типа с громадными черными глазами. Когда она печатала на машинке, пальцев ее не было видно, а кисти рук, подобно крыльям бабочки, мелькали над клавиатурой. Это было какое-то чудо, цирковой номер. Она могла почти мгновенно отпечатать большую статью без единой опечатки – высокий талант! А ведь почерк у Анатолия Андреевича, как у многих талантливых людей, размашисто-легкий, понять его сложно, но Кама, однако, понимала все.

А я снова просматривал статью и на черной «Волге» (трудно поверить, но в редакции была своя новенькая машина с водителем Борей – бесшабашно-веселым балагуром, вечно будто подвыпившим, чувствующим себя в редакции вольготно – еще бы, возит самого Главного, и мне приходилось временами осаживать его и ставить на место) мчался к Георгию Петровичу Владимирову, работающему еще и заведующим кафедрой русской литературы в Ташкентском государственном университете. Понимая всю важность дела, он откладывал свои профессорские дела и внимательно читал статью, делая пометки на ней своим знаменитым синим карандашом. Да, да, именно синим! Кстати, прочитывал он все – от строчки до строчки – крайне внимательно. И заведующие отделами с трепетом ожидали его сурового приговора каждому материалу. Что не так – виноват не автор, а именно заведующий. И стилистика, и орфография, и, конечно, смысл – все находилось в зоне его внимания. И когда «синьки» Главного в материале было много – ой как тоскливо становилось на душе у заведующего отделом! Значит, «не дотянул» рукопись, и теперь жди «разбора полетов» на очередной летучке, которые проводились каждую неделю – минута в минуту. А редколлегии – ежемесячно!

Да, да, у Георгия Петровича Владимирова мы прошли хорошую школу, и всегда, помнится, было стыдно перед ним за какой-нибудь свой промах в том или ином материале. Особенно это касалось, конечно, отделов литературной критики (так как сам ГЭПЭ – как мы за глаза называли Георгия Петровича – был ведущим литературным критиком Республики) и, естественно, публицистики – этого нерва всего журнала «Звезда Востока», ибо Главный чувствовал свою большую личную ответственность за порученное ему дело. Но Анатолию Ершову он доверял и всегда прислушивался к его глубоким и интересным мыслям.

В то же время Георгий Петрович довольно спокойно относился к каким-то обидным для него самым просчетам в работе сотрудников редакции. Так, однажды в написании его фамилии была допущена орфографическая ошибка – беззлая такая, но для него лично, естественно, неприятная... И когда уже вышел «сигнал», и мы, поникшие, сидели в своих кабинетах – «репрессий» не последовало. Чуть хмыкнув, Главный сказал на летучке:

– Ну, теперь, когда авторы будут жаловаться мне на опечатки, я им скажу: «Даже

в фамилию главного редактора может вкратиться ошибка!» Но выводы для себя – и он поднял вверх палец – все должны сделать!

...А наша черная «Волга» с подписанной Главным статьей, подготовленной за ночь Анатолием Ершовым, катила меня по улице Навои к самому в то время большому зданию в Ташкенте (рядом с центральным телеграфом), где находился Узлит (была и такая организация... Ну, всем известная...) Кстати, там работали далеко не глупые люди, которые – всё понимая – зачастую смотрели сквозь пальцы на некоторые высказывания, противоречащие тогдашним установкам. Так, если сейчас спросить – кого угодно – можно ли было в советской печати середины 70-х Великую Октябрьскую социалистическую революцию назвать Октябрьским переворотом, уверен, ответ последует однозначный – да никогда! Однако даже я, работая в журнале и одновременно являясь заместителем секретаря партийного бюро всего Союза писателей Узбекистана, именно так ее и назвал – Октябрьским переворотом, не вкладывая, естественно, в это никакой негативной коннотации. Сомневающихся отсылаю в десятый номер журнала «Звезда Востока» за 1975 год – с. 144. Причем слова эти принадлежат не теоретику социалистического реализма Анатолию Васильевичу Луначарскому, о ком, собственно, и написана статья, а ее автору, то бишь мне. И все, в том числе и Узлит, отнеслись к этому спокойно. Никого не отправили на лесоповал, редакцию не разогнали... Кстати, моим высоким партийным начальником в то время был Народный поэт Узбекистана Тураб Тула, а затем – Рахмат Файзи, с которыми долгие годы работал бок о бок. И теперь, когда я оказываюсь на ташкентских улицах, названных их именами, – теплеет душа моя, а в голове возникают их образы... Судьба была благосклонна, окружив меня и в редакции журнала, да и в самом Союзе писателей людьми интересными.

...А после Узлита – в типографию, в которой нашим техническим редактором долгие годы работала Фаина Яковлевна Викнянская, и мы уже вместе что-то убрали из номера и вставляли туда статью, подготовленную Анатолием Ершовым. Но я не сказал о главном! Ведь предстояло встретиться с человеком, от имени которого эта статья будет опубликована, но и об этом уже позаботился Анатолий Андреевич... И встретился с ним утром, да и подпись у него взял... О, таких случаев было много – десятки, если не больше. За столько-то лет!

...А уж к вечеру я заходил в кабинет к Анатолию Ершову. В редакции никого не было, а он что-то редактировал, и простая шариковая ручка, которую называли его «золотым пером», устало скользила по исчерченному вкривь и вкось листу бумаги. А рядом лежали его очки с поломанной дужкой. И мутноватый отблеск от стекол, может от старости, а скорее, тоже от усталости, тускло мерцал в вечерней тишине кабинета. Анатолий Андреевич, оторвавшись от рукописи, которую он готовил в следующий номер, посмотрел на меня снизу вверх, чуть наморщив лоб, надел очки, и я увидел его красно-воспаленные глаза, а в правом виске нервною змейкой тоненькая ниточка-кровоподтек. Я сказал ему об этом... Он безразлично махнул рукой: «Пройдет!» – и поднял очки на лоб, а голова его снова низко склонилась над рукописью. Казалось, что даже подбородок его касался этих изборожденных правкой белых листов бумаги. Молча я положил свою ладонь на его левую руку: дескать, спасибо! Пальцы мои попали как раз на его часы – старенькую «Победу» на черном потертом кожаном ремешке. От долгого тугого стягивания дырочки на нем белесо-расхлябанно растянулись – верный признак, как утверждают психологи, твердо-волевого характера. А я ощутил биение его «Победы»... какое-то тахикардично-быстрое. Но тут же понял: это и не часы вовсе...

Анатолий Андреевич иногда опаздывал на работу. Ему это позволялось, ибо все понимали, что он или на задании, или же спит дома после бессонной ночи. Такова уж участь заведующего отделом публицистики.

Вспоминается забавный случай.

...Иду по коридору редакции. Вижу – заходит седой интеллигентный человек, которого я сразу узнал: Лев Ошанин, на стихах которого я вырос. Обращаясь ко мне, спрашивает: «Как пройти к Владимирову?» Я, естественно, вызвался его проводить до кабинета

главного редактора, который он занимал вместе со своим заместителем Альфредом Рудольфовичем Бендером. А вечером захожу в кабинет, а заместитель главного редактора Альфред Рудольфович Бендер рассказывает мне, что днем приходил Лев Ошанин и начал разговор с того, что его проводил до кабинета «ну очень красивый человек». В ответ на вопрос «кто такой?» Главный на секунду задумался, а потом, будто внезапно осененный мыслью, воскликнул: «Ершов!» Самым красивым человеком среди сотрудников журнала в восприятии главного редактора мог быть только он – Анатолий Ершов. А ведь тогда в редакции работали и импозантный писатель Михаил Гребенюк, и чем-то напоминающий царского офицера писатель Игорь Рогов, и стройный Евгений Садыков, да и интеллигентско-дворянское лицо Гены Савицкого подходило под определение «Ну очень красивый!» Но Главный назвал Анатолия Ершова, в котором действительно было что-то доброжелательно-располагающее к себе. Может, поэтому и материалы его, которые он «выуживал» у «сильных мира» того времени, были острыми и одновременно теплыми. Говорят же: будь проще, и к тебе потянутся люди...

Об этом случае я потом рассказал Анатолию Ершову, и мы вместе смеялись... Анатолий тогда чем-то напоминал артиста Мягкова из телевизионного фильма «С легким паром»: та же улыбка, тот же зачес волос, такие же очки, да и фигура его – немного сутуловатая – походила на фигуру известного мастера кино.

Ну и во всех редакциях, конечно, хорошо знали знаменитую ершовскую шляпу, с которой происходили иногда настоящие чудеса. Вспоминается, как однажды он потерял ее: то ли оставил в какой-то редакции, то ли в министерстве, а может, она завалялась в каком-нибудь кабинете редакции «Звезды Востока»... О, это было событие! Все сотрудники искали ее, обзванивали другие редакции, говорили, что беспокоятся за судьбу шляпы: дескать, пропал наш талисман. И шляпа нашлась – в приемной шестого этажа, там, на бывшей Узбекистанской, где находилась резиденция руководителя республики, кстати, лично курировавшего и «Звезду Востока», да и весь Союз писателей, ибо и сам был его членом.

А шляпу, еще ту – начала семидесятых годов (или очень похожую на нее?) – я и сейчас, когда холодает, вижу на голове талантливого писателя и журналиста... И что-то дрогнет в душе... перехватит дыхание от воспоминаний о былом... Носи же, Анатолий Андреевич, еще долго-долго свою знаменитую шляпу – талисман всех ташкентских редакций!

Для всех тогдашних журналистов он был просто Толиком. И это нисколько не умаляло его ни как человека, ни как писателя и журналиста. Ну прицепилось к нему это славное словечко: Толик да Толик! Ласковое что-то звучало в нем. А я и сейчас, когда остаемся одни, зову его Толиком, хорошо понимая, что так называть человека в 85 лет, тем более известного писателя, может позволить себе не каждый. Горжусь этим!

В конце восьмидесятых и в девяностые годы, когда я работал заместителем главного редактора издательства им. Г. Гуляма, он иногда заходил ко мне в кабинет. Вспоминали нашу старую добрую редакцию.

А прошлой весной мы случайно встретились в одном из уютнейших ташкентских парков на «Празднике книги». Анатолий Андреевич – Толик – был в великолепном черном костюме. При галстуке. Мы бродили по аллеям парка. Было о чем поговорить... Потом долго шли пешком к себе домой – наши махалли рядом.

Вспоминали, как радовалась за нас вся редакция в 1982 году, когда Толик и я в честь 50-летия журнала «Звезда Востока» по специальному решению ЦК получили новенькие квартиры. А я, помогавший ему в переезде, поражался громадному архиву писателя, собранному им за многие годы.

Анатолий Андреевич шел бодро, но, когда переходили улицу, я поддерживал его за локоть, причем делал это, скорее, по привычке: все-таки он старше меня. А он легко отстранял мою руку, дескать, не нуждаюсь... пока.

Мы и теперь иногда встречаемся на разного рода совещаниях. Стараюсь сесть напротив моего старого сослуживца. С возрастом, как корабль, избороздивший моря и океаны, обростает ракушками и окаменелостями, лица людей покрываются следами времени,

что придает им какое-то особое теплое обаяние. А мне вспоминается древняя боевая таллинская башня – Кик ин де кёк – с вросшими в нее каменными и чугунными пушечными ядрами Грозного царя Ивана! И тут же вспыхивает в сознании перевод названия: «Смотри в кухню». Мне повезло: я был свидетелем писательской кухни этого удивительного человека! А ведь все начиналось тогда – 45 лет назад. Пронеслось же – как один миг!

Анатолий БАУЭР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ – СПРОСИТЕ У ЕРШОВА

Едва войдя в квартиру, мои гости с нескрываемым удивлением, а затем с интересом задерживались у двери, оглядывая прихожую, где все стены, шторы и даже двери в другие комнаты украшены портретами почитаемых веками просветителей, плакатами, призами, разными сувенирами, значками, напоминающими о встречах на дальних журналистских дорогах в разных странах и душевном писательском общении. После утомительного трудового дня моя лучшая психотерапия – разглядывать эту сокровенную коллекцию, как отвлекающий фактор... На глаза попался синий вымпел с изображением пера и надписью «Молодежь Эстонии». Признаюсь, теперь, через десять лет, не стоило ломать голову: то ли к нам приезжали талантливые эстонские журналисты, то ли мы побывали у них. Но если не копаться в ностальгических воспоминаниях в поисках фамилий и имен тех замечательных молодых людей, светловолосых, с острым взглядом, красивым акцентом, то ум заполонит общее впечатление о стране, в которой, очень надеюсь, они сейчас здравствуют в ранге ста-рейшин, ветеранов творческого труда, долгожителей. «Да не может быть такого, чтобы я, зная эту страну, тем более, проработав над книгой в Доме творчества писателей в Прибалтике и, попутешествовав по живописному региону, так никого и не вспомнил из эстонских коллег», – размышлял я. Воображение вернуло меня туда, к северным облакам, Финскому заливу, стране, где больше тысячи озер, которые видятся космонавтам изумрудами, романтическим водопадом, ниспадающим со скалистых уступов... Бело-золотистые пляжи, ласковые волны, пронзительные крики чаек, зовущие сигналы морских кораблей, ватаги ребятишек, которые всегда носятся на берегу: эстонские гости могли без усталости рассказывать о своей древней и молодой красавице столице Таллине с готическими соборами, сказочными домиками с островерхими крышами, улочками, по которым до сих пор блуждают духи героев книг Юхана Смула, Якобсона, Хинта, Рауде... Я задумался с легкой грустинкой: как, интересно, сложилась в дальнейшем судьба тех молодых эстонских энтузиастов? По моему предположению, многим из них сегодня далеко за семьдесят... Поразмышляя с приятно горьковатым ощущением ностальгии, да и переключился на другие дела, повесив синий памятный вымпел на прежнее место.

Но, как часто случается, острое предвкушение встречи с человеком из прошлых лет вдруг материализуется в той или иной форме. Так вот, на одном из торжественных собраний в Доме творчества Союза писателей по случаю юбилея сотрудника литературного журнала «Звезда Востока» ведущий огласил краткую биографическую справку юбиляра. Тогда-то я и услышал, что журналист, писатель Анатолий Ершов родился в эстонском городе Нарва... Я всегда верил – удивительное рядом. Оказалось, мы работаем с Анатолием Ершовым в одной сфере, а значит, появилась возможность для дружеского общения. Теоретически – да, а на практике – не тут-то было... Не просто подкараулить писателя, работающего в жанре фантастики, более того – журналиста, охотящегося за научными открытиями...

Заглядываю в редакцию.

- Ершова могу увидеть?
- Конечно, в академгородке...Эксперимент...

Через неделю:

- Ершов будет?
- Никто не знает, если только солнце...
- Шутите?
- Нисколько. Ершов в институте Солнца.

Через месяц:

- Где я Ершова могу найти?
- В Антарктиде, у зимовщиков. Интервью с пингвинами...

И так постоянно: Ершов мчится на встречу с космонавтом, Ершов берет интервью у знаменитого фермера-новатора, Ершов летит над Алайскими горами. Не успеешь оглянуться, а Ершов уже на леднике Абрамова...Словом, неуловимого Анатолия Ершова, как и всякого активного вездесущего журналиста, застать можно было всюду, кроме родной редакции. Но отсутствие его каждый раз оправдывалось интересными статьями, очерками и книгами. Вот уж где верна поговорка «Волка ноги кормят». Однако я был уверен, что Анатолия Ершова найду в любом случае. Надо только этот случай не упустить. А пока есть время познакомиться с его книгами. Вот они, вместе с публикациями его статей в таких популярных журналах, как «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Радуга», еще стопка журналов на языках народов других стран и книги: «Дары Узбекистана», «Ледник Абрамова», «Загадки горных озер», «Будущее дает интервью», «Солнце служит человеку», «Пять шагов к тайне», «Грани поиска» и другие. Я себя утешил тем, что, прочитав его произведения, найду, наконец, повод поговорить о давних эстонских друзьях, о чудесном Таллинне и, конечно же, о самом Ершове, которого когда-то из старинного города Нарвы потянула к дальнему знойному Ташкенту надежда на новые открытия.

И случай встретиться с Ершовым представился. Разумеется, не смог бы он пропустить такое событие, как международный съезд молодых писателей-фантастов.

Всю первую декаду июля 1988 года, несмотря на старания пышущего саратоном, во всех уголках Дачи писателей и даже на сдвинутых к беседкам скамейках шли оживленные беседы о задачах и новых требованиях к работе молодых фантастов в связи с новыми открытиями в области науки, медицины, электроники, космонавтики. Тем для фантастов, как говорится, непочатый край. Хватило бы воображения для разработки увлекательных сюжетов. Известно, как многим нашим любимым зарубежным и отечественным писателям-фантастам: Уэллсу, Брэбери, Айзеку Азимову, нашему классику Алексею Толстому, чья героиня Аэлита запомнилась нам навсегда, приходилось пребывать в кропотливых поисках интересных тем. Кстати, именно в то время среди молодых фантастов уже выделялись Тахир Малик, Абдухаким Фазилов, Ходжаибар Шайхов и другие. И конечно же, вездесущий, неутомимый в своих поисках Анатолий Ершов. На съезде писателей-фантастов у него была двойная миссия – работа корреспондента и участие как молодого фантаста. Поэтому Анатолия Ершова можно было увидеть всюду, где работали группы молодых авторов по интересам. Беседы-лекции проходили под руководством известных литераторов во главе с Николаем Гацунаевым. А в перерывах сад и внутренние помещения Дачи писателей напоминали пчелиные улья. Каждый участник спешил выговориться, поделиться планами, обсудить тему, непременно записать адрес собеседника. Анатолия Ершова засыпали вопросами. А ему не привыкать было. Не случайно за глаза мы его называли «ходячей энциклопедией». Он был сведущ в любой области науки и техники...

Во время перерыва на аллее ко мне подошла девушка из Белоруссии, если мне не изменяет память. Спросила просто, не называясь, словно мы с ней старые друзья:

- Как вы относитесь к Айзеку Азимову?

– С глубокой симпатией, после того, как в юности прочитал его книгу «Я робот», – отвечаю не задумываясь.

– Интересно, сколько произведений он создал за свою жизнь?
– Кажется, несколько сот, в разных жанрах... Он ведь большой ученый.
– Я засекла информацию о том, что готовят первых поселенцев на Марс, – без всякого перехода сказала моя собеседница. – Первые из них даже уплатили за полет...
– В один конец, – уточнил я.
– В один?! Потрясно... Объясните, пожалуйста, если можно...
Объяснений у меня не было, и я сделал спасительный жест, глянул на аллею и, к счастью, увидел возле одной из скамеек корреспондента в окружении молодых авторов.
– Если вы хотите получить полный ответ на свой вопрос, – посоветовал я, – спросите у Ершова.
– Ершов? – она недоверчиво глядела на меня, понимая, что я пытаюсь спроводить ее. – При чем тут ваш Ершов, если речь идет о полете на красную планету? – не сдавалась она.
– Так в том-то и дело, что Анатолий Ершов – журналист, он же автор научных книг, к тому же ваш коллега – писатель-фантаст. Хотите получить ответ на любой вопрос – спросите у Ершова. Спешите же, – убеждал я ее, – иначе он испарится... А меня ждет дежурный по штабу мероприятия. Извините, пожалуйста...

Якуб ХОДЖАЕВ

P.S. Факты, описанные в воспоминаниях, реальны. Что касается порядка их изложения, так тут, прошу снисхождения читателя, минули десятилетия. Невольно к воспоминаниям подмешалось разыгравшееся воображение. Ведь речь шла не об обычном человеке, а о писателе-фантасте.

Я от души желаю Анатолию Ершову долгих, интересных лет жизни, новых увлекательных книг, в которых будут использованы его энциклопедические знания. Удачи вам, дорогой Анатолий Андреевич!

НАСЛЕДИЕ ЛИСЬЕЙ НОРЫ

В 40-е годы, после Второй мировой войны, в эстонском поселке Кивиыли (в переводе «каменное масло») оставили на второй год семиклассника Толика Ершова – не из-за лени, не по болезни, не по причине умственной отсталости. Но он все равно считал его лучшим годом в своей жизни, потому что почти весь год прогулял в лесу. О эти эстонские леса! Дремучие и настоящие: с оленями и лосями, с зайцами и лисами, с волками и медведями. Что подстегивало его шататься по дремучей чаще, спрятав сумку с книжками в пустой лисьей норе? Ох уж эта лисья нора! Видно, много тайн она поведала мальчику, пробудила любовь к природе и уже тогда наделила жаждой творчества, потребностью узнать, описать все как можно лучше, точнее и поэтичнее. Видно, много чистых тетрадных страниц заполнила эта лисья нора невидимыми чернилами, определив его жизненный путь.

Вскоре мальчик стал участником первого семинара молодых писателей Эстонии, но поступил, однако, в Таллиннский политехнический на кораблестроительный факультет.

– Почему? – недавно спросила я.

– Стипендия солидная, – отшутился Ершов. – Ты что, не знаешь, о чем грезят мальчишки?.. О небе да о море.

Да, он бредил морем, будущий инженер-кораблестроитель капитан-лейтенант Анатолий Ершов. Был в семибальном шторме, впередсмотрящим на корабле, когда искали плавающие мины, плавал на «большом охотнике» за подводными лодками. И писал, писал, писал. Стихи, дневники, рассказы. Его первая редакторская практика состоялась в факультетской газете «Рында» («Колокол»).

Он так и остался инженером. Во всех его произведениях независимо от жанра проступает инженерный каркас с фундаментом и несущими стенами, точными формулировками и выверенным фактажом, наполненным тем не менее лиризмом и

поэтикой. Его приняли на работу в журнал «Звезда Востока» без индивидуального собеседования с главным редактором.

– Какое собеседование? Я читал его очерк об Устюрте. Мне этого вполне достаточно. Оформляйте! – отмахнулся тогда Георгий Петрович Владимиров.

Так Ершов стал заведомом публицистики одного из лучших журналов страны. За все годы пребывания в Узбекистане в трудовой книжке Анатолия Андреевича только две записи – работа в «Узбекском телеграфном агентстве» (ныне УзА) и «Звезде Востока». Уже работая корреспондентом ТАСС в Таллинне, он изучал Восток, мечтал о горах и степях Азии. Кстати, имя Анатолий так и переводится – «восточный». Его московский коллега, приехав в Ташкент, порекомендовал Ершова в УзТАГ в качестве специалиста с опытом работы на мировую печать.

Ершова пленили тогда природа, горы и степи Узбекистана. С тех пор Ташкент стал его второй родиной.

В УзТАГе он работал на местную печать, на всю страну и на печать зарубежную. Задачей подготовки новостей на зарубежную печать было освещение важнейших событий Узбекистана, его природы, науки, памятников культуры, общественной жизни. Ершов спускался во все пещеры Узбекистана, писал обо всех узбекистанских заповедниках, побывал в пустынях, поднимался на вертолете на научную базу гидрометеорологов в Алайских горах. Ни дня без строчки, ни минуты без дела: жажда жизни гонит его вперед. Он первым сообщает в мировую печать о том, что в Ташкенте родился миллионный житель, что отлит в Узбекистане первый слиток золота из руды карьера Мурунтау, о раскопках грота Обирахмат, где обитал человек еще 80 тыс. лет назад, о постройке высоковольтной линии электропередачи через Кураминский хребет в Ферганскую долину. Вместе с Юрием Кружилиным и другими освещал он Ташкентское землетрясение.

И все же с неслыханного в ту пору оклада в 500 рублей он переходит на 140 редакторских в «Звезде Востока». Ему хочется создавать художественную фантастику. Это ему удастся.

Его визитной карточкой всегда была абсолютная собранность, неназойливая деловитость и молниеносная реакция легкого пера и при этом – отсутствие эффектных текстов, имитации бурной деятельности. Негромкий голос А. Ершова всегда обращает на себя внимание, т. к. говорит он редко, обдуманно и по существу, так же, как и пишет. Мелочей для него не существует, пишет ли он крохотные миниатюры, крупные повести или книги очерков.

А. Ершов – автор пятнадцати книг, не считая коллективных сборников, сценариев для десяти документальных и научно-популярных фильмов, нескольких сборников.

– День пропал даром, – заявляет он мне, когда я спрашиваю, отчего он не в настроении. – Я не написал за весь день ни строчки.

Но впереди еще ночь, и он свое наверстает. Все это приводит в священный трепет, снимаю перед ним шляпу и мечтаю походить на него хоть немного.

– Мр-мяу! – выводит рулады его любимица – ангорская кошка Бася, – слышав шаги хозяина. – Мр-мяу!

– На что жалеемся, Бася? – спрашивает ее мэтр.

– Мр-мяу! – настаивает хвостатая любимица.

– Пиши заявление! – величаво бросает он кошке, поднимаясь по лестнице. – Дни приема – вторник и пятница.

Сейчас он приляжет отдохнуть, а Бася устроится у него на груди петь свои песни. Затем он встанет и продолжит работать.

Из четырех комнат жилые только две. Остальные – архив и фонотека. Потрясает количество неизданных и незаконченных рукописей. Я часто думаю, что наследие писателя – не только то, что уже сделано, но и то, что еще только носит он в себе. Он словно айсберг, показавший миру только незначительную свою часть – верхушку.

Лариса ЮСУПОВА

переводы

Эркин ВАХИДОВ

(1936–2016)

Видный общественный деятель, Герой Узбекистана, Народный поэт Узбекистана, переводчик. Родился в Ферганской области. Автор многочисленных поэтических сборников («Дыхание зари», «Вам мои песни», «Сердце и разум», «Живые планеты», «Послание потомкам», «Бессонница»).

Живем легко, секунд не замечая

Вокзал

Загрустив душою беспокойной,
вспомнил я в постылой тишине,
что вовек покою непокорный
есть вокзал. И он поможет мне.

Я иду к вокзалу на свиданье,
к жизни, что всегда бурлит рекой
в суматохе встреч и расставаний,
в радости и горести людской.

Здесь перемешались смех и слезы.
Жизнь вокруг, но не узнаешь ты –
то ль трубят о счастье тепловозы,
то ль протяжно стонут от беды.

Люди в море чувств плывут, как могут.
Плыл и я. Но так и не узнал,
как в себя вместил такое море
этот старый маленький вокзал.

Секунды

Живем легко, секунд не замечая.
Смеемся у беспечности в плену.
А маятник – он головой качает,
беспечность эту ставя нам в вину.

Он словно говорит нам: «Будет поздно.
Спешите за секундою любой.
Всему свой срок. И не пришлось бы после
жалеть о них, качая головой».

Фотография

Есть в старых фотографиях печаль.
Как необъятно жизни нашей поле!
Я человека этого встречал.
Но где, когда – теперь уже не помню.

Глаза его, задумчивость храня,
мне в душу смотрят пристально сквозь годы
и спрашивают будто у меня –
каким я стал и как живу сегодня.

Они спокойно в прошлое зовут.
И воскрешая даты и названия,
как облака туманные, плывут
прекрасные мои воспоминанья.

В них прошлое все четче и ясней.
Восходят лица, имена другие.
Живые люди, люди дорогие –
вы – жизнь моя, вы – часть судьбы моей.

Перевод с узбекского А. Файнберга

* * *

О, были ль ваши помыслы чисты,
не крылась ли корысть у них в запасе,
когда вы время спрятали в часы
и привязали накрепко к запястьям?

Когда его вы заперли в дому,
препятствуя незримому побегу,
и груз на шею вешали ему,
и праздновали жалкую победу?

Иль, сами в сон от времени удрав,
укрывшись в ночь от подати подушной,
когда оно кричало по утрам,
его душили душною подушкой?..

О, были ль вы провидцами, когда
себе казались мудрыми богами
и уловляли сутки и года,
они ж от вас незримо убегали?

Когда же вы в безвременье ушли,
в немую тину погружаясь тихо,
о жалкие уползшие ужи,
вас время оглушительно настигло!

Оно пришло сверх ваших смет и сверх
всех снов пустых, что в душах угнездились,
и снова вас поволокло на свет,
к последнему из праведных судилиш.

О, не кляните нашу с прошлым связь
и паше бескорыстное горенье,
и то, что мы пример не брали с вас
и в бесконечном жили ускоренье.

Мы с давних пор усвоили сполна,
как ветер дней вселенную шатает.
И знали мы, приходят времена —
любую ложь расплата ожидает.

Перевод с узбекского А. Наумова

Кардиограмма

Эта кардиограмма –
Что скрыто за нею?
Что за речи биение сердца ведет?
Почему сердце бьется сильнее, больнее,
Чем плененная птица, что рвется в полет?

Что же нужно ему,
И зачем ему биться,
Трепеща саламандрой в палящем огне?
Что за смысл в этих линиях-нитях таится? –
О целитель мой,
Вы рассказали бы мне!

Может быть, «нитью жизни» зовется вот это,
И к исходу ведет меня ломаный след?
Или это – путь жизни мой...
Та же примета
У изломов и выгибов прожитых лет.

Были взлеты, паденья, холмы и низины,
Были яркие цветы и колючи шипы.
Юным годам чужда
Гладь безбедной равнины,
И тернисты излучины каждой тропы.

Так устроено: сердцу не ведать покоя,
А душе есть покой от трудов и забот.
Что же с сердцем моим приключилось такое –
Почему оно против меня восстает?

Чем оно недовольно?
Обижено, что ли?
Что его тяготит, – я и в толк не возьму.
Доктор!
Вам не о тайной ли боли
Пишет сердце, прибегнув к такому письму?
Пусть расскажет,
Что сделал ему я плохого?

Преступил ли я волю его и наказ?
Разве сердцу в обиду строптивное слово
Сам себе
Или людям
Сказал я хоть раз?

Или белое черным назвал я притворно,
Этим вывертом радуя чей-либо слух,
Или, видя неправду, смолчал я покорно
И к заведомой кривде и слеп был и глух?

В чем повинен я? Чем перед ним виноват я?
Не сдержал ли я слово, сказал ли я ложь?
Предал друга ли я, внес ли в дружбу разлад я?
Был ли лжив я в любви? – Чем я был нехорош?

Нет! Был верен я сердцу, не знал я гордыни,
Не неволил его ни единого дня.
Слушай, сердце, ты преданным было доныне, –
Что ж теперь взбунтовалось ты против меня?

Знаю я, что нелегко твой труд ежедневный,
И тяжел твой извечно бессонный разбег.
Спит земля,
Небо спит,
Сон и тишь во вселенной,
Только сердцу не ведать покоя вовек.

Знаю я,
Что напорист мой век неумный,
Тяжко бремя налегших на плечи обуз,
Что кружащей в пространстве Землею огромной
На сердца давит весом немыслимый груз.

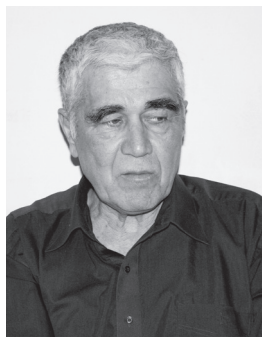
С этой ношею, накрепко к сердцу притертой,
Тело всей своей плотью и кровью срослось, –
Разве диво, что рядом с сердечной аортой
Громыкает железом вселенская ось!

Человек избирать себе время не волен,
Мне ли выставить вехи к столетьям чужим?
Что ж, прости меня, сердце: тебя я не холил,
Не исчислил тебе я столетний режим!

Но мечтаю я:
Те, что придут вслед за нами,
Вспоминать станут с завистью наши сердца.
И за эту надежду весь пыл свой,
Всё пламя
Стоит, сердце, поверь мне, отдать
До конца!

Перевод с узбекского С. Иванова

НОВЫЕ ИМЕНА

Шухрат САКИЕВ

Родился в 1946 г. Окончил Ташкентский архитектурно-строительный институт. Работал преподавателем в художественном училище им. П. Бенькова, архитектором, реставратором в Институте реставрации и консервации памятников Узбекистана. Живет в Ташкенте.

УРГА**Рассказ**

...Работа эта привлекательна «длинным рублем», слов нет. Но не только ради денег садится за руль дальнбойщик. Жизнь шоферская полна приключений, неожиданных, порой опасных: то поломка в пути, где неоткуда ждать помощи, то бандитское нападение с целью захвата груза, а то, бывает, останавливают машину и, угрожая оружием, принуждают перевезти незаконный груз. Возвращаешься из рейса измотанный, уставший и думаешь: «Хватит, брошу к черту руль!», но поживешь в уюте и сытости с недельку, и потихоньку начинают заедать тоска и скука. Снова тянет в рейс. Мозг прячет тяжелые события и трудности как бы в архив, и человек живет, редко вспоминая об этом. Но иногда случается вроде и совсем безопасное событие, а забыть о нем не можешь...

Я тогда в Сибири шоферил, в автоколонне одной: неплохие заработки, леваки – жить можно было. Но в девяностые все вдруг расстроилось: то путевок нет, то топлива; не поймешь, кто начальник, кто за что отвечает. Зарплату стали задерживать, а потом и вовсе перестали выдавать. Да и работы никакой не стало. Многие тогда уволились. Я терпел, ждал. Домой без денег возвращаться не хотелось. Но вот однажды прихожу на работу и вижу: в проходной Пётр стоит, напарник мой бывший.

– Петро, привет! – обрадовался я. – Ты чего, решил вернуться на родную базу? По безделью соскучился?

– Ага, угадал! Стою, тебя жду – может, поможешь опять в родной коллектив влиться.

– Помогу, конечно, пиши заявление, – шутили мы, разглядывая друг друга и пожимая руки.

– Рашид, пойдем пивка выпьем, – предложил Пётр. – Разговор к тебе есть.

– Сейчас отмечусь и смоемся. Все равно делать нечего, никто и не спохватится.

Пивная с яркой, громоздкой вывеской «ПОСЛЕ РЕЙСА» стояла неподалеку от сосновой роицы. Прежде у пивной с утра толпился народ, сейчас же, если и зайдет кто, – запасется цветными импортными баночками с консервированным пивом и уходит. Никакого общения. Мы тоже, купив по паре баночек, хотели уйти и пристроиться где-нибудь, да я неожиданно для себя спросил:

– Хозяюшка, у вас не найдется пары кружек?

– Для вас найдется! – с пониманием улыбнулась продавщица и поставила на прилавок две кружки.

– Это совсем другой коверкот, – заметил Петро, разливая пиво в тяжелые стеклянные кружки, из которых, осторожно поднеся их ко рту и сдув пену, смакуешь пивную терпкость первого глотка.

– Ребята, закуски не хотите?

– А что у вас есть

– Сосиски с икрой баклажанной.

Заказав две порции, мы сели за стол. Пиво было свежее, вкусное, даром что импортное. Выпили по кружке, переглянулись.

– Итак, Пётр, с чего это ты на базу-то пришел?

– Сказал же, разговор к тебе есть, а заодно узнать, как у вас дела. Да и по ребятам соскучился. Как там Тоня? Такая же строгая?

– Такая же. Замуж вышла, теперь к ней вообще не подступишься.

– Создаст же природа женщину... Вроде и неброская, неяркая, а поговоришь с ней, в глаза заглянешь – и чувствуешь: уши горят. Мужики по ней сохли. Да... – протянул Петя, вспоминая о чем-то, затем, как бы очнувшись, спросил:

– С работой на автобазе по-прежнему туго?

– С работой тишина. Зарплаты нет. Директор сам не свой: обойдет гаражи, заглянет в механический цех, в заправочную, в диспетчерскую – и в кабинет спрячется: стыдится смотреть в глаза работягам. Народ Михалыча уважает. Сам знаешь: человек он порядочный, и лишними вопросами не хочется его беречь. Ходят слухи, что нашу автобазу приватизируют, то есть купит кто-то, и будет у нас хозяин, как в капстранах.

– Как это купит? – возмутился Петро. – Это ж народная собственность!

– А народу вроде какие-то ваучеры дадут – что-то вроде векселя на долю стоимости от продажи автобазы. Ходят слухи, что на территории базы будут лесопильный завод строить, современный, по последнему слову техники. Оборудование финское установят. Автопарк обновить собираются. Старые машины предложили шоферам выкупить – ну как бы в личное хозяйство. Да на какие шиши купишь? Федор с завгаром купили зилок и не рады: с топливом проблемы и заказчиков по пальцам сосчитать. Деньги вложили, а дохода – ноль. Работаю, главное, не увольняют... Слоняются шофера по базе без дела. Пока «бабки» были, ребята приходили на работу: раздавят пузырек, шиши-беши покидают – и домой. Но деньги кончились, и стал народ потихоньку увольняться. По собственному желанию, без пособий. Похоже, и мне придется. Второй месяц без работы. Хотел уехать домой, позвонил жене, а она говорит, что и там безработица. Народ без курева сидит, бычки сшибает. Здесь хоть махорочку у военных можно купить. А ты как? Ты же еще весной уволился?

– Я на скотобойню устроился. Развожу мясо по точкам по всей области. Случается навар за счет неучтенки. Сейчас вот мне напарник нужен. Подумай.

– Чего думать, выбора нету... А ты что, без напарника катался?

– С Рябчиком ездил, ну, помнишь Ряплова – Саньку-фитиля? А сейчас один.

– А что Санька?

– Удавился он.

– Не может быть! Как это, что случилось?

– В понедельник он не вышел на работу. Вечером я заехал к нему. Он сидел за столом один и квасил водяру. Я накинулся на него: «Ты чего, рехнулся?» – Он молча налил водку в стакан и протянул мне, но я отодвинул стакан: «За рулем я. Говори, что случилось!»

Саня протянул мне конверт, читай, мол. В конверте фото: его жена Ленка обнимается с мужиком каким-то. Письмечко дружок прислал. Пишет, мол, изменяет тебе супруга. Сказал ему: «Не верь, подвох может быть. Поезжай домой, сам убедись». Но он будто не слышал меня, смотрел мимо какими-то остекленевшими глазами. На другой день прихожу в гараж, а его опять нет. Снова к нему, стучу в дверь – тишина. Я с силой распахнул дверь – а она и не была заперта... На столе среди пустых бутылок и окурков записка: «Никого не вините. Я сам». Такие вот дела... Ну, давай разбежаться. Если надумаешь – подходи к семи утра к столовке.

Мы вышли из пивной. На улице ласково, по-осеннему, светило солнце, золотилась кора на длиннющих стволах сосен. Петро сказал, что ему на работу, и торопливо ушел, я же решил пойти на базу писать заявление.

«Эх, жизнь!» – подумал я, вспоминая по дороге Саню. Жизнерадостный был, работы не боялся, попросишь о чем-нибудь – никогда не откажет... Не хочется верить, что Санька теперь нет. Все мы, мужики, думаем, что женщины иные – лучше, нравственнее нас, и зачастую необоснованно их превозносим. Они, конечно, смазливее нас, нежнее, да и во многом другом мы не похожи. Но в одном я уверен: им без нас так же, как и нам без них, совсем не просто. Дружок Санин, что прислал письмо, или человек примитивный, или мерзавец: оглоушил друга, не осознавая последствий, а может, специально подстроил...

В конторе, кроме Тони, поливавшей цветы на подоконнике, никого не было. Она кивнула в ответ на мое приветствие.

– Тоня, дай, пожалуйста, листок бумаги.

– Тоже увольняешься? – спросила она, протягивая чистый листочек. – Домой решил уехать?

– Нет, не домой, я Кондратова встретил, он в напарники меня берет.

– Петю? – спросила Тоня, будто не поверив. – Он жив-здоров? Передай ему привет от меня, хорошо?

– Обязательно!

Написав заявление об увольнении, вручил его Тоне.

– Шоферов почти не осталось. С кем Михалыч будет работать – не знаю! За трудовой книжкой приходи послезавтра.

Мы попрощались, и я пошел домой. «Есть в Тоне что-то особенное, – думал я, – из-за чего хочется быть рядом с ней... Нынешние бабы теледивам подражают, сексапильными стараются выглядеть: наклеивают ресницы, мажутся чересчур, откровенно подчеркивают свои прелести, но глаза – пустые, отталкивающие. А в ее глазах – приветливость, внимательность, доброжелательность...»

Утром я подошел к столовой рано, семи еще не было. Пётр подъехал на машине в семь, и мы сразу же отправились в рейс.

Наконец-то я в кабине за рулем! Весело побежала под колеса дорога, за окном замелькали деревья, домики, огороды, а за городом – поля и светлые далекие просторы. Тихо и спокойно текла Обь, то теряясь за стеной леса, то появляясь вновь. Дорога вдоль Оби ровная, без ям и колдобин, машина наша летит как птица.

Сибирь большая, местами совсем нетронутая. Бывает, сотню километров намотаешь и не встретишь человека. Кругом простирается лес из подернутых осенью деревьев. Воздух прозрачный, чистый, и дышится так легко, что не замечаешь дыхания, как здоровый человек не ощущает биения сердца.

К обеду свернули на обочину перекусить, размяться. Выпили по сто грамм для бодрости и аппетита и, слегка отдохнув, снова отправились в путь. Работы в этот день выпало много – до тридцати точек, куда надо было развезти мясо. Вернулись поздно.

В гараже к нам подошел Арчын Белеков из убойного цеха, специалист по разделке конины, и обратился к Петру:

– Здорово, Петро. С благополучным возвращением!

– Здорово, Арчын! Спасибо.

– Ребята, послезавтра, в субботу, я решил праздник устроить для всех наших работников. Народу у нас прибавилось, и я хочу познакомить всех поближе.

– Для всех у тебя денег не хватит!

– Хватит. Главное, вам надо лошадку на мясо привезти. У нас всегда на праздник конину готовят.

– Где ж я тебе, Арчын, лошадку возьму?

– В Онгудайском районе, где аймак мой, есть конезавод. Под зиму они продают лошадей второсортных недорого, ну и сам ты в накладе не останешься.

– Надо у Рашида спросить. Знакомся, Арчын, это мой напарник теперь.

– Что скажете? – обратился ко мне Арчын, протягивая руку.

– Праздник есть праздник, надо уважить просьбу. Только вот успеем ли товар развезти и за лошадкой съездить?

– Успеете, на завтра продукции мало. Часа за два освободитесь – и в аймак. Ну что, договорились?

– Хорошо, – ответил Петро. – Только загрузите нашу машину первой.

«Неплохо для начала, – подумал я. – Не успел к работе приступить, как калым высветился. Что ни говори, а мужик без денег что лампа без керосина: ни себе пользы, ни другим».

На другой день выехали рано. Развезли мясо по магазинам, ящик свиных хвостиков доставили в ресторан «Бия» и выехали за город в направлении Онгудайского аймака на конезавод.

– Петро, а на что свиные хвостики идут в ресторане?

– Их поджаривают в соусе каком-то. Вкус, я тебе скажу, – пальчики оближешь!

Дорога шла среди лесистых холмов, прерывающихся долинами, за ними вырастали снежные горы, с которых спускался в низины прохладный, пахнувший снегом воздух. Ехать вдоль Катунь до Чемала было легко и приятно. Километрах в шестидесяти от Чемала дорога сворачивала в горы. Мы свернули с накатанной дороги, и Петро попросил остановить машину.

– Давай сменимся, – произнес он серьезно. – Ты притомился маленько, а в горах езда сложная.

Петро слил из радиатора закипевшую воду, заполнил радиатор холодной, прозрачной – из Катунь, проверил тормоза, колодки на колесах, подтянул гайки на шлангах и сел в кабину.

Теперь мы ехали медленно, как будто спотыкаясь о торчащие из грунта булыги; урча мотором, то поднимались на кручи, то неожиданно слетали вниз. В горах плохие тормоза – верная гибель. Километров через двадцать спустились в долину, и машина поехала ровно по едва заметной колее, заросшей травой.

Впереди показался человек верхом на лошади. Увидев нас, наездник в меховой шапке и ватном халате, стерегущий, видимо, пасущихся неподалеку овец, придержал лошадь. Подъехав, мы притормозили.

– Здравствуйте, не подскажете, где здесь конезавод находится?

– А во-о-она там, за леском, видите? Километров пять будет, – ответил пастух и предложил отдохнуть, попить с ним чаю.

Поблагодарив, мы отказались – боялись не успеть вернуться в город.

В лесочке за ельником, соснами и редким березняком, где изредка загоралась красная калина, открылось большое ровное поле, огороженное жердями.

За изгородью несколько лошадей у коновязи жевали сено. Справа стояло ветхое протяженное строение, видимо, конюшня.

Входных ворот на территорию не было, только лишь похожее на шлагбаум бревно на опоре с привязанной в конце большой булыгой, перетянутой веревками. Слева за шлагбаумом находился выбеленный известкой небольшой одноэтажный домик с деревянным крылечком – скорее всего, контора.

На гудок машины вышел высокий грузный человек в брезентовом плаще с круглым смуглым лицом и небольшими узкими глазами, характерными для коренных жителей Алтая. Он молча прошел к шлагбауму, размотал веревку, удерживающую тяжесть булыги, с кряка, и бревно медленно поднялось, позволяя нам въехать на огороженную территорию.

Заглушив мотор, мы вышли из кабины, поздоровались. Человек из конторки не торопясь подошел к нам.

– Иван Самтаев, управляющий конезаводом, – представился он, пожимая наши руки. – Милости просим! С чем пожаловали?

– Нам сказали, что здесь лошадь можно купить.

– Это можно. Вам на забой или для езды?

– На мясо нам надо.

– На забой, значит, ну тогда идемте за мной.

Мы подошли к длинному, с просевшей крышей строению, которое изначально показалась нам конюшней. Внутри остро пахло залежалым навозом и мочой. Две лампочки, свисающие с потолка на электрических проводах, и маленькие окна с немытыми стеклами слабо освещали помещение.

Управляющий подвел нас к загону. Несколько истощенных, неухоженных лошадей вяло передвигалось по стойлу, тыркаясь в пустые закрома. Не хотелось покупать таких лошадей.

– Из них мяса что с мухи сала, – заметил Петро. – А у вас нет более упитанных?

– Есть в табуне, но они подороже будут стоять. Лошади сейчас на пастбище. Хотите, проедем, посмотрите.

Мы вернулись к машине. Управляющий зашел в контору и через некоторое время, отворив оконце, пригласил войти Петра.

Из конторки слышался разговор. Речь, видимо, шла о цене. Торг продолжался долго. Наконец в дверях появился Петро и подошел ко мне.

– Слушай, Рашид, они запросили двойную цену, еще одну зеленую просят накинуть или выбрать из тех, что мы видели. Ты как на это смотришь?

– Я же на мели сейчас. Если у тебя есть – одолжи, а при первой возможности с меня половина.

– Договорились. Я им сказал, что согласен с ценой при условии, что выберем лошадь сами.

Петро опять зашел в контору, и вскоре оттуда вышли управляющий, Петро и незнакомый человек, похоже, бухгалтер. Все трое втиснулись в кабину, я поднялся на борт, и мы покатали на пастбище. Ехали той же дорогой, что привела нас на конезавод, но через пару километров свернули в сторону, поднялись на пригорок и увидели лошадей. Они вольно паслись на лугу, переходившем в холмистые предгорья, среди обильных, жухлых по осени трав. Мы остановились и вышли из машины.

Табун был небольшой, голов пятьдесят – не более. Упитанные кони выглядели гораздо лучше тех, что нам показали в конюшне. Пастух – мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати в кирзовых сапогах, телогрейке и с плеткой в руке, увидев начальство, подошел к машине.

– Выбирайте, – сказал человек, показавшийся мне бухгалтером.

Приглядевшись, мы выбрали одну из лошадок. Управляющий приказал подростку поймать коня. Мальчишка, засунув два пальца в рот, свистнул, и лошадка, задрав голову, легкой рысью подскакала к нему. Пастушок потрепал лошадку за холку, вытащил из кармана кусочек сахара и дал ей, поощряя послушность. Лошадь, слегка опуская и поднимая голову, пыталась коснуться головы мальчика.

«Не отдаст он ее», – подумал я. Петро, видимо, тоже почувствовавший что-то неладное, торопливо вытащил деньги и протянул бухгалтеру. Тот взял деньги, пересчитал и с довольным лицом спрятал в карман.

– Заводите коня, – приказал он.

Мы откинули задний борт, приставили дощатый трап, положенный в машину с вечера, и, когда я подошел к лошади с арканом, мальчик не выдержал. Он взмахнул плеткой и, злобно сверкая глазами, закричал:

– Не отдам! Не отдам!

Управляющий обхватил пастушка сзади руками:

– Грузите лошадку, быстро! – завопил он нам. – А ты, Отай, успокойся. Вот Марта весной родить должна, и я опять тебе поручу жеребенка воспитывать. Я вижу, из тебя хороший конюх получится.

Пастушок бился в руках управляющего и, ничего не желая слышать, продолжал вопить:

– Пустите! Не отдам! Пустите!

Пока успокаивали мальчишку, мы с Петром, один – подтягивая за веревку, другой – подталкивая сзади, завели лошадь в кузов машины. Петро наскоро привязал ее к переднему борту. Я нахлестнул замки кузова, и мы выехали, уже на ходу дав пару прощальных гудков. Лошадь вела себя беспокойно, хрипела, била копытами.

– Петро, притормози слегка, – попросил я. – Проверю, не развязались ли узлы наверху.

Поднимаясь на борт, увидел, что нас догоняет мальчишка с криками: «Урга! Урга!».

Так, видимо, звали лошадку. Я спешно нырнул в кабину.

– Гони быстрее! Нас этот пацан догоняет.

Петро послушно нажал на газ, и машина стала набирать скорость.

Выбиваясь из сил, долго еще бежал за нами мальчишка и наконец скрылся из виду. В ушах моих все еще стоял свист и отчаянный зов подростка, у которого внезапно отняли любимого верного друга. Прошло довольно много времени, но жеребец не успокаивался: пытаясь вырваться из пут, мотал головой, вспрыгивал и тонко ржал, будто звал парнишку. Я следил за ним, поглядывая в заднее оконце кабины. Вдруг конь развернулся, каким-то образом освободившись от привязи, и тут же прыгнул через низкий задний борт. Я только успел крикнуть:

– Петро! Лошадь!

Машина затормозила.

Мы соскочили с машины и не сразу увидели его, лежавшего в кювете метрах в десяти от нас. Он отчаянно пытался встать на ноги и не мог: что-то было у него сломано – то ли шея, то ли нога. Из драных ран на коленях и голове сочилась кровь. Обвязав веревкой шею, мы пытались помочь ему подняться, но он лишь поднимал голову и бессильно опускал, не реагируя на наши понукания. Тогда Петро опустился на колени и, поглаживая жеребца, стал что-то наговаривать ему на ухо – что-то ласковое: просьбы, обещания, и через некоторое время, доверившись Петру, конь с трудом поднялся на ноги. Прихрамывая, пошел за нами и покорно с нашей помощью взобрался на борт. Теперь мы аккуратно и крепко привязали веревку к борту, подтянули узел на шее коня, чтобы он не выпростался. Под крупом протасили пару толстых арканов и затянули их на боковых бортах, чтобы ему было легче стоять на ногах, и поехали, гася скорость на ухабах.

На бойню приехали поздно вечером. Арчын ждал нас.

– Чего вы так долго? Я уже беспокоился, не случилось ли чего.

Мы рассказали о происшествии. Выслушав нас, Арчын сказал, что таких лошадей не продают на убой:

– Много, видать, заплатили?

– В два раза больше, чем ты нам дал, – ответил я.

– Деньги я вам верну. Да не в деньгах дело. Раны у коня тяжелые: видите, голову не держит. Долго не проживет, иначе я не стал бы его забивать. Забрал бы себе, а то и мальчишке бы вернул. Сердце человеку разбили. Плохо это, – с досадой покачивая головой, сказал Арчын. – Ну да ладно, что случилось, то случилось. Помогите довести его до забойного цеха.

Утром другого дня Арчын предупредил нас, что стол будет накрыт в цеху, в комнате мастера. По случаю вечеринки рабочий день сократили. В четыре часа управляющий, или менеджер, как называют сейчас директора, распустил работников по домам приодеться для первого коллективного корпоратива. И откуда взялись все эти незнакомые и неприятные на слух слова: «корпоратив», «менеджер»? Чем хуже привычные, родные «маевка», «руководитель», «управляющий»?

Мы с Петром подошли к разделочному цеху с опозданием. В небольшой комнате цеховой администрации было тесновато. Управляющий говорил о производственных успехах, о прибыли, об обещании хозяина выдавать каждому работнику еженедельно по два килограмма мяса бесплатно, если прибыль будет устойчивой. После последних слов присутствующие захлопали. Управляющий еще раз поблагодарил всех и, извинившись, что вынужден уехать по неотложным делам, попрощался, пожелав приятно и без происшествий провести вечер. Без управляющего люди почувствовали себя раскованно.

...Арчын предложил налить всем водки и выпить за дружбу. Вечеринка начала разгораться. Принесли в касушках и поставили перед каждым чистый бульон из конины: наваристый бульон заглушал градусы выпитой водки. Затем подали на большой, сколоченной из свежеструганных досок плашке дымящуюся еще конину. Все принялись за мясо. Хвалили купивших на убой лошадку за умелый выбор. Кто-то предложил выпить за меня и Петра персонально. Я выпил, но закусывать не стал, вспомнив искаженное от боли лицо мальчика, гнавшегося за машиной, лошадку, поверившую ласковым словам человека.

– О чем призадумался? – спросил Петро, легонько толкнув меня. – И мясо не ешь, ты же мусульманин?

– В нашей стороне мусульмане конину не едят, а поросенка – да! – слукавил я и потянулся за свиным хвостиком.

Хвостик, поджаренный в соусе, был действительно необыкновенно вкусен – настоящий деликатес. Общее веселье, разгоравшееся по мере каждой выпитой рюмки, не коснулось меня. Сославшись на плохое самочувствие и попрощавшись с другом, я незаметно покинул компанию.

После встречи с Петром жизнь, можно сказать, пошла на лад. Работали мы четко, без нарушений. Руководитель скотобойни, энергичный и цепкий местный сибиряк, ценил нас и поручал самые протяженные и сложные рейсы. Пошли заработки. И я, отправляя деньги домой, семье, наконец почувствовал себя человеком.

...С тех пор прошли годы. Многие из прежней шоферской жизни стало забываться. Однако нет-нет, да среди ночи вдруг слышу я пронзительный мальчишеский крик:

– Урга! Урга!

Просыпаюсь и спросонья сам повторяю: «Урга! Урга!»...

НОВЫЕ ИМЕНА

Коктейль из судьбоносных сказок...

* * *

Пустые фразы, шепки слов,
Пилястры обнаженных масок,
Суровый взгляд, лица остов,
Коктейль из судьбоносных сказок...

На улице в немом кино
Поссорились судьба с мечтою,
И без крапка на панно
Прощанье выбелено болью.

Коррида остроносых дум
Разносит рваные билеты.
Обратный рейс под общий шум
Ушел. Один. Возврата нету.

* * *

Весенний нерожденный лист березы
Несет всю тяжесть солнечных лучей.
И небу светлomu остались только слезы
Да ласточек паренье в хороводе фей.

Воздушный многогранник вправлен лесом,
По скату ребер потекла роса,
И зонтик хвои продырявлен ветром,
И сверху падают твои глаза.

Весь мир теряется в названиях,
Прожилки слов терзают плоть мою.
А ты прекрасна без сознания,
Что сгинем все мы в пустоту.

* * *

Пустота обуяла меня,
Я подвешен в себе как на нитке,
Завязав паутинкой глаза,
Собираю себя по крупинкам.

**Жан
ЗАГИДУЛЛИН**

Родился в 1973 г.
в Казани. Окончил факультет психологии МГУ. Кандидат философских наук. Живет в Москве. Возглавляет Агентство корпоративного развития «Да-Стратегия». Внештатный научный сотрудник в Институте философии РАН в секторе теории познания. Автор ряда научных публикаций.

* * *

Сон мой сладостный, приснись опять,
Надоело мне тебя искать!
Превращу любовь в обряд...
Путаю я мысли и твой яд.

* * *

Пишу себе из Зазеркалья письма,
Пытаясь изменить местами сон
И капая на стол словами мысли
Оплавленного вечера... Спасен.

* * *

Тремоло¹ счастья, грифельная доска
отношений, отломанный кусочек воска...
...И мы – маленькие Повелители Душ –
играем с тобой в Патио времени,
рассказываем наперебой сказки.
Одариваем взахлеб друг дружку
жалостью, пришуриваем глаза...
себе... в зеркало...
Тропинки имен, отсвет мыльного
пузыря в стекле; лохмотья
надежд, купленных в уцененке...
Ты – просто кем-то, когда-то
невостребованное счастье...
и оставленное взамен ожиданье...

* * *

Ты разьедаешь мою жизнь,
И ртутным шариком во рту
Травлюсь тобой, моё табу.
Ты разьедаешь мою жизнь.

Зеленый флагман, первый шаг,
Два пируэта, вольный взгляд,
Рука, остывшая в глазах,
Нескладный крик, невольный взмах...

Зачем истому расплескал?
По комнате размазав страх,
Тебя в себе я защищал
От ярости, любовный прах!

* * *

Бежим от горя, от счастья, от боли.
Бежим...
Или только считаем, что бежим
от того, что
у каждого на лице забыто...

¹ Прием игры на музыкальных инструментах
(с итал. букв. – «дрожащий»).

* * *

Уже научился спокойно улыбаться
в лицо боли.
Уже разучился цепенеть при
виде открытой раны.
Все еще не могу отвыкнуть
от жалости к самому себе...

* * *

С медлительностью облаков
ползу по стеклу, уподобившись
улитке, прислонившейся щекой
к холодной протяженности скорлупки.
Рассматриваю с удивлением
виднеющиеся внизу
цветы и реки
и думаю: «Кто из нас в банке –
я или действительность?»

* * *

Осень. Дождь. Капельки метеоритов
неспешно скатываются по
звездному небу стекла.
По ту сторону – люди и грязь. А по эту –
ты, улыбающийся Будда, слишком
похожий на Китайского Болванчика,
но все-таки слишком человек,
который смотрит сквозь стекло
своих иллюзий на ...
Осень. Дождь. Капельки метеоритов...

* * *

Ты счастлив, а значит, у тебя
нет будущего.
Ты счастлив, и тебе больше
нечего ждать от Судьбы.
Ты счастлив, и ты жутко
боишься оказаться пустым.
Ты счастлив, ты вяпался
с головой, хотя это не самое
сильное твое место...
И тебе остается только научиться
быть слабым среди людей –
во имя богов, живущих рядом.
И да поможет тебе хоть кто-нибудь,
кто-нибудь, кого не надо
спасать!

* * *

Ты маленький мышонок, очарованный
запахом мысли. Однажды,
не выдержав, вползаешь
в пустую глазницу Жизни,
плутаешь по закоулкам извилин
и, вконец устав, понимаешь,
что тебя опять обманули...

Парадисюр

Мечтающий бокал, впитав вина полпинты,
Свернувшись вокруг кольцом, таскает сухари.
Надкушенный лимон сочится ядом Данте,
Заброшен он в углу, фантазии ушли.

А сталь виска в отместку зарядит болью пушку
И выстрелом разрушит пустой изгиб Тельца.
Начало и конец, облобызав друг дружку,
Под ручку в бар сойдут, теряясь в дымке сна.

* * *

Мужчина берет, добывает, владеет...
Женщина хранит, отдает и рождает...

Он – говорит, устает, изучает...
Она – убирает, молчит, обожает...
Я – убиваю, дарю и бросаю...
Ты – умираешь, горишь и влюбляешь...
И вновь всё сначала –
Ты опять – исчезаешь, молчишь, ожидаешь...
Я опять – ухожу, прихожу, забываю...

проза

**Николай
ПОПОВ**

Родился в Омской области в 1950 г. Окончил Ташкентское республиканское художественное училище им. П. П. Бенькова, оформительское отделение; ТашГПИ им. Низами, художественно-графический факультет. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Дипломант, участник международных выставок.

ЗАПИСКИ МИГРАНТА

Рассказ

ЧТО-ТО НЕ ТО...

Заполняю я, значит, декларацию в аэропорту родного Ташкента, а на душе что-то не то... в голове мысли противоречивые теснятся.

«...Вот подошла и твоя очередь подниматься с насиженного места и искать другую долюшку на давно оставленной (правда не своею волею) исконной родине... Волнительно... Ведь Узбекистан добрые полвека лелеял тебя... дал образование, любимое дело, друзей, ну и некоторую известность... Правда, я тоже вносил свою скромную лепту: в советское время прославлял его в союзе, а с приобретением республикой независимости заявлял о ней за рубежом. Безусловно, не без своего интереса. И что я увожу с собой?... Чемодан личных вещей и две тысячи долларов – эквивалент прожитых лет...»

Казы – колбасу из конины, фрукты и сухофрукты вывозить из страны запрещается, я беру ручной кладью книгу Ислама Абдуганиевича, оформленную мною – пик творчества прошлой жизни и авторитетная заявка в новой.

«А что... в России тоже президентское правление. И там президент издает свои труды...»

Если уж быть откровенным, мало ли какие трения могут возникнуть на границе... а у меня книжка, вроде как оберег... Глянет на нее чиновник, а там фамилия президента. «Ого!» – подумает он. А как пролистает, наткнется в конце на строчку «рассом» – «художник» по-русски – и там фамилия аккуратно соответствует моей в паспорте. «Ого-го-о!» – воскликнет чиновник. – Мархамат – пожалуйста, милости просим!»

Сдал я вещи в багаж, зарегистрировался, встал в очередь для таможенного досмотра... Гляжу, после шмона народ разветвляется: часть следует прямо, а некоторые сворачивают в двери – женщины – налево, мужики – направо.

«По нужде, видать. Приспичило, правильно – предусмотрительные, до Москвы-то дорога неблизкая, да и в накопителе неизвестно, сколько торчать...»

Я-то уже давненько страны не покидал, а раньше, когда доводилось, так нам предоставлялись VIP-коридоры.

Недоумеваю...

Вот подходит и моя очередь, а у меня досматривать-то – декларация да книга Каримова. Чиновник внимательно осмотрел декларацию, а на книгу едва взглянул.

- Пройдите, пожалуйста, в комнату, – и показывает мне направо.
- Спасибо, – отзываюсь я весело, – пока не желаю.
- Пройдите в комнату для личного досмотра! – сдвинул брови служащий.

– Что-то не так?.. – попытался прояснить я возникшую проблему на месте, внезапно осененный догадкой, что за дверьми скрываются вовсе не по нужде, а, скорее, по принуждению. Напоровшись на непроницаемо-властное лицо таможенника, покорно поплелся в указанном направлении.

– Ассалому алейкум, – учтиво – по-нашему, по-восточному, приветствовал я контингент в помещении.

Козырнув на мое приветствие, чиновник выпустил обоим вопросам:

- В Россию? Наркотики? Оружие? Валюта? Сколько?..

Я вынул из нагрудного кармана доллары. Он пересчитал.

- Больше нет?!

Я отрицательно замотал головой.

- Всё из карманов на стол!

Я вынул из кармана мобильник и кошелек, а больше-то и нет ничегошеньки... Всё положил на книгу президента. Военный ощупал мою грудь, бедра, голени.

«Не доверяет... видать, действительно у меня с мордой что-то не то... Ладно, думаю, доберусь до России, там уж всё по-иному. Свои, мол, русичи... не допустят дискриминации и произвола...»

Тем временем служивый разворачивает мое портмоне, а там кроме нескольких купюр узбекских сумов и нет ничего...

- Цель поездки? – а сам книгу перелистывает, контрабанду ищет...

Ну, тут меня что-то разобрало. Дай, думаю, пошучу напоследок и о себе наметну, пусть знает Who is who...

- Ислам, – говорю, – проповедовать.

Шесть пар глаз впились в мою христианскую физиономию.

- Какой ислам?..

- Тот, что вы в руках изволите держать.

Таможенник вернулся к обложке, просиял... и восхитился, когда я ему указал в книге на строчку со своей фамилией.

Преображение произошло магическое. Таможенник отдал честь, затем горячо пожал руку и сердечно напутствовал:

- Ок йул, Николай-ака. Счастливого пути!

Однако эйфория длилась недолго. На следующем посту, мне, разутому и уже прошедшему «рамку», вновь пришлось ждать. Из багажного отделения сообщили, что с багажом что-то не то... Обувшись, я понуро последовал за сопровождающим. Пройдя через какие-то технические помещения, преодолев транспортировочную ленту, я оказался перед монитором, на экране которого высвечивалась моя дорожная сумка.

- Бу нима?¹ – ткнул паренек пальцем в монитор.

– А черт его знает... – растерянно разглядываю я среди прочих абрисов явный контур автомата.

Паренек, ни слова не говорящий по-русски, но явно мне сочувствующий, объяснил как мог, мол, надо все вытащить, пока не докопаемся до этой штуkenции. Братишка участливо перебирал мое барахло до тех пор, пока не наткнулся на зонт с прилепившейся к нему коробкой акварели. Ну точно «калаш»... Парень искренне извинился за доставленное неудобство. Ну а я что?.. Снова разулся, прошел рамку досмотра, благодаря в душе спецслужбы аэропорта за их бдительность, и влился в поток авиапассажиров...

«Ну, всё – Москва!» – поздравил я себя, когда самолет приземлился в «Домодедово».

¹ Что это? (узб.)

...Голос дамы в униформе мигом рассеял все мои иллюзии. Она, как волно-рез, рассекала накатывающуюся на нее толпу:

– Россияне – наверх, остальные – прямо!

Я снова прибил к нашим, черноголовеньким. «Значит, для нас и в России тоже что-то не то...»

ЗАВИРУХА

Мои-то раньше укатили – по программе переселения – и теперь уже поджидают разрешения на гражданство. Я же, считая себя привилегированным, потащился последним, твердо уверовав в слухи: дескать, рожденным в России мигрантам гражданство предоставляется незамедлительно. «Так что, возможно, я вперед вас получу заветный статус...» – думал я.

Справившись у жены, с чего должно начинать, пока у нее не изгладилось в памяти, я чуть свет покатил в регистрационный пункт.

А там, мать твою, завируха: люду – тьма непроглядная! Вписал я себя в какой-то список, а до приема еще три часа с гаком, время девать некуда. Стал я осматриваться, прикидывать, что за народ круг меня толчется, выстаивает свои чаяния.

Наших-то, черноголовеньких, сразу видать – курточки кургузые, типа спортивного покроя, штаны с тремя полосками по швам. Жмутся друг к другу, лопочут по-своему.

Украинцев и молдаван друг от друга не отличишь. И те, и другие, ладно прикинутые, горлопанят, грудью прокладывая себе дорогу, на русскоязычных цыкают: «Понаехали тут, путаются под ногами, нам беженцам из-за вас продыху нету...» Их различишь лишь тогда, когда после очередного набега они возвращаются на свои «базы» – крутые автомобили с флагами стран на номерных знаках.

Армяне – почти все в коже, никуда не лезут, тусуются среди своих соплеменников, перекидываясь гортанными фразами. Как я понял позже, они никуда не ломятся. За ними периодически выходит кто-то – такой же масти – и куда-то уводит. Потом они садятся в машины с российскими номерами и линяют... И всё чин-чинарем, они, оказывается, мафия...

О-о-о! Показался начальник, а вернее, начальница. Пропишав ключами в сторону автомобиля, она твердой поступью зашагала к крылечку. Народ сгрудился, чтобы следом за ней ринуться в помещение.

– А ну расступились! Я кому сказала!? Расступились, бараны... – через людскую брешь проследовала к двери, которую цербер тут же захлопнул.

Народ погундосил себе под нос, повозмущался и, вооружившись терпением и надеждой на божью помощь, продолжил смиренно ждать. А куда денешься, жребий, как говорится, брошен.

По иронии судьбы я как раз попадаю к этой самой дамочке. Она с деловито-напыщенным видом перелистала мой зеленый паспорт:

– Свидетельство!

Я сую метрики.

– Свидетельство о переселении! – нетерпеливо бросает она.

Обескураженный ее вопросом, я недоуменно пожимаю плечами:

– У меня больше ничего нет...

– Так что же вы сюда приперлись? Ну, народ... сплошная бестолковщина... Как работать?.. – вернула документы и, будто сквозь стекло, кликнула:

– Следующий!

Я не на шутку всполошился и взвыл:

– Девушка, а мне-то что делать!? Куда идти-то? Говорят, там какие-то программы имеются...

– Не знаю! – гаркнула чиновница. – Свободен! Следующий...

Я, значит, во дворик, к народу. Мол, не знаете ли, люди добрые, что мне делать, с чего начинать? Многие лишь руками разводят: «Сами такие...» Более или менее сведущие, проникнувшись состраданием, советуют каждый на свой лад, с позиции своего курса следования по безбрежному морю миграции, но в одном сошлись все: надо, дескать, начинать с ФМС. Там тебе всё объяснят и направят куда надо.

Оказавшись в ФМСе, я обнаружил, к своему ужасу, что народу здесь ничуть не меньше, чем в пункте регистрации. Сардины в банке, да и только. Ни к одной из дверей никак не пробьешься... Перед каждой дверью активисты тарасились в список, потом на меня, а затем, как пароль, выпрашивали: «Какой номер?». Я пятерней касался своей груди и увещевал:

– Мне только спросить...

– Всем только спросить, – звучал неизменный ответ. – Записывайтесь в очередь и спрашивайте сколько угодно!

– В том-то и дело, что я не знаю, куда мне записываться!

Не знаю, до каких пор мне еще пришлось бы находиться в роли футбольного мяча, если бы не голос из толпы:

– Мужчина, вон на стенке вся информация, читайте...

Считавший доселе, что эти стенды меня уж никоим образом не должны были касаться (ну висят себе и висят!), я стал вглядываться в размешенные на них многочисленные листочки. Голова шла кругом от этой информационной завирухи. Так и не поняв, какому из предписаний следовать, я ретировался, решив испытать из кладезя мудрости своей благоверной, а утром – снова в бой, каким бы путем она меня не направила.

Жена на то и жена! Прежде успокоила, затем полистала свои бумаги и стала прикидывать:

– Та-а-к... чего у тебя нет? Перевода паспорта нет, метри... а-а-а... – метрики на русском, – облегченно отметила она. – Та-а-к... справки анализов на СПИД нет, – и молниеносно с каким-то потаенным подозрением сверкнула на меня глазами. Затем продолжила:

– Из кожвена, от туберкулезника и нарколога нет... и дактилоскопии тоже нет... Значит, родненький, начинай с паспорта, анализов и дактилоскопии...

– И что, все разом?..

– Переведи паспорт и пройди дактилоскопию, – смиростивилась жена, деловито отрубив анализы. – После дактилоскопии возьмешь талон, а потом соберешь остальные документы.

– Какой еще талон?

– На РВП! Какой, какой... – увидев мою вопросительно-непонимающую физиономию, добавила: – Разрешение на проживание...

Записался я, как положено, в список, выстоял очередь на эту самую дакти... прости господи, сразу и не выговоришь, ну и жду. Из заветной дверцы выходит девушка, миленькая такая. Собрала у нас, счастливчиков – кто первыми в очереди – паспорта – и опять за дверь. Вызывать, значит, по паспортам будет. «Слава Богу...» – мысленно осенил я себя крестным знамением, ну и, как все, жду дальше. Не прошло и пяти минут – выходит моя красавица, поверх голов взглядом водит и выкрикивает мою фамилию... Поначалу я даже не поверил, опешил. Потом сообразил – и к ней. Вот, думаю, повезло, надо же, первый!

– Где ваша справка? – вопрошает она и перелистывает мой паспорт.

– Какая справка?.. – вопросом на вопрос отвечаю я.

– О подаче документов на РВП, – вежливо, не теряя самообладания, пробивается она к моему сознанию.

Соображаю, что означает эта недавно слышанная мною аббревиатура... и какой справки у меня не хватает...

– А-а-а... миграционная карточка! – осенило меня. – Так вот она, – тычу между страниц в паспорте, дивясь тому, как она могла ее не заметить.

Она вскинула на меня глаза, очевидно, чтобы установить степень моей адекватности.

– Вы документы сдали на разрешение для временного проживания? – внятно и всё так же обходительно спросила она.

– Так вот! – от волнения не в состоянии выговорить эту самую «дактилоскопию», отвечаю я. – Оттисну пальчики и тогда...

– Я вам объясняю, – подчеркнуто членораздельно продолжила она, – сначала подаются документы на РВП, там вам выдадут справку о том, что документы приняты, и только потом на дактилоскопию. По какой вы программе?

– Ни по какой... – поражаю я ее в самое «яблочко» своей простотой. – Но я родился в России...

– Метрики с собой?

– А как же, – поспешно сунул я в папку с документами.

– Та-а-к, держите ваш паспорт и ждите. По окончании приема я дам вам талон на РВП, а пока просмотрите это, – и указала в листок на стенде.

Ознакомившись с информацией, я наконец-то уяснил, что от меня требуется в этой беспросветной кутерьме для получения гражданства. «Оказывается, и среди чиновников, нет, пожалуй, чиновниц, тоже встречаются люди...» – подумалось мне.

– Вы мой лучик света в этом темном царстве, – по-отечески, с любовью, поблагодарил я ее, принимая обещанный талон. – Я непременно зайду в храм, сердечная, и за ваше здравие поставлю свечку...

БЕСКОНЕЧНАЯ КАРУСЕЛЬ

Я не философ, но тем не менее невольно начинаешь размышлять, кто ты в этом мире и что есть окружающий мир, когда независимо от времени суток попадаешь в пригородные электрички – эту бесконечно вращающуюся карусель, движимую силой человеческих нужд, желаний и страстей...

Здесь я острее проникаюсь стенаниями моей дочери, смачно подкрепленными окружающим меня людом, и глубже понимаю ее сетования по поводу однообразия и безликости каждого будничного дня.

Она проживает в подмосковном городишке, где по ее специальности работы нет, поэтому ей приходится каждый будний день мотаться в Москву и обратно.

«Поднимаешься в половине шестого... – сетует она. – Наскоро завтракаешь и резвой трусцой добираешься до железнодорожного вокзала... В седьмом часу, нахлобучив капюшон и уткнувшись в планшет, уже трясешься в электричке в надежде с толком использовать время в пути. Через несколько минут налитые свинцом веки предательски смыкаются. В полудреме прислушиваешься к объявляемым станциям... Угадав в невнятном хлюпанье динамика свою остановку, срываешься с места и уже вместе с обступившим тебя потоком оказываешься перед турникетом станции... Суешь в шель билет – и бегом до турникета метро. Выстреливаешь в мишень «тройкой» и попадаешь в стремительное людское русло. Оно несет тебя по эскалаторам через переходы станций пересадок и, измочаленную, с намятыми боками, выплевывает где-нибудь на «Беговой». Не сбавляя темпа, пробежишь минут десять – и ты в офисе. Работодателя абсолютно не интересуют твои проблемы: в течение дня ты – его раб. Вложив минимум, он старается выжать из тебя свой максимум. Обед – небольшая отдушина, и... снова оковы. Недавно с семьей шеф вернулся из Таиланда, а в перспективе – Мальдивы...

Дорога домой, в принципе, ничем не отличается от дороги на работу. Ты находишься в системе, ты машинально подчиняешься ее законам, ты ее микрочастица. Будто через желудочно-кишечный тракт, снова пропихиваешься по утробе метрополитена, который, смилостивившись, испражнится тобой на «Тимирязевской». Сидячие места в электричке уже все заняты. Кто уткнулся в телефон, кто всматривается в планшет, кто делает вид, что спит, а кто действительно спит, запрокинув голову, по-рыбы разинув рот. Разумеется, никто не уступит места. До «Лобни» присесть и не мечтай... хочешь – торчи в душном вагоне, хочешь – прохлаждайся в тамбуре...

Наконец, усевшись, остаток пути борешься с дремотой, непроизвольно и откровенно демонстрируя окружающим свою ротовую полость. Вокзал... Снова рвешь в потоке... Осталось сунуть билет в щель – и вот, кажется, ты на свободе. Торопиться некуда! Но, взнуданный на скачку, ты уже не в силах остановиться и по инерции, так же – рысцой – несешься домой. Хорошо, дома мама! Только здесь переводишь дух! Подставляешь тело животворящим струям, блаженствуешь... Тебя уже ожидает (спасибо мамочке!) ужин. Казалось бы, всё, передохни! Но ты не в состоянии противостать силе притяжения экрана монитора. Удавными глазами завораживает трепещущая лента новостей Facebook... Лайкнешь туда, лайкнешь сюда, пробежишься по адресованным тебе лайкам, приняв, отстучишь ответы друзьям... Отбиваешься уже за полночь, а утром все сначала... вечный бег! Покой? Он даже и не снится... И снов-то не бывает... В таком кошмаре может пройти вся жизнь!!!»

Жалко, конечно, чадо родное, но что поделаешь? Выбор сделан, и что-то менять уже поздно. Значит, надо закусить удила и тянуть свой воз к свету в тоннеле, то есть ближе к МКАДу, или, если уж очень повезет, шагнуть в его пределы. А пока... с иронией воспринимай современную народную поговорку: «Кто рано встает, тот за МКАДом живет...» И пусть она вооружит тебя оптимизмом на тернистом пути мигранта.

Ладно, довольно о грустном! Не в пример дочери, мне торопиться некуда, ожидание гражданства исчисляется, полагаю, даже не месяцами, а пенсия, как мираж, – вожденный плод воображения... Вот и тешишься неторопливым созерцанием юдоли, в которую ввергла тебя планида. Размышляешь, кто ты в этом мире, и каков мир вокруг тебя...

Ранние поезда еще полусонные, зевотные. Баюкающие своих пассажиров, даря последнюю возможность покоя перед предстоящей круговертью дня. Вот кто-то прямо в обуви взгромоздился на сиденье и безмятежно дрыхнет. Пассажиры его обходят стороной, боже упаси, нарушить покой измочаленного жизненными перипетиями, а вернее, перепившего накануне господина. Да что там нам – простым смертным, его даже контролеры сторонятся. Лежачих они не тревожат, будят только сидячих пассажиров. Вообще, контролеры в электричках – это отдельная тема, лично мне их функция абсолютно непонятна. Может, потому что я мигрант и попросту не врубаюсь в круг обязанностей, которыми облечены контролеры российских электропоездов?.. Эх-э-х, кабы изучил инструкции пользования железнодорожным транспортом, теперь бы не ломал попусту свою головушку, там наверняка всё прописано...

Шествие свое контролеры начинают где-то в середине пути. Идут оравой в сопровождении внушительной охраны. Обычно задействована пара служащих – один следует левой стороной электрички, другой – правой. Свита скопом идет следом. Как мне показалось, действия контролеров совсем нехитрые: убедившись, что предъявляемый билет подлинный, чиркают в нем ручкой, и законопослушные граждане счастливо продолжают свой путь. С безбилетником начинается короткий диалог. Служащий задает вопросы – пассажир отвечает. Если собеседование устраивает обе стороны, пассажир протягивает деньги, кондуктор нажимает кнопки на своем техническом чуде и вручает проездной билет. Иногда в силу неизвестных причин пассажир категорически отказывается оплачивать

проезд, тогда ему просто указывают на выход с требованием покинуть поезд на следующей станции. Никаких разговоров о взыскании штрафа с нарушителя или применении к нему законных мер воздействия даже не ведется. Зачем тогда «дядьки Черноморы» в униформе с грозной надписью на спине – не понимаю... Тем временем, пока вся компания блюстителей легитимности пассажиров, словно поршень, давит с одной стороны вагона, безбилетники вскакивают с мест и устремляются в соседний вагон. На ближайшей станции мы уже слышим топот несущейся по перрону многочисленной толпы и видим в окна улыбающиеся лица «зайцев», стремящихся до закрытия дверей зайти в тыл контролирующей братии. Устраиваемая правоохранителями комедия, к сожалению, оплачивается средствами из нашего с вами кармана. Обидно...

В электричках, следующих в дневное время суток или в часы пик, гораздо «веселее». Чередой меняются мизансцены минитеатров. Иногда представления накладываются одно на другое или очагами завязываются то в одном, то в другом месте вагона. Но всё это отнюдь не вносит сумятицу в лицедейство, а, наоборот, органично вплетается в общую феерию подвижного балагана. Вот появляется инструментальный дуэт в камуфляже и с ходу жарит: «Комбат, батяня, батяня, комбат...» Отмолотив, песнопевцы бодро шествуют по проходу, суя по сторонам раскрытый кофр. Кто сунет бумажку, кто звякнет мелочью, большинство же усердно рассматривает потолок или пялится в окна, не желая встречаться глазами с лабухами. Совестно... Я тоже, как те, кому совестно, тупо впериваюсь в окно.

Между тем ваше напускное безразличие пробивает уже следующий слуга Евтерпы, демонстрирующий песни собственного сочинения под аккомпанемент синтезатора...

С противоположной же стороны вагона в унисон солисту, как припев, звучит: – Средство от клопов, тараканов, мышей, мурашей...

Сунув снадобье под нос сидящей рядом со мной старушке, «коммерсант» назойливо пытается убедить ее приобрести «продукт»:

– Бери, бабка, недорого. Рубль штука, пять рублей кучка...

– Ты бы мне еще на голову насыпал свою отраву, зараза окаянная! Иди, нет у меня никакой гадости. Ходит здесь, мудями трясет, – возмущается старушка.

– Против гнид не имеется, – парирует коробейник и направляется дальше, всё так же невозмутимо рекламируя свой товар. – Средство от клопов, тараканов, мышей, мурашей...

– Диски с записями только что прозвучавших песен.... И ещё несколько аналогичных композиций собственного сочинения... Граждане, приобретаем... недорого, всего сто рублей за диск, – в общем коктейле со средством от тараканов предлагает свою продукцию композитор.

– Та-а-а-к... кто желает холодненьких напитков? Минералка, мороженое... – вваливается в вагон матрона с огромной сумкой.

Моя старушонка раскошеливается на пломбир.

– Э-э-эх... – сокрушается она, глядя в мою сторону. – Вот в наше время было мороженое так мороженое... Будто пирожное охлажденное, всякое там крем-брюле... а теперь пальмовое масло, сахар и лед... Одна отравка...

Я понимающе киваю головой.

– Граждане пассажиры, – перебивает монолог старушки динамик электрички, – сообщайте, пожалуйста, правоохранительным органам о незаконной торговле в пригородных поездах...

Старушка безнадежно взмахивает рукой, обсасывая брикет мороженого. Мол, знаем мы, как там у вас: рука руку моет... Тут же, как свидетельство ее слов, на моих глазах возникает картина: встретившиеся нос к носу мороженщица и правоохранители расходятся как в море корабли, сосредоточившись каждый на своем.

Вереницей потянулись скорбные лица цыганок... Как образочком, тычут в лица пассажиров фотографиями увечных детей, вызывая к сочувствию. Пробирает до слез, но зная их мошеннические уловки, прячешь взгляд в спасительное окно.

– Какая следующая остановка? – вскакивает дед со включенной седой бородой и вопросительно озирается по сторонам.

Паренек напротив, оторвавшись от горлышка бутылки, вытирает ладонью рот и выкрикивает старику:

– Лианозово, Ли-а-но-зо-во!

Ухватив за ручку свою объемную сумку на колесах, старик устремляется к выходу. «Куда же ты мчишься, старичелла, ведь, чай, уже в девяносто упираешься, чего ж тебе дома не сидится? Понимаю, нужда... Не от хорошей жизни ты мчишься очертя голову, жрать-то хочется... Забило на нашу старость – теперь уже наше с тобой – гребаное государство! Не знаю, что выпадет на мою долю, может, так же – с сумкой да по помойкам... Обидно же, дед, за державу обидно...»

Перед тамбуром старик сталкивается с дьячком, увенчанным скуфьей, с массивным крестом на груди. Монах сторонится, пропуская деда, затем просачивается в вагон, прижимая к рясе отливающий золотом ящик для пожертвований. Начинается новое представление. Перекрестившись, святоша шербатым ртом бубнит какую-то не то проповедь, не то отповедь. Затем, призвав православных укрепиться в вере христовой и завершив воззвание молитвой «Во имя отца и сына...», двигается с богом и ящиком стричь шерсть с овец – новоиспеченной паствы.

Он не внушает мне доверия, я даже не отворачиваюсь к окну, но невольно думаю: «Это ж сколько нужно деньжиш, чтобы ублажить всех жуликов и аферистов?!»

За дьячком в вагоне сосредоточенно, по-деловому распоряжается уже «убогий». Кося под немного, паренек молча раскладывает по краям сидений какую-то бижутерию, брошюры, носки... Затем, вернувшись, так же молча всё собирает. Я проследил его путь – товара никто даже не коснулся. В голове возник дурацкий вопрос: «Как же они ведут свой бизнес, ведь дорога, наверное, оплачивается, а товар-то не реализуется?» Поразительно, но я ни разу не видел, чтобы контролер потребовал билет хотя бы у кого-то из торгашей или у тех же «песняров»... «Это, значит, гуляй по электричке, выкрикивай “мышей, мурашей...” и езжай себе куда хочешь бесплатно? Нет, пожалуй, какая-то конвенция должна существовать...»

– Да что ты, окаянный, своими карандашами и ручками в мороженое мне лезешь? Пожрать не даст, чертов басурман! – взъерепенилась моя пожилая соседка на паренька восточной наружности. – Понаехали тут и тычут ручками...

– Э-э-э, бабишка, я чего-нибудь укирял, что ли!? – возмутился, как я понял, мой земляк. – Это моя бизнес. Я же на тебе в томном углию не нападаю?

– Я бы тебе напала! Нападет он! Сейчас полицию вызову...

– Э-э-э... пошел ты... – огрызнулся земляк и, виновато понутив голову, двинулся дальше.

Я осуждающе «обласкал» старуху взглядом.

– Да что же это я в самом-то деле? – проникнувшись вдруг гуманизмом, встрепенулась соседка. – Взяла и обидела человека. Пойду, пожалуй, догоню, хоть ручку куплю...

Скомкав обертку от мороженого, она швырнула ее под лавку и, облизав пальцы, устремилась за пареньком.

...Туда-сюда сновали продавцы точилок, ножей, книжек и еще бог весть чего... Так и вращается эта бесконечная карусель – микромодель нашей жизни, движимая силой человеческих нужд, желаний и страстей...

переводы

**Зульфия
КУРОЛБОЙ-
КИЗИ**

Родилась в 1966 г. в Джизаке. Окончила факультет узбекской филологии Джизакского педагогического института. Работает редактором в агентстве «Узбеккино». Автор нескольких сборников рассказов, двух романов.

СОЛНЦЕ НА МОЕЙ СТОРОНЕ

Рассказ

Наступает ночь. На душе тревожно, в голове неотступно вертится: «Неужели и сегодня придет без денег...» Детям, голосящим «проголодались», разлила по полчашки лукового супа, этот суп и его название «Позор шурпа» придумала сама женщина. Наблюдая за детьми, макающими хлеб в луковый суп, обеспокоенная женщина посмотрела на время: семь!

«Наверное, и сегодня не выдали зарплату. Бродит, бедняга, размышляя, у кого бы занять в долг? – Гузаль представила своего мужа. – Бедняга мучится, чтоб накормить семью...»

Сердце женщины ёкнуло: услышала стук, подошла к двери, но, видимо, показалось. Уже полночь, от Тохира ни слуху ни духу. Дьявол начал смущать душу. Но она пыталась успокоить себя: «Нет! Нет! Его может сбить с пути только нищета», – подумала Гузаль. – Любящий своих детей не может даже думать об измене, а муж так любит своих детей, на руках носит!»

И все же Гузаль казалось, что все-таки что-то не так. Поздние возвращения Тохира с работы не к добру. Если не ошибается, вот уже четыре года как муж нет-нет остается ночевать на работе. Да, да, четыре года! А оговорок да причин... Полным полно! Вплоть до того, что на работе стало плохо. Но почему-то лицо его выражало не болезнь, а страх и тревогу.

«Хотя бы позвонил, – сетовала Гузаль. – В конце концов, я всю ночь ждала тебя, прислушиваясь к стуку в дверь...» Гузаль по-своему понимала Тохира, когда он отводил взгляд.

Потом это стало повторяться все чаще.

Со временем тревога с лица Тохира исчезла. Он теперь даже не отводил взгляда.

Можно было все вытерпеть. Но частые отлучки мужа из дома становились для Гузаль невыносимыми. Сколько ни пыталась она успокоить себя, но когда муж возвращался ранним утром или поздней ночью (хотя бывало, что 3-4 дня он возвращался с работы домой пораньше), его поведение казалось ей странным. Как-то она сказала ему об этом. На что Тохир возразил:

– Я работаю, жена. Работаю. Какая польза для семьи, если я буду сидеть возле тебя, на работу идти попозже, возвращаться пораньше? Кто вместо меня будет выполнять работу? Тащить мою арбу!

После этого разговора Гузаль успокоилась, внушив себе: муж работает, зарабатывает.

Хоть... он и работал не только днем, как все, но и ночью, чтоб дополнительно заработать, его заработка не хватало.

Если у других людей зарплата со временем прибавлялась, то у Тохира уменьшалась.

Из-за материальных трудностей, Гузаль пришлось дважды сделать аборт. Кроме Тохира, она никому не рассказала, даже виду не подала. А муж хоть и не сказал «да», но он и не запретил аборт. Через некоторое время, снова забеременев, она обратилась к мужу.

– Может быть, этого родить. Пусть будет пара сыну или дочке.

– У тебя других проблем нет, кроме как рожать! – закричал тогда на нее Тохир. Поняв, что его слова обидели жену, через некоторое время, успокоившись, сказал: – Вместо того, чтоб рожать пятеро-шестеро детей и кое-как воспитывать их малограмотными, не лучше ли обеспечить этих, уже родившихся двоих, как полагается?!

– Мама часто говорит: «Не сторит рука у того, у кого кочерга длиннее». Будем надеяться только на этих двоих?

– Уфффф! – Тохир отвернулся.

Из-за этого скандала Гузаль избавилась и от этого ребенка. В этот раз ей было очень трудно. «Прости меня дочка, я согласилась на этот шаг от безвыходности», – просила она прощения у родной души, которая, как бабочка, шевелилась у нее под сердцем, ожидая своей очереди в больнице. «...Дочка», – думала она. Женщина внутренним чутьем чувствовала, что это девочка.

Но и это не изменило положение в семье. Вот позор – луковой шурпой обманывает детей.

Превозмогая душевную боль, дождалась утра. От Тохира все нет вестей.

Отправив детей в школу, Гузаль задумалась. Надо как-то найти деньги на хлеб! В горьких раздумьях достала из сундука шарф, который остался еще с тех пор, когда она была невесткой, и вышла к соседке.

– Баба Таня, как выспались? Вам не нужен случайно шарф? Для подарка...

Баба Таня – старушка лет шестидесяти, – взяв шарф, повертела его в руках и вернула его Гузаль.

– Нет. Не надо, – сказала она. Потом пристально посмотрела на Гузаль, будто съесть ее хотела и жестко произнесла: – Работать надо, доченька. Работать надо!

Стук двери привел Гузаль в чувства. Женщина со слезами вернулась домой.

«Работать надо! Работать надо! Работать...»

Эти слова когда-то она слышала и от мужа. Ей зачем-то понадобились деньги, а у Тохира их не было. Гузаль тогда со слезами выговаривала:

– И это жизнь? Когда не спроси – нет денег, нет денег...

– Можешь и ты работать, не всегда же тебе ныть! Даже если бы семечки на остановке продавала, у тебя было бы четыре-пять сумов!

После этих слов Гузаль решила действовать. Купила семечки, пожарила, как смогла, вынесла на остановку. Для денег прихватила старый кошелек. Из лучших побуждений, конечно!

Только пришла на остановку, не успела еще мешок открыть, появилась полная женщина в шляпе.

– Это мое место. Иди, другое место ищи!

Гузаль растерялась.

– Если я не буду торговать там, где людей много, какой резон? Куда же мне идти?

– Это меня не касается! Проваливай, говорю тебе! Исчезни, пока в глаз не получила!

Испугавшись, Гузаль взяла свой мешок и, прижав его к груди, вернулась домой.

Спустя три-четыре дня она, сварив суп, понесла его на базар. Но люди не глупы. Даже внимания не обратили на блюдо Гузаль, когда рядом продают мясную, хорошо приправленную еду.

Потом, расспрашивая, она узнала, что в школе есть вакантное место. Директор школы готов был принять ее. Но Гузаль не согласилась быть сторожем.

Вот так она и терпела, старалась не упрекать мужа, думая: «Во что бы то ни стало дать возможность детям получить образование. Все силы приложу, чтоб они получили профессию».

Тохир вернулся с работы на следующее утро. В руках у него была сумка с продуктами. Однако настроение было неважным.

У Гузаль тоже не лучше.

– Какую сегодня придумаешь причину?

– Уфффф! – заскрипел зубами Тохир. – Не услышишь в этом доме приятных слов. Все время упреки да упреки.

– У меня есть основание для упреков, – сказала Гузаль. – Словами человека не накормишь.

Плачущие от голода дети, услышав шум, прибежали с кухни.

– Папочка! Мы соскучились по тебе! – кинулись они в объятия отца. Начался радостный гам. Дети забыли о голоде, о недавних слезах.

«Наверное, я никогда не смогу отказаться от него, – подумала Гузаль. – Однако стоит серьезно поговорить с ним. До каких пор...»

Гузаль взяла себя в руки, дожидаясь, пока не уснут дети. Она пригласила уставшего Тохира, у которого глаза слипались, как будто он косил или работал кетменем, к чаю. Когда-то у супругов была привычка пить чай на кухне, когда укладывали детей.

– Я должна поговорить откровенно, – начала разговор женщина. – Скажи мне правду, если у тебя есть женщина, признайся.

Тохир с удивлением посмотрел на жену.

– А что если не признаюсь? – недовольно, с иронией сказал он.

– Признаешься или не признаешься, но эту проблему придется решить, – сказала Гузаль. – Надоело так жить, постоянно думая, переживая, я вся измучилась.

– Зачем думаешь? Скажи себе, что такой напасти даже нечистая сила не коснется, и спи спокойно.

Эти слова больно ранили женщину.

– Да разве может человек быть таким бессовестным?! Все, хватит, надоело. Уйду.

– Сейчас темно. Если не боишься, можешь уходить. Мне тоже все надоело!

Гузаль подбежала к двери, кинулась открывать замок в надежде, что он остановит, вернет... Однако...

Гузаль открыла дверь, сделала шаг – другой, но не последовало ни звука! Со слезами женщина выбежала на улицу и замерла, не зная куда ей идти. Время позднее, вокруг темнота все казалось страшным и грозным. Фонарики, висящие на столбе, давно потухли, не слышно ни звука. Казалось, что темнота, как черное чудовище, вот-вот нападет на нее. Женщина возвратилась в подъезд. Держась за стену, с надеждой посмотрела на дверь своей квартиры: может быть, выйдет, чтобы вернуть... Может будет переживать, думать, в конце концов, куда же она пойдет в полночь...

Вдруг он внезапно выйдет за ней, как же ей себя вести? Откажусь идти домой. Подожду, пока наступит утро, посветлеет – пойду в отцов дом, а ему скажу: «Теперь мы с тобой будем разговаривать там».

Проявлю настойчивость...

Прошло полчаса, час... два часа, но дверь не открылась. Муж не то чтоб ее искать, волноваться, даже дверь не открыл, чтобы посмотреть, где она. Гузаль кусала губы и горько плакала. Темный подъезд не освещался, лампочка то перегорала, то ее воровали. Женщина дрожала от страха и подумывала вернуться домой. Однако какое-то чувство, сильнее страха, не позволяло ей это сделать. «Не дай Бог, чтобы соседи вышли и увидели меня в таком состоянии», – думала она.

Мысль о беззаботно спящих детях больше угнетала ее. «У Дилшоода привычка сбрасывать во сне одеяло. Не раскрылся ли он?...» – думала она. По улице пробежало какое-то существо. Сердце Гузаль чуть не выскочило из груди. Дрожа, она забилась в угол. Села. Дверь ее дома была рядом, но она уже не смотрела туда.

Ее сверкающие глаза будто застыли в темноте, лицо побледнело от горя. Постепенно она пообвыкла, ей уже не было так страшно. Ее охватила усталость. Наступал рассвет. Женщина с покрасневшими глазами вышла на улицу.

* * *

– Зачем же ты оставила детей, доченька? – спросила мать. – Неужели ты только о себе думаешь? Ну ладно, поссориться ты поссоришься мужем, но почему детей оставила?

Гузаль рассказала все: и что муж пришел в полночь, и другие мелочи, но умолчала о том, что ушла из дома ночью.

Не знаяшая всего мать думала только о детях, которые остались дома.

– Ведь говорят: «Без ссор нет семьи». Если вчера поссоришься, то сегодня помиришься». Собирайся, отвезу тебя домой. Собирайся!

Женщина хотя и думала только о детях со вчерашнего дня, но упорствовала.

– Нет. Теперь я к нему не вернусь. Даже день с ним жить не стану.

– Не думай, что тебе здесь будет хорошо. Я не имею прежних прав, – со слезами на глазах, оттого что ей жаль было дочь, сказала мать.

– Вы не знаете... Вы ничего не знаете...

В горле Гузаль что-то застряло, она не могла произнести ни звука.

– Ты тоже не знаешь всего, дочка. Состояние твоего брата тебе известно: хилый, больной: три месяца дома, три месяца в больнице. А твоя сноха – божье наказание – едва мне чашку еды дает. Всякий раз, когда твои дети... – внезапно Машхура, мать Гузаль, замолчала, как бы не решаясь сказать. Но решившись, спустя некоторое время продолжила: – Это божье наказание не терпит, когда твои дети остаются у нас на 3-4 дня. Она выговаривает мне, что работает не ради того, чтобы кормить грязных детей Тохирбека.

Гузаль, вытаравив глаза, застыла на месте.

– Да неужели? – прошептала она. Через некоторое время, поостыв, подумав, решила: – Ладно, пойду обратно. Но только в последний раз!

– Иди, иди, родная доченька. Хорошо.

Матушка Машхура, воспользовавшись отсутствием невестки, открыла дверцу холодильника, достала из морозилки мясо и, погрузив в теплую воду, отрезала три-четыре кусочка с оттаявшего края. Отсыпала немного риса из мешка, отлила немного масла. Даже сухих помидор дочке дала, чтобы использовать их вместо томата.

Наблюдая за матерью, Гузаль стала отказываться.

– Сама она не даст тебе даже чашку еды. Но ты же тоже имеешь право на этот дом.

Ближе к вечеру мать с дочкой с наполненными сумками отправились в путь.

После многократных звонков Тохир с холодным выражением лица открыл дверь.

– Как вы, сынок?

Машхура сделала шаг, чтобы войти в дом. Однако... Стоящий у дверей Тохир не отошел! Не только не уступил теще дорогу, даже с места не сдвинулся.

Машхура непонимающе глянула на дочь. От смущения у нее покраснели щеки. Гузаль опустила голову.

Машхура взяла себя в руки, хотя ей было очень больно.

– Сынок, вы не дети! У вас замечательные дети растут. Не бывает семей, где нет ссор. Будьте терпеливым, когда обижаетесь на слова моей дочери. Ведь она женщина. А когда злитесь вы, она...

– Когда ваша дочь пришла к вам? – вырвалось из уст Тохира.

– Утром... – удивление матушки Машхуры было заметно по голосу.

– Из дома ушла в полночь, а пришла утром. Откуда мне знать, где она шлялась до утра?

Матушка Машхура растерялась.

А Гузаль...

От ярости Гузаль пристально уставилась в глаза мужа.

– Я теперь не могу ее принять, и он силой хлопнул дверью, слышались голоса детей: «Мамочка!».

Гузаль вцепилась в ручку двери.

– Открой дверь, подлец! Отдай мне моих детей! У тебя нет прав на них. Открой дверь! Открой, говорю! Дилшод, Дилрабо, детки мои!..

Гузаль, плача навзрыд, пинала дверь, звонила, дергала за ручку. В ответ – ни звука. Внезапно наступила тишина.

– Не смей пальцем трогать моих детей, подлец! – кричала Гузаль. – Знаю ты их закрыл в ванной или на кухне! Дилшод, Дилшодик не бойся отца, подойди ближе к двери. Мне есть, что сказать тебе. Дилшод!.. Дилшодик!

Гузаль прислушалась. Тишина. Будто никого и дома нет... Обессиленная женщина упала на колени:

– Что теперь я буду делать?!

Голос дочери привел в сознание побледневшую матушку Машхуру.

– Вставай, не валяйся как труп, – резко сказала она дочке.

Почувствовав, что она не в состоянии что-то изменить, Гузаль встала.

Дочь с матерью оставили пакеты с продуктами у двери и потихоньку вышли на улицу.

Лопнуло терпение матушки Машхуры, взгляд стал злым. Всю дорогу домой мать с дочерью не промолвили ни словечка. Ближе к ночи у Гузаль поднялась температура. Незадолго до этого она звонила домой, но ей не удалось услышать ни голоса детей, ни мужа. От злости матушка Машхура тоже наговорила немало плохого, потеряв доверие к дочке. И это больше всего расстраивало Гузаль.

Ближе к ночи она слегла, начала бредить: «Я была в подъезде... Я была там...» – говорила Гузаль.

Глаза матушки наполнились слезами. На следующий день мать наставляла дочь:

– Иди домой как ни в чем не бывало. Мужчины обижаются три-четыре дня, а потом забывают.

– Не могу я так, мамочка...

– Получив клеймо «распутной женщины», будешь здесь сидеть?

– Самое главное, это не правда.

– Как ты докажешь, что ты права? – повысила голос матушка Машхура.

– Он просто искал причину и в конце концов добился своего, – сказала Гузаль. –

Теперь я многое стала понимать.

– И что теперь будешь делать?

– Хоть через суд, мне бы только вернуть детей. Мне больше ничего не надо...

– Чего, чего, суд!.. – глаза матушки округлились. – Ты окончательно хочешь развестись?

– Да, мам.

– Не болтай глупостей. Из-за какой-то ссоры разводиться...

– Вы не знаете... ничего не знаете...

– Все, замолчи. Так легко стало разводиться...

Вскоре матушка Машхура отправила к сватам знакомых, считавшихся уважаемыми. Родственники зятя недружелюбно ответили: «Все решит наш сын!»

А зять стоял на своем: «Такая жена мне не нужна. Разведусь!»

Гузаль чувствовала, что толку от стараний матери не будет. Услышав ответ мужа, на следующий день она пошла в суд писать заявление. Измученная бессонницей Гузаль была довольна одним: «Дети останутся со мной. Суд не отдаст детей отцу, если мать жива. Если благополучно разведусь, буду жить спокойно с детьми».

Однако не все так просто, как ей представлялось. В суде Тохир заявил: «Не отдам детей». Когда у него спросили о причине, он не задумываясь ответил: «Она неверная жена». Гузаль растерялась: она не думала, что ее муж опустится до такой низости. До прихода в суд ей хотелось многое рассказать, раскрыть истинное лицо мужа. Но когда пришла... даже молитва не приходила на ум. Будто все испарилось, в голове пустота. К тому же Тохир нанял адвоката. Лысый, пузатый мужчина сначала говорил об узбекских женщинах, подобных ангелам, потом о тех, кто пятнает это звание (да, он сказал именно так). Достоянна ли материнства женщина, которая бросает или оставляет детей и уходит на улицу? Можно ли доверить воспитание детей такой женщине, когда он начал ссылаться на закон, Гузаль не выдержала.

– Докажите, что это так, – разрыдалась она.

– Доказательства? – заблестела лысая голова адвоката. – Не спешите, докажем. Если надо – есть свидетели!

Гузаль с надеждой посмотрела на мужа. Тохир тоже смотрел на нее. Однако в его взгляде не было ничего, кроме ярости и ненависти! «Неужели никто не верит в мою чистоту?!»

Гузаль взглянула в зал. Вот только вчера называющие ее своей дочерью свекор и свекровь, наставляющая: «Терпение – золото». Кстати, когда она это говорила? Ах да, тогда, когда она пошла к ней за чашкой муки.

Женщина взглянула в их сторону с такой мольбой, что если бы на месте свекра был камень, а на месте свекрови – глина, то они давно бы расплавились. А между тем, с ними этого не произошло, они, реагируя на мольбу невестки, лишь опустили глаза!

– Почему вы тем вечером ушли на улицу? – прозвучал голос судьи.

– Мы поругались... Вышла, чтоб уйти к матери.

– Она попала к матери только утром следующего дня, – бросил реплику Тохир.

– Я ведь была в подъезде... – заливаясь слезами, дрожащими губами произнесла Гузаль. – На улице было темно, всю ночь просидела в подъезде.

– А в подъезде было светло? – с сарказмом, насмешливо глядя на жену, спросил Тохир.

– Есть ли у вас свидетели? – влез в разговор лысый адвокат.

Гузаль исподлобья посмотрела на адвоката и обратилась к судье:

– Я не хочу судиться с мужем. Если он не хочет жить со мной... Пусть отдаст мне моих детей.

– Ты не имеешь права на детей! – закричал Тохир.

– А у вас есть на них право, да? У вас?! Пропадая по три-четыре дня подряд, вы заслужили на них право?

– Тебя это не касается, – проворчал Тохир.

– Где вы ночевали в те ночи, когда не приходили домой? Объясните это мне сейчас! – Гузаль посмотрела на мужа так, что он невольно отвел глаза.

Судья вмешался в ссору:

– Срок – шесть месяцев! Может быть, примиритесь. У вас есть дети. В первую очередь вас должна заботить их судьба!

– Прошу, дайте возможность увидеться с детьми.

– Ваша просьба удовлетворяется.

Гузаль боялась, очень боялась. Суд мог развести их сразу же. К счастью, суд дал шесть месяцев на примирение. Может, в течение этого срока они помирятся. Если даже не помирятся, есть возможность увидеться с детьми!

В душе она чувствовала, что сама частично стала виновницей произошедшего, сердце ее трепетало в ожидании встречи с детьми. Она очень соскучилась по ним! В тот же день она напекла уйму сладких лепешек и разложила их на подносе остывать. В это время приехала с работы сноха Шахло.

– Так много испекла? – изумилась она. – Столько муки попусту потратила...

– Дети очень любят ...

– Племянникам тоже оставьте несколько штук. Им бедненьким некому испечь лепешек. Целый день работаю как лошадь, что ни найду, в дом тащу.

Гузаль сдержала себя, не произнесла ни звука, но задрожала, как в ознобе.

Спустя полчаса она отправилась в свой дом, пусть с голыми стенами, но свой, где она чувствовала себя хозяйкой. Она планировала добраться к вечеру. Если муж будет дома, может, можно будет поговорить...

Дверь открылась резко.

На пороге... На пороге стояла другая женщина!

Пока Гузаль собиралась что-то сказать, эта женщина опередила ее:

– Дети не хотели вас видеть. Отец повел их в парк.

Словно небо упало на Гузаль. В глазах потемнело, она прислонилась к стене. Женщина, откровенно рассматривая ее с головы до ног, ехидно сдвинула губы.

– А вы... кто будете? – вырвалось из высохших губ Гузаль.

– Супруга Тохирбека!

– Это я его супруга! – Гузаль в ужасе отпрянула.

– Жена должна сидеть дома, а не бегать по улицам при каждом удобном случае.
– Только тебя не хватало, нотации мне читать...
– Мы уже четыре года как женаты, у нас двое детей.
– Четыре года?!
– Да, Тохирбек долго мучился, не зная как рассказать вам.
– Воспользовались моментом, да. Готовое жильё...
– У меня есть свое жильё. Мне нужен только муж, – злобно сказала женщина и с грохотом закрыла дверь.

Гузаль стояла как вкопанная.

Она не знала, что делать, что сказать, ничего не приходило в голову. Душа совершенно опустела. Минут через пять ей захотелось плакать навзрыд. Изнутри что-то поднялось и застряло в горле. Стиснув губы, стараясь заглушить сжигающий горло вопль, она изо всех сил хотела сдержать струившиеся слезы.

* * *

«Все, достаточно, заставили столько мучиться, – думала Гузаль, сидя ночью в одиночестве на кухне. – Я тоже найму адвоката. Я буду всегда на шаг впереди них. Не буду плакать. Не должна плакать!»

Спустя несколько дней, она зашла к адвокату с вывеской «Самый опытный юрист». Она рассказала все, что с ней приключилось, человеку, представившемуся Каххаровым, и добавила:

– Хочу подать в суд на мужа за двоеженство. Понесет ли он за это ответственность?

Каххаров взглянул своими узкими глазами на женщину, на мгновение призадумался и ответил:

– Довольно сложный вопрос. Но уточним одну деталь. Вам необходима консультация или вы хотите нанять адвоката?

– Как получится... возможно, найму адвоката?

– Если вы оплатите все расходы, я займусь вашим «делом».

– Сколько... это стоит? – озабоченно спросила она.

Адвокат ответил.

– Пока проконсультируйте. Остальное мне надо обдумать...

– Значит, обвинив мужа в многоженстве, вы хотите привлечь к уголовной ответственности, не так ли? По этому делу в поведении вашего мужа признаков уголовного преступления не имеется. На основании ст. 126 Уголовного Кодекса многоженство, то есть сожителство с двумя или более женщинами на основе ведения общего хозяйства наказывается, но в действиях вашего мужа признаков сожителства на основе общего хозяйства нет. Стало быть, если лицо живет с двумя или более женщинами и не ведет общего хозяйства, такое поведение не входит в понятие преступного многоженства.

– В таком случае... что с моими правами? Я не согласна с этим. Разве это не оскорбление по отношению ко мне?

– Можно привлечь за моральный ущерб. Но прежде всего нам необходимо договориться, – адвокат уставился на нее своими узкими глазами.

– Даже так?.. – Гузаль на мгновение призадумалась и встала с места. – Мне по-другому объясняли.

Гузаль чувствовала себя неудовлетворенной, страдала от того, что услуги адвоката ей не по карману. У нее не было никого, кто понимал бы ее, облегчил бы ее страдания, поддержал. Нездоровый брат все еще находился в больнице с болезнью, а чем могла помочь одинокая мать?

Уже полночь, но Гузаль не спит. В последнее время она страдает от бессонницы. Внезапно обрушившееся на нее горе буквально раздавило ее. Особенно тоска по детям сжигала ее сердце, превращая его в пепел. Воспоминания о разговорах, выходах детей, их смех, звучавший в ее ушах, не давали покоя. Сначала ее несколько утешали слезы, а потом они высохли, осталась только сильная горечь на душе. Такая

мука убивала ее час за часом, день за днем. Когда всякая живая душа засыпала, все вокруг погружалось в глубокую тишину, женщина молилась: «Господи, перед тобой моя совесть чиста, душа спокойна. Ты являешься свидетелем всех невзгод, обрушившихся на мою голову. Боже мой, сделай так, чтобы мой муж раскаялся и пожалел о содеянном, так, чтоб его сердце (если оно есть!) сострадало. Дай боже, чтобы его мучила совесть невыносимо». Зазвонил телефон!

«В полночь? Кто это? В чем дело?» Мелькнула мысль о детях. Сердце затрепетало. Торопливо подняла трубку.

– Алло.

– Гузаль? – послышался низкий голос.

– Да, что такое? В чем дело?

– Слышала, что ты ходила к адвокату, – голос зазвучал более уверенно. – Не утруждайся, это бесполезно. Ты не можешь забрать своих детей!

Гузаль узнала хозяйку этого голоса: это была та самая женщина.

– Поганая! – Гузаль задрожала от негодования.

В ответ послышалось хихиканье. Гузаль бросила трубку.

До утра она металась будто в бреду: «Мальчик мой... Дилшодик, приди хоть разок... Дилрабо... Дилрабо... Ты же старше, как ты могла сказать такое? Не хочешь видеть мать? Ребенок мой... дети мои...»

Нехотя наступал рассвет. Ранним утром Гузаль отправилась в путь, ориентируясь на время, когда муж выходит на работу. Если интуиция не обманывает, примерно через десять минут он должен пройти здесь.

Гузаль ждала мужа на краю дороги под ветвистым деревом. Как она и предполагала, через десять минут появился Тохир. Сильно волнуясь, она вышла ему навстречу. Он побледнел, потом щеки его порозовели.

– У меня к вам два вопроса. Не бойтесь, я не буду скандалить. Услышу ваш ответ – и уйду.

– Ну?... – Тохир старался не показать своего волнения.

– Вы меня подозреваете... вините за то, что я ушла из дома той ночью? Или есть другие причины? Только скажите правду, – она внимательно посмотрела на мужа, будто решалась ее судьба.

– Разве такие разговоры решаются на улице? – недовольно пробормотал Тохир.

– Если я не поймаю вас на улице, где же мне увидеть вас?

– Уф... – лицо Тохира изобразило глубокую печаль. – Пошли отойдем подальше. Два года назад я услышал разговор о тебе. Настроение испортилось, но верить не хотел. Потом еще два раза слышал об этом. Последнее очень огорчило меня. Были свидетели, которые видели постороннего мужчину, выходящего из нашего дома. Эти разговоры я услышал от человека, который стал причиной разрушения нашей семьи и сначала не верил его словам. Чтобы не обидеть тебя, я не сказал тебе ни слова об этом. Ко всему прочему... я давным-давно изменял тебе. Тогда, за день до того как мы поругались, двое засвидетельствовали, что видели тебя с другим мужчиной. Если помнишь, я вернулся домой без настроения. Потом ты ушла из дома в полночь. Вот и вся история...

– Теперь второй вопрос, та женщина... (не смогла назвать «ваша жена») как вы познакомились? Возможно, вы смеетесь надо мной про себя, но все равно, отвечайте. Я должна знать.

– Как я... познакомился? – усмехнулся Тохир.

– Нет, хочу знать, какую ошибку я допустила за десять лет, живя с вами.

– Твоя ошибка?..

– Разве не ошибка что я потеряла вас?

Тохир обеспокоенно оглянулся по сторонам.

– Хотел заняться чем-то, чтобы подзарабатывать, кроме зарплаты, нашел себе напарника. А напарник... нашел Мархабо. Ей необходимо было отремонтировать дом. Я тебе говорил об этом. Хотел обрадовать тебя, принеся домой мешок денег. Мархабо

работала в налоговой инспекции. Она хорошо кормила нас, когда уходили домой, она передавала гостинцы. Мою сумку наполняла больше, чем сумку напарника. Сначала договорились расплатиться после окончания работы. Но я первым нарушил договор. Потому что тебе... очень не хватало. Мне пришлось попросить у нее заработанное. Она отдала мне деньги без возражений, осуждая себя за недогадливость. После этого она начала давать мне деньги под каким-нибудь предлогом. Непременно в связи с ремонтом. Когда я подсчитал, денег оказалось больше, чем изначально договаривались. У нее ни мужа, ни детей, поэтому излишки я оставлял себе. Когда мы начинали работу, дом у нее был большой, но безобразный. Спустя три месяца он преобразился, что очень обрадовало. Однажды она устроила нам пир. На столе чего только не было! Спиртного – сколько угодно... Подумав, что когда бедный сыт, можно считать его богатым, мы оба поусердствовали... Мы планировали не торопиться: готовое жильё, бесплатная еда...

Когда проснулся утром... мы оказались с ней в одной постели...

– Хватит, достаточно, – закричала Гузаль. Ее снова била мелкая дрожь. – А вы верите, что эта женщина не обижает моих детей?

– Ты просила ответить на два вопроса... – сказал Тохир и продолжил свой путь.

«Я не ошибалась, когда думала, что только бедность может его сбить с пути, – подумала Гузаль, безмолвно провожая взглядом мужа. – Никто не знает его так, как я, и не узнает. Пройдя еще немного, он плюнет, и причешет волосы наверх левой рукой».

Она продолжала наблюдать за мужем. Действительно, Тохир через пару шагов плюнул и причесал волосы наверх левой рукой. Она печально улыбнулась.

Настоящие страдания начались, когда она вернулась домой. «Он до такой степени подлый и омерзительный, что удивительно, как я не дала ему пощечину. Не поверил... Он трус, тряпка! Если он отрекся от меня, я тоже должна отречься от него. Он не смог устоять перед ее богатством. Да, да, именно так, не смог устоять перед чужим богатством! Если бы я тоже была богатой... может, наши отношения сложились бы по-другому?» Последняя мысль очень сильно подействовала на нее...

* * *

Ближе к вечеру зазвонил телефон.

Пока мать поднималась с места, Гузаль оказалась у телефона. Сняла трубку, прижала к уху, вновь начиная нервно дрожать.

– А-а-а.

– Оставь в покое моего мужа, сука, ведьма! Если хочешь, чтобы твои дети жили спокойно, оставь моего мужа в покое.

– Пожалуйста, не обижайте детей. Они очень робкие...

– У тебя теперь нет права на него!

– У Дилшода ангина. Пусть не ест ничего холодного. Пожалуйста. Если поднимется температура, у него начнутся судороги.

– Только из-за мужа я согласилась кормить твоих детей-эпилептиков. Если не оставишь его в покое, я уничтожу их обоих!

– О, нет, неее... – трубка выпала из рук, Гузаль прислонилась к стене, и пока мать подбежала на помощь, она свалилась на пол.

– Гузаль, что с тобой? Гузаль... Эй, есть кто-нибудь? Помогите! – тётушка Машхура, крича, побежала в сторону двери.

Гузаль дрожала, выбиваясь из сил, зубы стучали, изо рта сочилась пена, глаза выкатились из орбит.

«Скорая помощь», приехавшая через полчаса, забрала ее в больницу. После успокоительного укола она погрузилась в сон. Однако изредка Гузаль просыпалась, стараясь вспомнить, где она и в каком состоянии находится, даже старалась поправлять свое слегка поднявшейся платье, но это не удавалось и, уткнувшись в подушку, она вновь засыпала.

Ближе к утру она наконец пришла в себя и лежала неподвижно устремив взгляд

в потолок. Гузаль чувствовала себя совершенно обессиленной. В голове проносились какие-то отрывки мыслей, но сколько она не старалась, собрать их в единое целое не могла.

– Шизофрения!

Таково было заключение доктора, обследовавшего ее.

– Шиза, – нашептывал доктор помолже.

Зрачки у нее были застывшими, но глаза вдруг засверкали, лицо побледнело, дрожащие губы дернулись. Именно тогда она поняла, где находится, и соскочила с постели.

– Я не сумасшедшая! – закричала она.

– Никто не говорил, что вы сумасшедшая, – хотел успокоить ее пожилой доктор. – Всего лишь немного устали ваши нервы.

– Почему тогда он назвал меня «шизой»? – Гузаль глянула на молодого доктора.

– Я просто пел вполголоса, – сказал тот и спешно покинул палату.

– Не обращайтесь внимания, он сам шизик, – бросила реплику женщина, которая лежала рядом.

Гузаль обернулась в ее сторону. Женщина в платке примерно сорока пяти лет доброжелательно смотрела на нее. На другой кровати сидела женщина с прилизанными волосами и читала толстую книгу.

– Камила, не хотите познакомиться с новым гостем? – спросил пожилой доктор, направляясь к двери. – Как надо встречать гостей?

– Я занята, – ответила женщина с прилизанными волосами очень серьезно. И опять погрузилась в чтение.

– Чтобы гостя не скучала, Каромат, – доктор обратился к женщине в платке, – не поднимая суматохи, поиграйте в игру «Уголок».

Пробормотав еще что-то, пожилой доктор в окружении медсестер покинул палату.

– Псих, – Каромат завертела указательным пальцем у виска. – Долго работая в психиатрической больнице, сам стал психом.

– Это – психиатрическая больница? – с тревогой спросила Гузаль.

– Да нет, это неврологическая клиника, – сказала Каромат, то садясь, то вставая. – В той стороне – мужская клиника. Она и есть психиатрическая больница. Этот доктор и там тоже работает.

– Гм...

Каромат хотела еще что-то сказать, но Гузаль отвернулась и легла.

Соседки ей не понравились. «Почему я здесь?» – размышляла она. В ее голове кружили отрывочные воспоминания: «Мама... Муж... дети... Кстати, где мои дети? Сноха...» Внезапно она услышала громкий визг и торопливо закрыла уши ладонями. Визг становился все громче и громче, превращаясь в грозный голос: «Оставь моего мужа в покое! Если хочешь, чтобы твои дети жили спокойно, оставь моего мужа в покое!»

Ее вновь начал бить озноб.

Дрожа, скорчившись, обьятая необъяснимым ужасом, она начала бредить: «Дилшод... Дилрабо... дитя мое...»

...После успокоительного укола она заснула и спала в течение нескольких часов.

После пробуждения, обессиленная, она лежала, бессмысленно уставившись в потолок.

Каромат, подойдя к ней, спросила:

– Опять началось?

– Нет. Видимо, бредила. Когда у меня температура, я начинаю бредить, – сказала Гузаль, не отрываясь от потолка.

– Ты не бредила, у тебя началась истерика. Вон она тоже такая, – Каромат указала на Камилу, все еще читающую книгу. – Читает, читает книгу, и вдруг... начинается эпилепсия.

– Кажется, я бредила, – шептала Гузаль, все еще неподвижно лежа, словно мертвец.

– Она тоже так говорит, когда приходит в себя. Она точно сумасшедшая! Дочиталась... полюбила какого-то дурака князя Мышкина. И мужу об этом рассказала. Потом муж...

– Князь Мышкин не дурак! – вдруг закричала Камила. – Он мой возлюбленный, мой любимый! Он замечательный человек!

– Все, достаточно, опять начинаешь? Хватит, перестань. Никто не хочет тебя слушать, дура.

– Кого ты назвала душой?

Глаза Камилы округлились. Лицо стало бледным. В мгновение ока она рухнула на кровать. Пена брызнула изо рта, беспорядочно задвигались руки, ноги...

Каромат закричала, подойдя к двери.

Прибежали медсестры.

Спустя время, проснувшись после укола, Камила вновь начала искать свою толстую черную книгу, которую медсестра спрятала под подушку.

– Кому нужна жена, которая без конца читает... – сказала она слегка подрагивающими губами. Глаза ее были грустными.

Это было недолгое возвращение к действительности.

Спустя полчаса она опять начала ссориться с Каромат.

– Ты называешь всех сумасшедшими, на самом деле сумасшедшая ты! – кричала Камила. Почему-то она разговаривала очень громко. – Помнишь, ты говорила, что у тебя нет мозгов, вместо них два мандарина?

Каромат на мгновение была ошарашена.

– Правда, я так говорила, – с придыханием ответила она. – Зачем мне скрывать, когда невестка разбила мне голову, вместо мозгов она вложила туда пару мандаринов. У меня нет мозгов, вместо них два мандарина.

– Вот и попалась! – Камила заплодировала от радости. – Когда нет мозгов, конечно, не сможешь читать, дура!

– Какой толк от спора с сумасшедшим? – Каромат закрыла голову одеялом.

Гузаль надоело наблюдать за соседками, и она направилась в сторону выхода. «Наверное, я бредила, – по пути думала она. – Да, точно, бредила. Они посчитали меня сумасшедшей и отправили в психиатрическую больницу. Бессовестные. Скорее всего, это дело рук снохи».

Выйдя во двор она невольно закрыла глаза. Лучи сверкающего прямо над ее головой солнца слепили глаза. Несмотря на то что острые как клинок и теплые солнечные лучи обжигали лицо и вонзались, подобно иголкам, в глаза, она широко открытыми глазами... смотрела прямо на него. «Вчера тоже было здесь. Наверное, ждет меня...» Гузаль слегка улыбнулась.

Села на одну из скамеек под деревом, оглянулась по сторонам (на всякий случай). Она держалась так, словно сочувствовала тем больным, которые проходили мимо нее, и думала, что между ними и ею – большая разница. «Ведь они действительно сумасшедшие, – думала она. – Послушайте их, вон тот сумасшедший набрасывается на дворника из-за веника, кричит, что останется сумасшедшим, если останется без дела. Сумасшедший, точно сумасшедший. Я бы никогда не сказала этого. – Потом... вдруг огорчившись, подумала: – Да, настолько скучно, что с ума сойти можно».

Прошло время.

Гузаль каждый день выходила во двор, ходила до изнеможения, всякий раз смотрела в небо и невольно улыбалась. «Солнце всегда сияет надо мной. Оно мое, ведь оно на моей стороне!»

И продолжала прогулку.

Перевод с узбекского Наргизы ИБРАГИМОВОЙ

Наргиза ИБРАГИМОВА

Родилась в Навои в 1982 г. Окончила магистратуру при ТГПУ им. Низами и аспирантуру при УзГУМЯ. Литературовед, переводчик.

проза

НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ

Рассказы

ИНЬ И ЯНЬ

Людочка Капустина была хорошенькой простой провинциалочкой. Как это часто бывает, приехала в большой город в поисках счастливой и красивой жизни. И, как это часто бывает, большой город был не предупрежден, а потому не подготовлен к приезду этой барышни. Поэтому, вдоволь нахлебавшись его «гостеприимства», Людочка была счастлива, когда устроилась горничной в дом состоятельного предпринимателя Сергея Геннадьевича Салатова.

Хозяин был еще относительно молод, весел и добродушен. Держался запросто, не зазнаваясь, и, как казалось Людочке, был всеми любим. Она и сама была влюблена в него, хотя, конечно, и старалась не показывать виду. Да и он положил на нее глаз.

У Сергея Геннадьевича была жена Светлана Николаевна Салатова – в девичестве Помидорова, настоящая змеюка. Избалованная, взбалмошная, вечно всем недовольная, постоянно придирающаяся и ворчащая.

Светка – как называла ее между собой прислуга – не любила мужа, думая только о нарядах и побрякушках, и просто тянула с него деньги.

Сергей Геннадьевич был из-за нее частенько не в духе и успокаивался, если был свободен, когда приглашал Людочку в кабинет поболтать ни о чем и похохмить обо всех.

Светка была не первой женой у хозяина. До нее была некая Ленка (в девичестве Перцева).

– Хорошая она была, добрая, – любил ее вспоминать водитель хозяина, работавший у него с давних пор. – Если бы эта змеюка не влезла, жил бы он сейчас счастливо с надежной спиной. Но, видать, судьба у него такая.

Так Людочка и жила-работала. А обстановка в доме продолжала накаляться. Светка совсем взбесилась, закатывала истерики каждый день. Сергей Геннадьевич все чаще успокаивался в обществе Людочки, а Людочка жалела его от всего сердца и любила.

Конечно, тот день не заладился с утра. Спозаранку она получила выговор от Светки за плохо почищенный ковер, хотя это и было не так, потом за не постиранное белье, хотя был вторник, а стирали по средам, и в конце концов упала и разбилась чашка из Бог знает какой керамики.

– Ну все, хватит. Мне надоели твои выкидыны, дорогуша. Ты уволена!!! – выпалила Светка.

**Виктор
НАДОЛЕНКО**

Родился в 1970 г. в Москве. Окончил ТашГТУ.

Автор рассказов и литературных миниатюр.

Публиковался в периодической печати Узбекистана и журнале «Звезда Востока».

Но...

Но Светка опоздала с увольнением Людочки. Сергей Геннадьевич так привык к ее душевному обществу, что уйти пришлось самой Светке. А Людочка, как оно и полагалось, сменила однозначную фамилию Капустина на более обобщенную Салатова.

Сергей Геннадьевич закатил шикарную свадьбу, медовый месяц провели в Монако, а по возвращению хозяин занялся своим бизнесом, а молодая жена начала переобустраивать быт на свой лад.

Катя Укропова сразу ей не понравилась. Была она ленива, нерасторопна и бесхозяйственна. Людочка сразу решила поставить все на свои места и показать, кто в доме хозяин, распекая Катю за плохо вычищенный ковер. Катя пропылесосила его еще раз.

А тут еще и Сережа, видимо, недостаточно сильно любил ее. Вон какие бриллианты дарил Светке, а ей все какую-то мелочь. Обидно было Людочке. И она в ненавязчивой форме попросила у него денег на расходы. Сережа в деньгах не отказал, но дал как-то не от души. Дальше выяснилось, что он вообще прижимист, думает только о работе и деньгах, совсем не уделяет внимания жене. Вместо веселых разговоров ни о чем и обо всех начинал рассказывать какую-то нудятину о работе, о делах, о предчувствиях.

Людочке было скучно, и стала она развлекаться поездками по магазинам и модным салонам. Прислугу держала в страхе, и время от времени ссорилась с мужем, упрекая его в непонимании.

Как-то проходя мимо кухни, она случайно услышала, как водитель говорил Катеньке:

– Хорошая она была, Светка, добрая. Если бы эта кобра не вползла в их жизнь, жил бы сейчас шеф с надежной спиной. Да видно судьба у него такая.

Людочка вскипела от негодования, побежала к мужу и потребовала немедленно уволить сплетника. Но муж сказал, что это недоразумение, ей показалось, и никого он не уволит, они вместе уже много лет. А еще посоветовал заняться каким-нибудь делом. Не помогли ни слезы, ни уговоры, ни, как казалось Людочке, решительные жесты. Обиженная, она гордо ушла к себе в спальню.

Поостыв, придя в себя, пошла к мужу попросить денег на встречу с подругой детства, приезжающей завтра. (Планировалось ошеломить ее блеском и великолепием). А подходя к кабинету мужа, она неожиданно услышала его приятный басок и хихиканье вертихвостки Катьки. Опять все забурило в душе. Но она сдержалась и гордо удалилась к себе. На утро был готов план.

Сначала она устроила разгон за плохо вытертую пыль, потом за неглаженные рубашки, дошла очередь и до злосчастного ковра в гостиной.

– Ну все, хватит! Мне надоели твои выкидыны, дорогуша. Ты уволена! – сказала Людочка.

Но...

ДОЖДЬ

Дождь, висевший еще с прошлого вечера, наконец хлынул сегодня около обеда. Не теплый, весенний, и не летний, грибной, а тяжелый, долгий, осенний дождь, закрывающий сезон «весна-лето» и открывающий показ моделей «осень-зима».

Начавшись с мелких холодных капель, он быстро набрал силу, залил улицы, кое-где забив водостоки неубранными листьями и намочив головы и ноги опрометчивым неподготовленным пешеходам.

Сергей Касьянов, не замечая всей неприятности окружающего, ликовал в машине.

Расставание с Натахой, о котором он так мечтал, случилось окончательно и бесповоротно.

Вместо легкого, ни к чему не обязывающего романчика, который мог доставить радость обоим и оставить прекрасные воспоминания, жизнь написала целую повесть со многими действиями, сценами, интригами и шантажами, которые ему совершенно были не нужны, напрягали и мешали жить.

Сцена расставания прошла бурно, со слезами и взаимными упреками.

Это был уже второй прокол подряд. Предыдущая пассия вцепилась в него мертвой хваткой, и казалось, что отделаться от нее уже не будет возможности. Пришлось поднапрячься, чтобы сбросить с себя эту обузу. Сергей тогда понял, что добра от всего этого не будет, и дал себе слово остановиться.

Но Натаха, тогда еще милая, веселая Натаха, порушила все обеты, объявившись у него на работе с заказом в руке.

Самое главное – он был женат, жену искренне любил, старался не обижать и радовался, что она ничего не знает о его проделках. И сейчас, когда он вспомнил ее красивое лицо и милую добрую улыбку, на душе потеплело.

А дождь лил и лил, то притормаживая, то набирая силу.

Проезжая мимо колледжа, Сергей увидел девушку под зонтом, пытавшуюся поймать такси.

«Если по пути – подброшу», – пожалел он ее и притормозил.

– Куда, девушка?

– До «Светланы» довезете? – спросила она.

– Садись!

Девчонка сложила зонтик и прыгнула на сиденье рядом с водителем.

«А она ничего, приятненькая», – подумал Сергей.

– Занятия кончились или просто сбежала? – спросил он.

– Занятия кончились, – улыбнулась девчонка.

– А зовут тебя как?

– Люда.

– А меня Сергей.

– Очень приятно, – сказала она.

– И на кого ты учишься, Люда?

– Да я вообще-то уже отучилась, – засмеялась девчонка.

«Смеется весело», – отметил Сергей и сказал: – Не понял, что значит «отучилась»?

– Я математику преподаю в колледже. Первый год после универа.

Сергей немного опешил и внимательно посмотрел на пассажирку. Рядом сидела хорошенькая, даже красивая девушка лет 22–24-х с выразительными глазами и доброй улыбкой и внимательно глядела Сергею в глаза.

«Да она просто классная!» – подумал Сергей.

– Извините за невнимательность. С вами надо по имени-отчеству, – то ли шутя, то ли серьезно сказал Сергей. – Как вас по отчеству-то?

– Владимировна, – ответила она улыбаясь.

– Интересно, Людмила Владимировна, вы очень строгая учительница?

– Об этом у учеников надо спрашивать, – ответила она. – Стараюсь быть справедливой.

– Получается? – спросил Сергей.

– Когда как, – ответила Люда. – А вы чем занимаетесь?

– Я компьютеры ремонтирую.

– Ой как интересно! – сказала пассажирка.

По ее тону и взгляду Сергей понял, что он ей понравился.

«Надо взять у нее телефон», – подумал Сергей. Душа заволновалась в предвкушении приключения.

– Уже приехали, здесь остановите, – сказала пассажирка и, протягивая ему деньги, внимательно, ожидающе посмотрела в глаза.

«Нужно взять у нее телефон», – еще раз подумал Сергей, остановившись у обочины и откровенно любясь соседкой.

Проезжавшая на большой скорости тойота окатила машину Сергея из огромной лужи. Вода, ударившая по дверям и стеклам, на мгновение отвлекла и отрезвила. В памяти промелькнули события сегодняшнего утра. А самое главное – вспомнилась милая, добрая жена и опять захотелось жить честно и по-человечески.

– Ничего не нужно, Люда. Я по пути вас подвез, – сказал Сергей.

– Да возьмите, – настаивала Люда, с надеждой глядя на Сергея.
– Иди, иди, – сказал Сергей. – Мне действительно по пути было.
– Ну, спасибо, – с сожалением сказала девушка и закрыла дверь.
...В этот вечер Сергей пришел домой с цветами, тортом, гордый и довольный собой.

КАЖДОМУ СВОЕ

Хуршида отец на каникулы привез в наш кишлак. Белая ласетти, окутанная клубом пыли, остановилась возле дома Учкун-аки, и из нее выпрыгнул паренек лет 11–12, в белой рубашечке, шортах, аккуратно постриженный, с пакетом в руке. Нам – местным пацанам – сразу стало понятно, что он приехал из столицы. Уж очень прилизанным был. Учкун-ака – дедушка Хуршида – радостно встретил гостей и повел в дом.

Вечером того же дня отец Хуршида уехал обратно. Он работал в каком-то банке и, по словам взрослых, был каким-то большим человеком.

А Хуршид остался. Был он совсем не такой, как мы, не приспособленный к кишлачной жизни. Мы с друзьями исподтишка наблюдали за ним из нашего двора.

Наблюдали и катались от смеха, когда он, пытаясь приобщиться к кишлачной жизни, начал кетменем пропалывать кукурузу. Видимо, не очень отличая кукурузу от сорняков, он так расстарался, что за ним на грядке осталась ровная, хорошо протыпанная земля без единого растеньица. Учкун-ака, когда увидел, за голову схватился.

Наблюдали мы, умирая от хохота и над тем, как он пас коров. Коровы зашли на поле с клевером, который Учкун-ака готовил на зиму, и наполовину съели его, наполовину вытоптали. Учкун-ака пришел, увидел – за грудь схватился. Хуршид доказывал дедушке, что коровы тоже должны вкусно питаться, тогда и молоко будет вкуснее.

Хохотали мы, когда он, набирая воду, утопил ведро в колодезе. Хохотали, когда он, разжигая тандир, спалил все дрова у Учкун-аки и т. д. и т. д.

Но у него всегда всем поступкам было научное объяснение и научный подход. Наверное, поэтому Учкун-ака уже не хватался за сердце и голову, а благостно улыбался и только хвалил внука в чайхане.

Наш кишлак стоял на трассе Ташкент – Самарканд, по которой за день проходили тысячи машин. Некоторые проезжие останавливались пообедать в нашей чайхане, кто-то останавливался купить что-нибудь на нашем придорожном базарчике.

Однажды остановился роскошный ленд крузер (в машинах-то мы разбирались, дай бог каждому), и из него вышли двое. Сразу было видно, что иностранцы. Начали что-то говорить по-своему нашим женщинам на базарчике. Размахивали руками, как глухонемые, немного горячились, но наши, конечно, ничего не поняли, кроме того, что говорят они по-английски. В школе-то мы все учились, английский от китайского легко отличаем. Англичане как не бились, наши упорно молчали и только доброжелательно улыбались, надеясь, что те что-нибудь купят и благополучно уедут, но те не уезжали.

Женщины послали нас, пацанов, за мужьями и аксакалами. Отцы наши были на работе, поэтому на встречу стали подтягиваться старики. Правда, толку от их прихода было мало. Наконец пришел и Учкун-ака с Хуршидом.

Англичане каждому новому человеку рассказывали что-то, с надеждой заглядывая ему в глаза, в том числе и Учкун-аке. И тут неожиданно Хуршид спросил:

– Дедушка, можно мне сказать?

Все с недоверием посмотрели на него, а Учкун-ака сказал:

– Ну, попробуй.

И наш Хуршид, который давно успел стать объектом шуток, выдал на английском языке целую речь. Иностранцы радостно заулыбались, поговорили с ним еще немного и поехали туда, куда им указал Хуршид. А мы стояли открыв рты.

– Это археологи, раскопки ищут. Спрашивают, по какой дороге в горы свернуть, – сказал Хуршид и, смущенно улыбнувшись, взял дедушку за руку.

НОВЫЕ ИМЕНА

КРЫША*Рассказ*

С этой девятиэтажки сбрасывалось самое большое количество самоубийц в городе. Власти знали об этом, но ничего не могли поделать: как крышу ни закрывали, лазейки всегда кто-то да находил. Жить, видимо, не всем охота, но не сносить же целый дом, полный вполне счастливых и радостных жителей?!

Вот и она сидела на крыше этой старой девятиэтажки и смотрела на свой город: с крыши открывался прекрасный вид на мерцающую разноцветными огнями телебашню, видно было домики, кажущиеся с высоты птичьего полета игрушечными. Красивая, отлично одетая (но не слишком, чтобы не подумали, будто она специально наводила красоту перед смертью), печально сидела она на крыше, собираясь с минуты на минуту встать и шагнуть вниз. Сидела и думала, что она, конечно же, «не такая как все», что «ее трудно найти – легко потерять», ну и прочее в том же духе. Рядом с ней, на бетонном бортике, были приготовлены пачка сигарет и бутылка водки – ни к тому, ни к другому она так и не притронулась. Хоть и перед смертью, а все-таки боязно – никогда ведь до этого не пила и не курила.

Воздух на крыше пах приятнее, чем внизу, самолеты было видно лучше. Она сидела возле края, не решаясь свесить ноги, сидела и думала о том, как сильно она обижена на весь мир, начиная с вредной продавщицы из магазина за углом и заканчивая, конечно же, родителями, которые, по иронии судьбы, все время обижали ее, не любили, и вообще – ну их, злые они!

Зато теперь все они ох как пожалеют, что когда-то сделали ей больно: и тот противный мальчишка со второго курса, который так жестоко с ней обошелся, и мама с папой, и друзья! Все будут плакать, когда завтра ее имя проскользнет в бегущей строке новостей. Вот она – крыша, исписанная неприличными словами и странными рисунками неудавшихся художников, вот он – город внизу и наконец-то долгожданная свобода...

Глядя с высоты на свой город, она думала о том, как это романтично – смотреть на этот прекрасный мир в последний раз...

– Твою-ю-ю ж мать, еще одна!

От неожиданности она дернулась и обернулась:

**Фарангис
АВАЗМАТОВА**

Родилась в 2001 г. в Ташкенте. Учится в Республиканском художественном колледже. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

из дверного проема, через который и попала она на крышу, смотрел растрепанный, сонный мужик в пижаме, тапках и с подносом в руках. Под мышкой он зажимал то ли полотенце, то ли плед, а на подносе у него стоял чайник, чашка, коробка сока и чем-то наполненное блюдо.

– Что, очередная «я не такая как все»? – фыркнул он, шагая ей навстречу. – Или панк какой-нибудь? Нет, ну если ты рисовать пришла, рисуй себе, только краской сильно не воняй. Я тут, понимаешь ли, чай пью, неприятно маленько.

Она смотрела на него с ужасом и искренним непониманием – какой чай, какие рисунки? Вообще-то она умирать собралась! Тьфу ты, вот идиот!

– Да что вы себе позволяете?! – неожиданно даже для самой себя воскликнула она. – Я вот-вот прыгну вниз, а вы мне такое!

Мужик будто и внимания не обратил: поставил поднос рядом, расстелил плед, сел на него (в позу лотоса, между прочим) и, взяв с блюда рогалик, начал свою ночную трапезу. Даже в лице не переменялся – сидит себе в пижаме с медвежатами, смотрит на город и жует как ни в чем не бывало.

– Угошайся, – как бы между прочим сказал мужик, – умирать собралась, а у самой в животе урчит.

Она опешила – надулась, оскорбилась. Еще бы, ей ведь казалось, что умирать нужно в романтической атмосфере, а не вот так вот!

Взглянула на мужика еще раз: лет тридцать, волосы кудрявые в разные стороны торчат, пижама несурзкая, тапки пушистые... Станный какой-то – может, какой-нибудь местный сумасшедший?

– Простите, – медленно произнесла она, стараясь говорить как можно отчетливее, – вы, наверное, не поняли. Я умирать сейчас собираюсь.

Он, недоуменно выпучив глаза, посмотрел на нее:

– Как это – не понял? Понял я все прекрасно. Да и было б что понимать, госпа-а-ди!

И отвернулся в сторону мерцающего разноцветными огоньками города. Обескураженно почесывая ухо, она соображала, что же ему сказать, и в конце концов снова повторила:

– Умирать, – и, немного подумав, добавила: – Суицид. Падать. Смерть.

Он улыбнулся – то ли ей, то ли самому себе:

– Да не дурак я, не дурак, понял, – и, передразнивая ее, произнес: – Рогалик. Кушать. Вкусно.

И протянул рогалик. Но тут уж она, униженная и оскорбленная, злая и все же романтическая, не выдержала:

– Да какие, к чертям, рогалики?! – завопила она так, что с крыши испуганно слетели две птицы, мирно до этого спавшие. – Умирать я собралась, у-ми-рать! Какие, ё-маё, рогалики?!

– Да не ори ты бога ради, – мужик тяжело вздохнул, закатив глаза. – Вот женщины-то, а, буйный народ! Ну умирать собралась, понял я. Перед смертью не надышишься, но рогалик-то можно съесть? Вот лишь бы поскандальить, а, вот лишь бы...

Она приложила к губам ладонь: чего, спрашивается, сорвалась на крик? И, не вполне понимая себя, все же взяла рогалик.

Не ела она давно – с самого утра, как ушла из дома. Денег с собой взяла мало, да и те потратила на алкоголь и сигареты, а у нее даже паспорт не спросили, чего она, признаться, втайне от самой себя ждала: спросят, отругают и не продадут.

Как бы там ни было, делать нечего – желудок пустой, а рогалики очень даже ничего.

– Вкусно, – причмокивая от наслаждения, сказала она то ли мужику, то ли самой себе.

– Сам пек, – похвастал мужик, – пригорели чуток, но уж всяко лучше вот этой дряни, – указал он глазами на нетронутые водку и сигареты. – Некрасиво, когда девушка – и вот так, – покачал головой мужик. – Одета вроде прилично, не скажешь даже, что этим балуешься.

– А я и не балуюсь, – заявила она, гордо задрав нос.

– А что тогда? Серьезно налегаешь?

Невесело улыбнувшись и дожевав рогалик, она ответила:

– Никогда не пробовала даже – ни сигарет, ни алкоголя.

Мужик удивился, вскинул руки да как вскрикнет:

– Ну ничё-си-и!

Она засмеялась, а он, налив чаю и отхлебнув из чашки, продолжил:

– Чего ж, перед смертью экстрима захотелось?

– А то, – кивнула она, – меня вот из дома выгнали, что мне остается?

Он понимающе кивнул. Где-то внизу истошно завопила сирена.

– Скорая помощь, – констатировал очевидное мужик. – Кстати, о здоровье: чего на холодном-то сидишь? Сядь вон хоть на плед. Заболеешь.

– А толку-то? – флегматично бросила ему она. – Я же вот-вот умру.

– Будешь лететь вниз и у каждого окна чихать? – сказал он и, сделав то-о-ненький, как у нее, голосок, начал изображать: – Апчхи! Ой, на девятом этаже ругаются. Апчхи! Ой, на восьмом уже мириться начали. У-у, вот это кино прям... Апчхи! Кот, не ешь цветы, тебе потом достанется от хозяйки!

– Ну, не так уж и медленно я буду падать, – с улыбкой сказала она, усаживаясь все-таки на плед, – с крыш умирают быстро. Я в книжках читала.

– Медленно, медленно, – уверил мужик, – вон худая какая. Ветер подхватит – того и гляди не упадешь, а полетишь.

Она погрустнела. Сирену уже не было слышно, зато начали сигналить друг другу две машины, которые пытались выехать из соседнего двора. Ей вдруг стало интересно, что они там делали в три часа ночи, но вместо этого, опустив глаза, произнесла:

– А мой парень сказал, что я толстая, а потом бросил меня.

Мужик посмотрел на нее взрослым снисходительным взглядом:

– Тебе лет-то сколько, девочка? – махнул он рукой. – Тринадцать? Парень, видите ли... Подумаешь!

– Вообще-то, – обиженно произнесла она, – мне три дня назад исполнилось пятнадцать!

– Н-да, – мужик почесал голову и, не дав повиснуть неловкому молчанию, добавил: – Выглядишь молодо, однако!

– А мой парень сказал, что я выгляжу на тридцать, – всхлипнула она.

– Что-то тупой он у тебя, если честно. Ну совсем тупой!

– Бывший.

– Ну бывший. Подарила б очки, что ль, видимо, с глазами у него не в порядке. Хех, парень... вот я в таком возрасте был, понимаю, парень... а это – э-э-э, пародия какая-то. Даму обижать – ну где это слыхано!

Мужик протянул ей сок: пей, мол, из коробки прям. Она открыла ее и сделала глоток – апельсиновый, ее любимый.

– Это ты из-за него умирать собралась? – как бы ненароком спросил мужик, принимаясь за очередной рогалик.

– Да если бы, – хмыкнула она, вытирая рот тыльной стороной ладони, – меня ж родители из дома выгнали.

– Ну вот прям-таки выгнали?

Она замаялась.

– Ну, не прям... поссорились мы, в общем.

– И прям родители виноваты?

– Ну, наверное. Они постоянно ругают меня, говорят, незачем я им непутевая такая, неблагодарная, глупая. Нет чтоб помочь справиться с моими недостатками – усугубляют только.

– Что уж, не любят прям?

– Прям да.

– Это плохо, конечно, – сочувственно произнес мужик, – сам-то я тоже из дома ушел. Только меня выгнали взаправду.

– Ну вот прям выгнали? – передразнила его она.

– Ну вот прям да, – и, глотнув чаю, он начал рассказ: – Бестолочью я в детстве был той еще, а родители, надо сказать, были очень строгими. Всегда думал, что они злые и что я – жертва несправедливой судьбы. Ну, собственно, как и любой подросток. Попал посему я в дурную компанию: бунтари, бродяги, все против родителей и правительства. Идиоты, в общем. Били посуду, пили водку, дурь употребляли... Учебу совсем забросил, в институты не брали, сел на шею своим. Вот и грозились выгнать. Я всегда знал, что слово они свое держат, но думал, что про выгнать – это в шутку, чтобы припугнуть. Но, как оказалось, не шутили они. Пришлось уйти. Мне было уже больше восемнадцати, жил где придется. Со временем накопил кое-как на квартиру, взялся за ум, пошел в институт. Сейчас вот работаю, человеком, можно сказать, стал, а с родителями так и не общаюсь. Привезу им продукты – они дверь не открывают, а как уеду, по словам соседки, все-таки забирают пакеты. Сестра их просила меня простить – но бесполезно. Что поделаешь – ничего, живем.

Мужик улыбнулся, кашлянул как-то неестественно.

– Все же счастье – оно есть. Главное его понять. Никому я не нужен – зато мне все нужны. И хорошо так от этого, и тепло. И вот уже меня все любят. Родители меня не прощают, зато сестра приедет – на душе тепло.

С этими словами он достал из кармана пижамы кошелек и, вытряхнув из него заранее припасенные для ночной трапезы конфеты, вытащил оттуда же две фотографии.

– Вот на этой мы с сестрой в детстве. А тут, глянь, племянница моя. Ну копия моя, скажи?! Сестра иногда даже спрашивает, не я ли ей свою дочь подкинул. Эх! Вот оно – счастье-то! Дергающее за уши, плачущее и смеющееся.

Она смотрела на фотографии и молчала: не говорить же, ей-богу, что мама просто в который раз отругала ее за невымытые полы, и лишь поэтому она ушла из дома. А может, и не поэтому? Разное было, гадкое: обзывались, дрались, ругались, мама окно открывала перед ней со словами: «Шагай, устали мы от тебя!» Много чего было, уже и не вспомнить. А может, и не такое уж оно гадкое было? Да нет, точно гадкое. А вот как это воспринимать – уже другой вопрос, на который она и не хотела знать ответа.

Погрузившийся в ностальгические воспоминания, мужик картинно вздохнул и, сделав на удивление серьезное и умное лицо, спросил:

– Учишься-то хоть где?

Она помедлила с ответом, будто вспоминая, учится ли вообще или, как студентам положено, дурака валяет.

– В музыкальном лицее, – собравшись с силами, сказала она наконец.

– О как! – принимаясь грызть яблочный леденец, кивнул мужик. – Музыкальный

лицей! Культур-мультир, значит. Я ведь тоже в свое время музицировал. Даже школу окончил специализированную, музыкальную. Носил подтяжки и серые штанишки, помнится. Ух, кошмарное было время, брр! Зато вот на гитаре бренчу.

– Да ну? – выпучила она от удивления глаза. – Не врете?

По мужику видно было, что он вообще никогда не врёт, но спросить она все равно почему-то решила.

– Ну да, – пожал плечами он, – бренчу. Правда, как от родителей съехал, денег не было долго. Жил в однушке на окраине города, о гитаре и речи быть не могло, а я ее страсть как любил. Играть хотелось. Ну и иду я, значит, из магазина однажды: в одной руке пакет с туалетной бумагой, в другой – килограмм картошки. Девки еще на лавке у магазина сидели: в юбках коротких, в чулках, с ошейниками на тоненьких шейках – в общем, все по моде, все неприлично, как и принято у молодежи. Увидели, что в пакете туалетная бумага, и давай угорать. А я и не обиделся: период у них такой – из возраста «зачем я живу и в чем смысл жизни» перешли в возраст «ржать над парнем с туалетной бумагой». Все мы взрослеем, и все рано или поздно перестаем думать о смысле жизни, в бытовуху погружаемся... ну да не о том речь. Иду я весь замученный, представляю уже, как эту бумагу на стопку журналов поставлю, и вдруг вижу бомжа. Сидит себе возле мусорки на бортике в рваной шапке, в тулупе – а на дворе лето, между прочим, – и гитару держит. А гитара-то, гитара – красавица! Новенькая, блестящая, аж поиграть захотелось! Недолго думая, я подошел да и говорю: «Отдай мне, дяденька, гитару, я тебе деньги дам», – а он мне: да иди ты, мол, на фиг, мальчик, сам играть хочу. И начал играть. Из «Битлз» играл и пел так душевно: «...лэтит би, лэтит би...» – ни в одну, знаешь, ноту не попал! Но как душевно пел! Я аж захлопал в конце и бумагу выронил. И сказал ему тогда, не выдержав, что он самый талантливый бомж, каких я когда-либо видел. Он же возразил, что не бомж он вовсе, а гений! Я подумал: «Одно другому не мешает!» – но промолчал, обидится, думаю, еще. Оказалось, что он сосед мой снизу, музыкант; таланта, говорит, нет, вот и играет где попало – то на улицах, то в метро. Одевается странно, как душа велит, вещи не стирает – все и думают, что бомж он. Потом спросил: «Что, мальчик, тоже играешь?» Я сказал, что играл раньше, пока из дома не выгнали. Он посмотрел на меня сочувственно – и протянул гитару. «Зачем, – говорю, – это ж ваша!» А он в ответ: «Да ладно, дома таких штук семь еще. Бери, ты хоть талант не пропил, а играть – это счастье даже для меня». Я взял и принялся разглядывать инструмент прямо на улице, а когда опомнился – ни соседа, ни туалетной бумаги уже не было. Ну, думаю, и ладно, не за спасибо же мне гитару отдали. Эх, а как же он все-таки пел! Вот умел он играть – и был счастливый. И никаких лишних мыслей. Ему было даже плевать, что похож на бомжа.

Она улыбнулась. А потом, посмотрев на восходящее солнце, вспомнила, зачем вообще сюда пришла. И стало ей вдруг нестерпимо грустно и непонятно, что же делать дальше.

– Ты, в общем, не кисни, – продолжал между тем мужик, – умирать – это не комильфо. Я вот тоже хотел, да не смог. И, знаешь, очень рад! Нет, конечно, когда в семь утра в битком набитой маршрутке на работу еду, потому что машину жена забрала, я очень даже хочу слохнуть. Но зато как здорово жить, когда с жары падаешь под вентилятор, ты бы знала! Или когда дома наконец отопление осенью включают – рай ведь! Много, в общем, депресняков всяких. Однако и счастья немало, знаешь ли. Все мы особенные: с татуировками, пирсингом и цветными волосами; анорексично худые или толстые в протест мировым стандартам; больные, здоровые, свободные, шизанутые – да хоть какие! Но все, поверь, одинаковые.

И проблемы у всех одинаково решаемые. А счастье – оно в мелочах. И мелочи у всех разные – гитары, бумага, рогастики... Сколько в мире может быть счастья, а?

Он встал на ноги. Поднял с земли поднос, засунул в карман кошелек и улыбаясь сказал:

– Спускайся. Жена в пять утра встает, завтраки всегда обалденные делает. Ты думаешь, чего я живу с ней, если она орет постоянно? Всё завтраки, знаешь, завтраки! Нет, ну и любовь, конечно, но без завтраков было бы не то. Поешь, а потом домой тебя отвезем, с родителями мириться будешь.

Посмотрел вокруг и сказал:

– Офигительно, оху... ой, прошу прощения, здесь же ребенок!

И ушел в сторону лестницы, улыбаясь самому себе. «Вот чудак!» – подумала она. На душе было тепло.

Она осталась сидеть на его колючем полосатом пледе. Он спустился по лестнице на чердак, остановился и тяжело вздохнул. Улыбка исчезла с его лица. Что будет дальше – он не знал, хотя это был уже двадцать третий ребенок, поднявшийся на крышу только в этом году. Новый ребенок, новые воспоминания, новые истории из прошлого – какие первыми вспомнились... Он закинул в рот еще один леденец.

Таким, как она, он не называл своего имени до завтрака. И имени у таких, как она, не спрашивал. Оставлял эту привилегию жене. И был очень рад, когда они с женой завтракали не вдвоем, а в компании человека, решившего... нет – решившегося жить.

Она сидела на его пледе и кожей ловила запах солнечного света. Сидела и смотрела на пачку сигарет и бутылку водки. Затем встала, потянулась и задумалась: а ведь всего один шаг решит ее судьбу, шаг, который либо приведет к «обалденному завтраку» и примирению с родителями, либо навсегда оборвет ее жизнь.

Ей стало страшно и удивительно легко одновременно. Она стояла на волоске от смерти. Или на волоске от жизни?..

Подумать только, все может решиться всего за пару секунд: один шаг – и тебя нет; один шаг – и ты можешь сделать еще хоть миллион шагов...

Она думала. Думала о том, что, конечно, не все плохое рассказала мужику, что все, конечно, решается, но проблем-то от этого меньше не становится. Думала, что счастье, безусловно, в мелочах: и в браслете, подаренном лучшей подругой, и в пятне от мороженого, что осталось с прошлой прогулки с друзьями... А еще она думала, что, возможно, и не нужны ей эти мелочи вовсе...

Мужик зашел в кухню, поставил на стол поднос. У плиты крутилась его любимая жена.

– Ну, как там? – спросила. Он ответил:

– Решает. Ждем.

Понимающе кивнув, жена дожарила омлет, заранее сделанный, как всегда, на троих. В ногах у женщины мяукал старый усатый кот, пытаясь хвостом согнать с ее длинного фартука надоедливую муху.

А она стояла на крыше и думала: «Шаг в воздух или шаг к лестнице? Вперед или назад?»

На плед, что лежал у ее ног, уселся голубь.

Шаг. Всего один...

И внезапно поняла – какой.

Шаг...

философия искусства

**«УХОДЯЩИЙ» РЕАЛИЗМ
ДИЛОРОМ МАМЕДОВОЙ**

Эссе

Этюд первый

*Я изображаю мир не таким, каким я его вижу,
а таким, каким я его мыслю.*

П. Пикассо.

Природа – величайший и непревзойдённый художник. Она окружает нас совершенной красотой, к которой мы можем только стремиться. Мы любим ее и не перестаём удивляться богатству фантазии, сотворившей этот мир прекрасным. Но для большинства людей это зыбкая, непостоянная красота абстракта. И лишь немногим дано в этих, словно случайных, узорах прозреть животворящую душу природы, выразить её ускользающую суть, сохранив при этом память о первоначальном импульсе, разбудившем фантазию. В сотый раз задаёшься вопросом, на который, пожалуй, никогда не получить ответа: художник – Творец или художник – суть прозревающий? Художник создаёт новое или силой своего дарования помогает узреть то, на что до сих пор взирали не видя?

Думается, что привычный штамп «объективное отражение действительности» для работ художницы можно использовать лишь с оговорками. Смотря как и кто толкует понятие «объективное». Тем более в отношении такого неоднозначного художника, как Мамедова.

Выскажу кощунственную для наших искусствоведов мысль: каким бы честным ни был реализм, он никогда не сможет объективно отразить действительность, потому что любая действительность, даже отражённая в субъективном художественном, а не в гипотетическом объективном всеобщем сознании, есть именно сама себе равная действительность, а никак не искусство или литература. Литература, как и искусство, конечно, есть жизнь, но жизнь не есть литература или искусство.

Это вовсе не влечёт за собой критику понятия «реализм». Что такое реализм, при всей широте этого термина более или менее ясно. Но метод реализма не менее идеалистичен, нежели любой другой. Мир, который окружает художницу Мамедову, может быть похож на действительный, но это столько же говорит в пользу того, что он есть отражение последнего, как и то обстоятельство, что если один человек похож на другого, то он есть его отражение.

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Поэтому, когда я внимательно анализирую картины Дилором, то думаю, что каким бы ни был её изобразительный метод, основания его должны быть идеальными: художник должен верить, скорее, своей интуиции, голосу разума и подсознательно-го, нежели диктату реальности, и проверять результат именно ошущением, целостной атмосферой. Пусть это чувство субъективно, всё равно субъективный разум ближе к единому и объективному, нежели плоть мира. Вполне возможно, что такая линия уведёт от реализма (здесь он не делится на «социалистический» и «хороший», «национальный» и «настоящий»). Это будет более плодотворно, нежели натурализм, над которым уже и сама художница может оказаться не властной.

Героем работ Мамедовой становится окружающий мир, в котором живёт, творит самый обычный человек. И деятельность его не только не масштабна, а реально приземлена, обыденна. Так, может быть, именно в этом и прелесть бытия?!

...Свобода воли художника – выбор между Богом и реальным миром. Отказаться от злобы, зависти, суеты, найти в себе духовную силу, которая только и даёт право творить для людей и властвовать над их душами. И если он сумеет это сделать, его природный талант и благоприобретённые умения позволят ему, помимо его непосредственного волевого усилия, создать нечто, противостоящее «кризису» и «упадку». Человек не в состоянии, очевидно, решить вопрос, имманентны ли творческая воля, вдохновение, являются ли они лишь проявлением иррациональной сущности сознания или сознание является проводником высшего разума? Но в любом случае это не должно особенно беспокоить творца, ибо в его силах сделать главный выбор.

Мамедова Дилором делает выбор в пользу как будто условного мифа с его красочностью и реалистичностью, жизненностью и чудесностью, который по своей природе противостоит комментаторству. Он вызывает единство и органичность, внутреннюю самодвижущую силу, став трогательной песней о крае, где радость бытия достигает вселенского масштаба.

Может быть, только в некоторых пейзажных работах, таких как «Тропинка в горах», «Золотая осень», «Горная речка», мы можем почувствовать влияние первых главных педагогов Мамедовой – Эдуарда Тушакова, художника Бахтиёра Бабаева, который говорил: *«Случается, художник одарён, а его произведение не трогает за душу, не волнует зрителя. Почему такое случается? По-моему, одна из причин – в усталости чувств у таких художников. В утрате волнующего, любовного отношения к жизни, способности наблюдать за нею»*. Думаю, что о впечатляющем полотне «Осень в горах», где узнаваемы заросшие садовыми лесами террасы Пскема, не скажешь, что эта работа была сделана без души. А полотно «Горный ручей»? Игриво бегущий поток через безымянное селенье где-то в горной Кашкадарье как будто поведал недосказанный рассказ о чьей-то жизни...

Несомненно, учителя – мастера такого высокого ранга, что их чаще всего и не указывают, они опосредованно пребывают сами собой в жизни любого художника – старые мастера художественной среднеазиатской школы. Время будто скрыло под своим пологом прозрачную трепетную живопись П. Бенькова, солнечную динамичную желтизну Карахана, которая потом, уже неосознанно, как говорят, «на автомате», проявляется в полотнах «Старый орешник», где женщина у казана с маленькой девочкой пристально смотрят на зрителя; «Моё детство», ограниченное сенью старого тутовника и самодельными качелями в простом узбекском дворе; «Кишлак Сарчашма», «Летний день», «Пруд. Вечер». Во многих динамичных и прекрасных пейзажных зарисовках Мамедовой игра солнечных бликов, соотношение цветовых ассоциативных пятен недвусмысленно указывают на влияние (удачно усвоенное и воплощенное) старых мэтров живописи...

Наш менталитет формировался в условиях оседлой жизни, привычной среды обитания, когда человек срастался с семьёй, с кишлаком или городом, с природой, с обычаями, и всё это скреплялось единой верой, дающей каждому в любых обстоятельствах

надежду и воспитывающей в каждом любовь к ближнему. Но глубинные пласты сознания еще держат генетические основы кочевого образа жизни. Устойчивая шкала нравственных ценностей, выработанная на евразийских просторах, позволяла от века к веку совершенствовать межчеловеческие отношения независимо ни от социальных, ни от возрастных, ни от религиозных и ни от каких-либо других различий.

Может ли согдийка родиться на одной из улочек Ташкента? Несомненно. Тем более, если её потерянные во времени предки были мастеровыми, ремесленниками или исполнительными чиновниками. В XV веке, а затем и в XVII–XVIII вв. бухарские правители отправляли караваны «переселенцев», чтобы закрепить за собой ташкентский регион, постоянно подвергавшийся нападениям со стороны казахских или кокандских бекств. Но ещё раньше зеленоглазые согдийцы с горных районов Заравшана неоднократно «скатывались» в Самарканд и Бухару, обживая плодородные участки в разливах реки. Что они с собой приносили, кроме антропологических показателей? Прежде всего – гены, генетическую память! Кстати, прибывшие в Ташкент переселенцы предпочитали обустраиваться в тех частях растущего города, которые были ближе к их бывшей прародине. Родом их занятий были потомственные ремесленные производства, которые сохранялись в течение многих и многих столетий. Это было время с иными жизненными парадигмами. Мог изменяться мир вокруг, но исконные промыслы непостижимым образом сохранялись как исконные семейные (родовые) традиции.

Деды и прадеды Дилором Рахматджановны хранили искусство «атласчи» – изготовителей лучшей шёлковой материи – как зеницу ока, как основу родового выживания и гордости. Улица, которая вела на Самарканд, хранила константу нетленного во времени особого духа творчества. Правда в том, что пределы человеческой приспособляемости безграничны, и слишком резкое изменение *среды обитания*, которое началось с коммунистических реформ, поработило этот святой дух. Увы, но то же происходит и сейчас. Когда исчезают отцовские дома и речки твоего детства, улочки твоих самых лучших друзей, когда под видом прогрессивной интеграции проводится в планетарном масштабе тотальная унификация, когда на планете меняется даже климат, когда новое созидание оборачивается разрушением, когда все срываются со своих мест и куда-то бегут, едут, летят, тогда начинает рушиться духовная жизнь человека и социума. А показателем катастрофического упадка (*decadence*) является количество разношёрстных банков, превышающих число картинных галерей, художественных салонов или библиотек.

У меня не вызывает удивления эта всепоглощающая страсть Дилором к горным селениям, к удивительным людям, которые обитают и создают свою жизнь в этой, пока ещё существующей духовной константе. Это неистребимый зов духа далёких предков. Это он, спрятавшийся в генетических дебрях души, зажигает энергией разум художницы, для которой сияние света – мантры мудрого Заратуштры.

В своих многочисленных поездках по труднодоступным горным селениям Мамедова ищет в ликах этих гордых и славных хранителей жизненного уклада то забытое, что неотступно внедряется в беспокойные сновидения. Вдруг за вон тем поворотом дороги, в том забытом Богом кишлаке она увидит лик Судьбы?

...Наивно? Может быть, а ведь, по сути, – как глубоко верно! Невольно думается: духовные основы надо черпать в самой обыденной жизни. Одно дело, когда Мамедова где-то робко и тайно знает, что её творчество глубже указаний «доброжелательных граждан». И другое дело, когда она сознательно, на опыте убедилась, что нет в этом многоликом мире ничего, кроме первоисточников Духа, Природы, что дело художника – следовать этим Первоисточникам, а остальное – «суета сует и всяческая суета» (Екклесиаст), и горе тому, кто поддаётся ей внутренне: ему не на что сетовать, не помогут ему ни рассудочная воля, ни «мировоззрение», ни утешительные толки об «упадке», в котором будто бы находятся все тут, а не только ты сам.

Только, упаси бог, не стоит принимать эти строки как проявление вспыльчивости, пафоса и морализаторства, которыми были переполнены ветхозаветные пророки. Дело ведь не в том, что сегодняшние «инженеры» культурологии кроют человека по большевистским меркам, каким они были обучены в советских вузах, а великая живопись – по образу и подобию. Образ-то и подобие всякий понимает по-своему. Отношение художника к своему дару как вверенной ему возможности, за положительную реализацию которой он отвечает перед живущим в его душе высшим началом, как это было у Рахима Ахмедова, Рузы Чарыева, Евгения Мельникова, Мадхиддина Умарова, Константина Богодухова, Кутлуга Башарова. Я уже не говорю о целой плеяде довоенных художников Средней Азии – создателей азиатского «Серебряного века».

Ещё раз внимательно присмотритесь к картинам Мамедовой «Вечер в кишлаке», «Горячие лепёшки», «К обеду» или к изумительному полотну «Кухня», и вас поработит та тонкая и изысканно трепетная волна сопричастности к чистому, открытому миру жизненной доброты. Вы обязательно поймёте, что всё творчество этой женщины, похожей на героинь древних согдийских фресок, охвачено только одной прекрасной мыслью – сохранить в нашей памяти это, уже уходящее, а по сути, утраченное безвозвратно Время, но при этом отдать должное этой народной *бытийности*. И вот здесь-то надо зрителю раз и навсегда уяснить себе простую истину: смотреть и видеть – не одно и то же...

Отношение же к таланту как к собственности, которой можно распоряжаться по усмотрению – хвастаясь, эксплуатируя или попирая – вот начало всяческой разрухи в искусстве.

Глобальная, всепожирающая унификация ворвалась в жизнь центрально-азиатских народов. Всюду с целью, казалось бы, благородной строится типовое жильё, но... Вот в этом-то *НО*, как говорят французы, и заключена вся основная суть. *НО* это типовое строительство убивает напрочь этнические, индивидуальные представления о жильё. *НО* эти нововведения, уничтожают национальный традиционный уклад. *НО* это стремление к благоустройству, стирает разницу между городом и деревней, за что так яростно ратовали коммунистические пропагандисты. *НО* эта типовая унификация губит представление самоидентификации человека как уникальной личности. *НО* эта уравнилельная жилая резервация калечит культурную доминанту нации. *НО* эта обезличенная застройка лишает людей духовной (читай – религиозной) составляющей. Самое же главное – эта типовщина умышленно истребляет самобытность нации.

Однако в творчестве Мамедовой идеологический акцент был и остаётся только один – *реализм жизни*. Реализм без всяких поправок на время. Она торопится, спешит (даже подчас на грани психологического срыва), пытается запечатлеть мир, в котором формировалась нация, в котором складывались национальные духовные и культурные доминанты. Только внутренняя энергия Дилором и её неконтролируемые искренние эмоции, которые «выплёскиваются» красками на холсте. С такой экспрессией может творить только талант...

Этюд второй

Я пишу не с натуры, а при помощи натуры.
П. Пикассо.

...Как-то, более четверти века тому назад, мне пришлось работать в Южном Согде. С нами также тогда проводила исследования и выдающийся историк архитектуры народов Средней Азии – Лия Юльевна Маньковская. В горах ночь наступает неожиданно быстро. Стоит только солнцу, поиграв разноцветьем лучей, скрыться за возвышающимися хребтами, как непроглядная вековая тьма своим непроницаемым покрывалом окутывает домишки, сложенные из осколков этих самых гор. Старинный кишлак Катта-Лянгар в сгустившейся темноте быстро погружается в сон. Только за дувалами старики –

хранители «канона пятницы» – неслышными тенями спешат на ночную молитву. Наступило то самое время, когда после всех дневных хлопот можно спокойно послушать, как где-то вдалеке, в верховьях кишлака, заливается лаем псина, отгоняющая злого демона Хешима. Потом к ней нерешительно, затем всё более активно присоединяется ещё добрая дюжина лающих стражников. Вероятно, к нечистой силе присоединилась ещё парочка злых оборотней – Срувара и Гандарва, – не дающих покоя добрым людям. Наконец всё постепенно стихает, и только отдельное тьявканье предостерегает удравших демонов от их попыток проникнуть в мирно спящие дома.

Наши собаки не лают. Они спокойно лежат возле стола, положив свои «володавные» головы на лапы, и только глазами следят за мотыльками, клубящимися вокруг горящей лампы. Здесь, на айване (открытая веранда), можно чувствовать себя безопасно и спокойно в любое время ночи. Через дорогу от нас расположено кладбище с мазаром (гробницей) святого Лянгар-ата – выдающегося суфия Мухаммеда Садыка. В этой гробнице покоятся его отец – потомственный шейх Абу-л Хасан, его сын и неизвестный придворный из тимуридского дома, занесённый сюда, видимо, какими-то придворными интригами гораздо позднее. Их святая аура оберегает от происков шайтанов и вдохновляет на «заумные» беседы.

Кишлак Катта-Лянгар – одно из самых поэтических мест в Узбекистане. Здесь как-то очень счастливо сочетаются творения природы и человека: горный ландшафт, живописные дома лянгарцев, как бы врастающие в уступы красноватых склонов, старинные памятники, венчающие вершины соседних холмов, – мечеть у подножия селения и мавзолеев среди древнего кладбища, заросшего травами и фисташковыми деревьями.

Сказочно красивое место овеяно преданиями. Слово «лянгар» обозначает то хауз (небольшой искусственный водоём), то чашку, в которой раздавали пищу беднякам у мазаров святых, то саму эту пищу, то место упокоения святого или, в переносном смысле, как использовали его персидские поэты, «якорь», брошенный путником в жизни.

Конечно, первым тогда начал говорить я о философии национальной архитектуры. Маньковская неожиданно для меня самого (ведь в моём представлении она была лишь «фиксатором», «сборщиком параметров» и «классификатором» старинной архитектуры) с энтузиазмом включилась в нашу беседу. Помню, я говорил о том, что искусство отличается от науки, философии, религии не предметами, которые оно являет, а языком, на котором оно рассказывает. Это точно так же, как и в литературе. Первым европейским прозаиком был Геродот. Платон вошёл в историю литературы, а Хрисипп не вошёл, хотя Платон был менее значительным философом (а это объективно именно так), чем Хрисипп, однако Платон излагал свою философию приятнее для читательского вкуса, нежели Хрисипп. В Европе ещё сто лет назад история и философия – когда они излагались не только для историков и не только для философов – ошущались как часть художественной литературы. Есть искусство элитарное и массовое, официальное и диссидентское.

– Да, но есть искусство, – говорила Лия Юльевна, – объединяющее общество. Таким в древних Афинах была трагедия, в средние века – икона, а в предвоенной Европе – кино. На икону смотрели и мужик, и книжник; книжник видел в ней впятеро больше, чем мужик, но не отвергал ничего из того, что видел мужик. Так и архитектура оказывалась великой тогда, когда в ней совпадали вкусы масс и вкусы культурной аристократии.

– Архитектура всегда была «онаученным» изысканным искусством, – продолжил я свои рассуждения. – Вот, посмотрите на ансамбли Бухары, они ведь как тяжёлые, всё подавляющие громадные танки, сгрудившиеся на пятачках городского пространства. Минарет Калян несуразен своей массивностью; в нём нет изысканного изящества, свойственного азиатским минаретам, поэтому он подавляет архитектуру округи, которая и без того лишена пространственной мысли. Именно в этом заключается психология, а стало быть и образ мышления создателей.

– Нет, нет, – возразила Лия Юльевна. – Избранные архитектурные параметры

в Бухарских памятниках были продиктованы реализмом жизни (Вот тогда-то и прозвучало впервые – «реализм жизни»!). Города, объединяя людей, в то же время подавляют их. Всмотритесь, как гармоничны с пространством мечети или мавзолеи в горах! Они как жемчужины в оправе истории. Их одиночество среди скал гордое, мудрое.

– Выходит так, что реализм жизни хранит архитектура гробниц?

– Именно так – ответила Маньковская, – и чем древнее захоронение, тем больше в нём именно реализма от некогда бывшей жизни.

– Таким образом, – рассуждал я дальше, – чтобы органично вписаться в среду, созданное здание должно быть пронизано духом своего времени. А Время бесконечно, оно бессмертно.

– Но только до тех пор, пока существует Жизнь, – Маньковская на мгновение задумалась и продолжила: – А жизнь людей, чтобы обрести гармонию, создаёт традиции, искусство. Поэтому и дома этих людей ближе к реальной жизни, чем наши городские многоквартирные.

«Уходящая в историю реальность жизни», – подумал я. Но что же тогда остаётся нам? Нам остаётся Память об этой жизни. Она гораздо реальнее, чем та – предстоящая, будущая, иллюзорная, наполненная тяжёлыми надеждами, обряженная красочными лозунгами. Да, приходят новые поколения, для которых опыт предшественников (будь то революция или война, голод или ГУЛАГи) оказывается умозрением, а не опытом. А ведь именно в таких вот кишлаках и сохранялся гуманизм с его неистребимыми традициями доброты, всепрощения, мудрости людей, прошедших через все испытания жизни...

...Ничего, когда-нибудь пройдёт сильный дождь и смоем всё наносное, никчемное, лишнее. И предстанет перед нами омытая красота, такая же прозрачная и желанная, как на картине Мамедовой «После дождя»: ослик, недоуменно и, кажется, испуганно смотрит на лужу посреди улочки кишлака. Затрещит, заиграет огонь такой же, как в диптихе «Горящий тандыр»; закипит вода для чая, и потянет аппетитным запахом лепёшек. Старушка будет брести потерянно и отстраненно, погруженная в свои воспоминания, как это изображено в картине «Дорога». И воспрянет вдруг выдающейся «экзотической», а по существу – совершенно реальной живописью полотно «Кухня».

Одной из самых мощных работ Мамедовой последнего времени может, пожалуй, считаться картина «Сено». Вот уж где поистине передан дух пространственно-временных связей. Именно в этой работе явственно проступает глубинная философия традиционного образа жизни в крестьянской ауре. Эта, присущая творческой манере Дилором, ясная простота, а за ней – резкая, как вспышка молнии, мысль пленяет тех, кто явственно сердцем и разумом осязает этот уходящий реализм жизни. Мир как «среда обитания» большинства народов Узбекистана – это наполненная трудными заботами сельская провинция, отчасти забытая теми, кто «потребляет» результаты этих взращенных деяний. Эту работу можно было бы назвать высокодуховным прорывом национальной идеи. Её значение для современного общества не меньше, чем в своё время значение работы Алексея Саврасова «Грачи прилетели». Такой высокий уровень бытописания сегодня трудно встретить в артелях даже самых маститых художников нашей Республики. Её картину «Сено» можно было бы сравнить с тихой задушевной песней о крае, о людях и их заботах. В ней видится такое искреннее откровение, которое под стать только вдумчивому философу. Эта картина и полотно «Кишлак Лянгар» могут украсить экспозиции достойнейших музеев живописи.

Есть еще одна тема, которую затрагивает Дилором – это зимний пейзаж. Очень трудная (я бы даже сказал – энергетически затратная) для исполнения любым художником, и, конечно, редко кому удаётся так реалистично передать студёность пейзажа, как это удалось Мамедовой в триптихе «Зима». Вместе с картиной «Зимний кишлак» эти работы, безусловно, творческая удача Мамедовой. В них художница не только реалистично передала зиму, но скрыла за морозной белизной и мысли об одиночестве и какой-то отчуждённости, потерянности или даже забытости. И когда

смотришь на эти зимние пейзажи, восхищаешься красотой переливов оттенков белого, подспудно не отпускает тебя какая-то невысказанная тоска. Вероятно, это тоска по уходящему из нашей жизни реализму?

Скажу откровенно, довольно часто слышу от снобов художественных салонов восклицания по поводу картинки с изображением заплёванного подъезда многоэтажки: «Ах, какая правда жизни на этом полотне!» «Правда жизни» не в том, чтобы изобразить ребёнка-попрошайку на перекрёстке площади Хадра или старика в рванье, калошах и с лепёшкой под мышкой. Это издержки жизни. Правда в том (и это прекрасно поняла Дилором Мамедова), чтобы с искренностью равнодушного человека показать тот уходящий в историю мир, в котором мы с вами все выросли; сохранить его общечеловеческую ценность, способную завтра дать нам новые силы для преодоления своей же косности, жестокости, равнодушия.

Добрым повествовательным рассказом, смотрятся работы художницы «Дети», «Долгая дорога» и, конечно, «Ожидание», в которой открытые окна домика, как души тех, кто изображён в их проёмах, произносят одно и то же заветное: «Приходи». Буднично? Нет, скорее аутогенично самым высоким помыслам. Так же, как и в ожидании интимного откровения, смотрится старая улочка Ташкента где-то в районе Хаст Имама на полотне под названием «Узкие улицы». Они узнаваемы нами. Они национальны по духу.

На этом фоне (право, это довольно странно!) всё явственнее звучат голоса тех, кто в который раз уже ратует за обретение национального контекста в современном искусстве. Национальное чаще всего понимается на уровне этнографии, древних культур, фольклора, примитива и живописи как воплощённой традиции *par excellence*. Рукотворность живописи, как, впрочем, и графики, и скульптуры, выделяющая эти виды искусства среди «машинной» стерильности художественного хайтека, их пластические и образные возможности порождают ностальгическое желание обрести утраченные ценности и способствуют периодическому «возрождению» рукотворных искусств, позволяют им вновь и вновь становиться востребованными и современными.

Не могу, конечно, не вспомнить одну из последних работ Дилором Мамедовой – впечатляющее полотно «Анор» («Гранат»). Поначалу эту работу можно было бы принять за явный изголок декоративности, если бы не внутренняя энергия, которая так и брызжет цветовым заревом. В этой работе как в гимне материнству и силе природной красоты есть всё: философские мысли, ностальгическая музыка, осознание бытия. Работа настолько реалистична, что уже не укладывается в понятия каких-либо «измов». Конечно, в ней много от сюрреализма, но сюрреализм – это пафос трагического существования. Вот как соединить края разрыва между душой и телом? Сюрреализм в какой-то степени был сыном футуризма, потому что базовая концепция его покоилась и на элементах кубизма, абстракционизма, сублиматизма. Но в «Аноре» нет скоропалительных меморандумов, нет обращений и кодексов. Но есть какой-то скрытый призыв. Какой? Мне думается: *«Гоните из творчества догматизм так, как это делает Дилором. В работах художника, как принято говорить у искусствоведов, существует правда и художественность. О какой художественности идёт речь? Не понимаю. Если правда произведения реально существует, то показ её и есть художественность. Всё остальное – беготня с ведром после пожара».*

Боюсь, что, воображая, будто великим художником завтрашнего дня станет тот, кто привлечёт к себе интерес не только знатоков, но и широкого зрителя, я лишь повторяю почти столетней давности прогноз формалистов: после модернистской орнаменталистики наступит возрождение традиционной сюжетной живописи. Кстати, прогноз этот оправдывается и не только примерами из «советской живописи», но и массой прекрасных работ уже тех художников, которые стали уходить от пейзажа без человека, ради и во имя которого художник показывает красоту мира, но мира – вместе с человеком как существенного элемента гармонии и от этого, конечно, правдивого реализма жизни.

караван истории

**Валентина
ТИТОВА**

Родилась в 1946 г. в Ташкенте. Окончила ТашГИК (ныне ТГИИиК). Публиковалась в республиканских альманахах и сборниках поэзии и прозы, в периодической печати. Имеет два авторских сборника стихотворений.

ПОД ЗВОН КУРАНТОВ

*Курантов звон отсчитывает время,
А с ним меняемся и мы, и город...
Что ожидает будущее племя?
Ташкент будь вечно и красив, и молод!*

Мой рассказ об Александре Абрамовиче Айзенштейне, участнике войны, благодаря которому в Ташкенте появились и отсчитывают время знаменитые куранты. В трудные годы этот человек сумел найти возможность сберечь, доставить и установить городские часы.

История часов уводит нас в январь 1945 года, в период тяжелейшего штурма и взятия войсками Третьего Белорусского фронта фашистской цитадели Восточной Пруссии г. Кенигсберга (ныне г. Калининград). Ворвавшись в расположенный неподалеку от него небольшой городок Алепштейн, армейские подразделения отвоевывали у фашистов буквально каждый метр. Бой продолжался до позднего вечера. Несмотря на артобстрел и танковые атаки солдаты старались не повредить старинные часы на ратуше в центре городка, отводя в сторону мощные боевые удары, и даже не представляли себе, что вскоре эти часы им преподнесут простые горожане как дар признательности за освобождение от нацизма.

Наверное, неслучайно среди солдат, собравшихся на площади городка во время передачи часов, оказался старшина автобата А. А. Айзенштейн, признанный в полку мастер часовых дел. И когда после церемонии все разошлись, он поднялся на башню ратуши и долго рассматривал механизм часов, который был поврежден.

Определив опытным глазом, что можно восстановить, Айзенштейн спустя некоторое время с помощью друзей-однополчан разобрал механизм и аккуратно упаковал в ящик. И вскоре после победы с разрешения командования вместе с боевым полком начали свое «целевое» путешествие будущие Ташкентские куранты.

Наступил октябрь 1945 года, и демобилизованный старшина А. А. Айзенштейн наконец отправил в родной Ташкент два ящика с бесценным багажом – в них находились часы. Они добирались до нашего города около четырех месяцев, и первым их пристанищем стала небольшая часовая мастерская военторга по улице Узбекистанской, где начал работать А. А. Айзенштейн. Солидный и мудреный механизм часов заставил мастера и его коллег по работе

Александра Хицана, Валижона Салихова, Геннадия Стрельцова и Леонида Маликова немало потрудиться. И вот часы собраны, идут исправно, смонтирован механизм боя. 28 марта 1946 года Ташгорисполком принял решение установить куранты в центре столицы Узбекистана как дар Ташкенту от группы Айзенштейна.

Наверняка старожилы столицы помнят тот первый послевоенный год, когда буквально весь город принимал участие в строительстве курантов, которые стали отсчитывать время с 9 мая 1947 года. Знаменательная дата! С того самого дня А. А. Айзенштейн стал бессменным часовым мастером курантов. Многие часовые мастера Ташкента, рабочие Ташкентского завода электронной техники реконструировали куранты с ориентацией на четыре стороны (в начале был только один циферблат). Для этого изготовили дополнительно три циферблата, три комплекта механизмов. Изменился бой часов: по ритму и мелодии «четверть» отличалась от «часа».

Главные часы Ташкента находятся в 26-метровой башне. Больше половины жизни отдал служению этим часам А. А. Айзенштейн, который изо дня в день начинал свой рабочий день на высоте, где установлен часовой механизм курантов, взбираясь туда по крутой лестнице.

И только после смазки каждой детали часов, проверки, все ли в порядке, шел к себе в мастерскую на Дархан-арык. В небольшой комнате равномерно раскачивался внизу двухметровый маятник. Еще ниже на стальных цепях, уходящих в шахту башни, висели тяжелые гири. А над всем этим возвышался сложный часовой механизм с многочисленными шестернями, приводами, втулками. На высоте трех метров от него тянулись регуляторы хода часов и приводы боя колоколов. В башне в специально изолированной комнате (наверху) на надежных опорах были закреплены колокола. Перед ними установлены микрофон и усилитель, а провода тянулись к четырем динамикам на самом верху башни.

С годами Ташкент менялся, преображался, а вот часы оставались прежними, радуя жителей и гостей города и видом, и мелодичным перезвоном. Как вспоминал А. А. Айзенштейн, только один раз остановились городские часы: ранним утром 1966 года в 5 часов 24 минуты, когда на Ташкент обрушилось землетрясение. Станина не выдержала тяжести колоколов и провалилась, колокола были перекошены, но весь механизм почти не пострадал. После «колдовства» мастера над часами (около пяти часов) механизм курантов в 10 часов утра 27 апреля уже заработал, и куранты ожили. Только с боем дело обстояло сложнее: он был восстановлен лишь после капитального ремонта.

Гордо и неизбежно стояли куранты в центре Ташкента, и их мелодичный перезвон напоминал, что жизнь родного города продолжается, и все идет своим чередом.

В 2009 году напротив здания с курантами было построено аналогичное здание, которое в основном копировало старое, отражаясь по отношению к нему зеркально. Особенностью нового здания стала лестница, ведущая к башне. Строительство новых курантов приурочили к 2200-летию с основания города Ташкента.

В 2009 году помимо того, что у курантов появился близнец, этот архитектурный исторический памятник был полностью реконструирован. Ташкентские куранты не слишком высокие, выглядят просто и лаконично.

Решение возвести неподалеку идентичные старинным курантам новые городские часы свидетельствует о том, насколько дорог этот исторический памятник жителям Ташкента.

Для человека, увидевшего эту пару курантов впервые, не сразу будет понятно, какие из них совершенно новые, а каким уже 70 лет. Новые куранты не испортили прежнего облика городского центра, а напротив явились очень гармоничным его дополнением.

литературоведение. литературная критика

**Бахтиёр
НАЗАРОВ**

Доктор филологических наук. Родился в 1945 г. Специалист по современной узбекской литературе. Автор более 400 литературоведческих статей, монографий «Ўзбек адабий танқидчилиги», «Ҳаётийлик – бе-завол меъзон», ряда учебников по литературе.

ИСТОРИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В истории известно немало великих людей, о которых сообщается множество интересных сведений, но только художественная литература способна как бы оживить их, включить в новую эпоху, восстановить прижизненный облик и даже сделать их современниками новых поколений, спутниками, верными помощниками, образцами для подражания.

Как известно, Народный писатель Узбекистана, лауреат Государственной премии Мухаммад Али, в течение полувека работающий на литературном поприще и как поэт, и как публицист, и как переводчик к концу 80-х годов обратился к жанру исторического романа. Мухаммад Али написал историческую дилогию «Сарбадоры», раскрыв сложную историческую тему, до этого никем не рассматриваемую.

Он поднял одну из важнейших исторических проблем, сделал попытку изобразить эпоху и события, связанные с образом Амира Темура, постепенно по мере возможности ввести его в литературу (учитывая время создания, когда подобные попытки не поощрялись), это было своеобразной подготовкой к новой большой работе, планируемой в ближайшем будущем.

Началась работа над первыми томами романа-эпопеи «Амир Темура Великий».

Предаваясь размышлениям о причинах создания этого произведения, я пришел к выводу, что подобно тающему снегу в горах и дождевым потокам, впитывающимся в матушку-землю и впоследствии пробивающимся родникам, достойное гениального Амира Темура произведение «Амир Темура Великий» спустя время, претерпев немало трудностей, неизбежно должно было увидеть и увидело свет.

Мухаммад Али, не имея большого опыта в прозе, сумел создать замечательные произведения: «Сарбадоры» и «Амир Темура Великий». Существует одно предание. Когда один великий литератор написал свое самое знаменитое произведение за один день, его спросили: «Неужели это правда?» «Правда, оно писалось в течение всей жизни и еще одного

дня», – ответил он. Пожалуй, это в полной мере можно отнести и к Мухаммаду Али, его обращению к прозе. Любовь и уважение к великому прошлому, нашей истории, нашим ценностям, перевод на узбекский язык величайшего образца мировой литературы «Рамаяна», изучение статей о секретах творчества, путях достижения исключительного результата в творчестве, накопленный опыт открыли новые грани художественного мышления Мухаммада Али, чему в немалой степени способствовали социально-политические преобразования.

Созданный в условиях независимости, роман-эпопея «Амир Темур Великий», безусловно, служит дальнейшему укреплению фундамента нашего «сегодня» и «завтра». Не случайно эпопея удостоилась государственной награды Узбекистана.

Узбекский читатель знаком с четырьмя книгами романа-эпопеи «Амир Темур Великий». На русский язык переведены первый и второй том. Перевод явился результатом совместной работы автора произведения и Саодат Камиловой (роман на русском языке печатался под названием «Амир Темур Великий» в журнале «Звезда Востока» в 2013–2014 и 2016-м годах). Впоследствии обе книги вышли отдельным изданием.

Мухаммаду Али потребовалось пятнадцать лет, чтобы написать состоящий из четырех книг роман-эпопею «Амир Темур Великий», пятнадцать лет целенаправленного, неустанного труда, непрерывного поиска. Автор обращается к огромному числу исторических лиц и событий, малых и больших, личных и государственных проблем, восполняя и восстанавливая историческую правду. Создание такого величественного произведения, как «Амир Темур Великий», является не только успехом автора, но событием в национальной литературе.

Центральными фигурами четырех книг эпопеи «Амир Темур Великий» являются Амир Темур и его сыновья: Жажонгир, Умаршайх, Мироншош, Шохрух, но, кроме них, здесь более двадцати ведущих героев, более ста персонажей и более трехсот эпизодических. Они живут и действуют в конкретной исторической обстановке, живут своими проблемами, печалью, радостями, но все они действуют не только в силу обстоятельств, но и по воле писателя Мухаммада Али, глубоко прочувствовавшего и органично вжившегося в эпоху.

Уместно напомнить, что не всякое объемное произведение из четырех книг можно назвать романом-эпопеей.

В историческом романе-эпопее необходима художественная трактовка великих исторических событий, выдающихся исторических личностей, отражение облика времени, проблем, повлиявших на историческую судьбу народа, и соответствующие им художественные эпические масштабы.

В этом смысле тетралогия Мухаммада Али «Амир Темур Великий» отвечает всем канонам жанра. Данное произведение – совершенно новое явление в многовековой истории узбекской литературы. Разумеется, оно унаследовало традиции Кадыри, Чулпана, Айбека, Адыла Якубова, Пиримкула Кадырова, опыт написания романа-эпопеи в мировой литературе и опыт художественной интерпретации образа Амира Темура за последние почти четверть века. Мухаммад Али, используя опыт предшественников, создал эпическое полотно художественно отражающее великую историческую личность и ее роль в построении могущественного государства с момента становления его как государственного деятеля до его последних дней, и тем самым открыл новый этап в развитии современной узбекской литературы.

«Амир Темур Великий», реалистично отразивший огромный и важный период в истории народов Центральной Азии, вполне соответствует уровню и стандартам мировой литературы, открывая новые горизонты литературе Средней Азии.

В каждой из четырех книг «Амира Темура Великого» в разной степени полноты

отражены как судьба отдельной личности, так и судьба целого народа, как жизнь отдельно взятой семьи, так и судьба государства, как пространство Родины, так и географические широты, внутренняя и внешняя политика государства, даны и конкретные портретные зарисовки, и широкая панорама мира, обнаруживающие прекрасное понимание писателем задач лирического и эпического изображения. В заключительных частях эпопеи дано видение далекого будущего и глубин далекого прошлого. Мастерское владение изобразительно-выразительными средствами, умение направить мысль и воображение читателя в настоящий день, независимую эпоху нации свидетельствуют о незаурядном таланте писателя, сумевшего отобразить историческое прошлое, обозначить настоящее и предугадать будущее нации.

Автор ставит перед собой задачу осветить роль великой личности и судьбу народа, значение отдельного периода в неразрывной связи с историей. Мухаммад Али акцентирует философское изречение: «Человек создает судьбу своими руками, неожиданное счастье – всего лишь миф», но вместе с тем не отрицает тот факт, что в жизни существует такое понятие, как судьба, ее нельзя изменить ни руками, ни умом, ни волей властелина, великого полководца Амира Темура. Он убедительно показывает это на примере судеб Жажонгира, Умаршайха, Мироншоха. В трактовке судьбы Мухаммад Али, соблюдая историческую правду, опирается на взаимосвязь теологии и человеческой души на мифологическом уровне.

Не только жизнь, но и духовная борьба, борьба двух «я» внутри одного человека, личная жизнь и жизнь страны, яркие зарисовки времени и места в лирических отступлениях, необыкновенно впечатляющие, точные описания сияния детства, отрочества и совсем в другой тональности данные зарисовки зрелости и старости восхищают и вызывают глубокую симпатию.

Общепринято считать, что движущей силой истории является народ. Мухаммад Али, не отрицая этого, убедительно доказал на примере личности и государства великого Амира Темура, что в истории великие личности играют значительную роль, их поступки, убеждения оказывают большое влияние на облик эпохи и зачастую приводят в движение колесо истории.

Важнейшие проблемы, поднятые и разрешенные на художественном уровне в произведении: формирование узбекской нации и государства, борьба за свободу, независимость, патриотизм, рост национального самосознания и формирование мировоззрения; религиозная и государственная толерантность; объединение народа вокруг Амира Темура; многочисленные реформы государственной системы – придают роману-эпопее актуальное современное звучание.

Думаю, нет необходимости анализировать все четыре книги романа. Ибо верю, что прочитавшие воочию убедятся в их достоинствах, а те, кто не успел прочитать, прочитают и сформируют целостное самостоятельное мнение о тетралогии.

Но представляется не лишним поразмышлять о названиях книг, соответствующих именам сыновей Сахибкирана: «Жажонгир Мирзо», «Умаршайх Мирзо», «Мироншох Мирзо» и «Шохрух Мирзо».

Такие названия не лишены смысла и помогают реализовать замысел писателя.

Смысл названий романов и свой замысел писатель раскрыл в эпилоге четвертой книги. В нем сообщается, что под четырьмя именами сыновей он разумеет четыре опоры, четыре наследника Амира Темура, с которыми он связывает жизнь, судьбу и будущее государства. Если дать волю воображению, то эти четыре имени в названиях произведения составляют четыре периода в жизни создателя великого государства и символизируют: Жажонгир – подготовку к завоеванию мира; Умаршайх – признание исламской религии и эмиров-шейхов

своими учителями и наставниками; Мироншох – окончательное становление государства; и, наконец, Шохрух – духовные составляющие властелина.

Следует отметить, что в эпопее довольно глубоко и всесторонне раскрыты образы этих четырех героев в соответствии с намерениями и целями автора. Главным героем является, конечно, Амир Темур Великий. Но никакое могущественное государство один человек создать не может, каким бы великим он не был. Вокруг Амира Темура были окружавшие его любовью и верностью сыновья: Жахонгир, Умаршайх, Мироншох, Шохрух и многочисленные верные близкие, сподвижники: амиры, военачальники, друзья, старейшины.

Основная художественная концепция романа-эпопеи сплавляет воедино все части и главы «Амира Темура Великого», органично реализуясь в художественном тексте. Созидательная деятельность, самоотверженность и справедливость Амира Темура – залог и неперемненное условие исторического могущества государства и его правителя, эти качества и определяют глубину, значимость и актуальность романа сегодня. Известные истории ценные качества Амира Темура, оказавшиеся в центре художественной интерпретации автора, не потеряли своей актуальности и для нашего времени.

Следует отметить тщательно продуманную композицию произведения, которая держит в напряжении и увлекает читателя. Показателен в этом смысле пример, когда писатель в четвертой книге эпопеи сводит Мухаммада Султана с его дедом, потом описывает эпизод, связанный с письмом, которое направил Мироншох Амиру Темуру через Ахия Жаббора, затем описывает внутреннее состояние Мухаммада Султана, по приезду его в столицу, создавая художественно целостное жизненное полотно в неразрывной связи времени и пространства, разнообразных душевных состояний и внутренних миров. Эпические и лирические описания, словно живые волны, взаимосвязанные и взаимозаменяемые, сменяют и продолжают друг друга. Писатель, как искусный ткач, воссоздающий узоры на атласе, в описание событий, людей, в психологические зарисовки вкрапляет разнообразные и живые пейзажи.

Логическая обусловленность, выразительность эпического повествования, перемежающаяся с лирическими зарисовками и описаниями душевных переживаний, создание психологического внешнего портрета героев – безусловные достоинства романа.

Так, в первой книге эпопеи «Жахонгир Мирзо» портрет Сараймулькханум изображается в пору ее душевного смятения из-за случившихся в ее жизни печальных событий – смерти мужа Амира Хусейна и неопределенности ее дальнейшей судьбы. Сараймулькханум не знает, что ее ждет, какова ее дальнейшая участь. Писатель изображает ее портрет мрачными, унылыми красками, но постепенно, страница за страницей, читателю раскрывается другая Сараймулькханум: жизнерадостная, энергичная, мудрая, чувствительная и тонкая.

В эпопее автор использует самые разнообразные выразительно-изобразительные средства, что делает язык произведения насыщенным, сочным, впечатляющим. Достаточно вспомнить историю любви Ханзады-бегим и Жахонгира Мирзо в первой книге «Жахонгир Мирзо», историю Ханоглана в книге «Умаршайх Мирзо», «Тетради памяти» в книге «Мироншох Мирзо».

«Тетрадь памяти» – весьма значительный эпизод эпопеи, дающий возможность познакомиться с характеристиками, исторической ролью ряда темуридов и представителей других династий. Это расширяет историческое полотно, способствует более глубокому проникновению в суть эпохи и определению исторической роли Сахибкирана.

Некоторые страницы создают впечатление исторических трактатов, художник как бы уступает место историку. Таковы фрагменты, рассказывающие об открытом противодействии и скрытых намерениях султана Египта Баркука, правителя Ирака Султана Ахмада Жалойира, правителя Сивоса кази Бурхониддина, правителя Халая Темуртоша и других, а также об исторической ситуации времен, когда Баязит сотрясал Европу.

В течение всего повествования писатель знакомит нас не только с великим Сахибкираном, его окружением: беками, военачальниками, уже определившимися в жизни, играющими значительную роль в истории, но и с новыми поколениями темуридов: внуками и правнуками, изображает их характеры, условия формирования, нравственные постулаты, оказывающие воздействие на формирование их души, что позволяет не только чисто внешне, а изнутри постичь эпоху господства темуридов, их самих, условия, формирующие династию.

Часто в исторических произведениях обращает на себя внимание устоявшаяся традиция: дети шахов, ханов, султанов выбирают свою вторую половину, как правило, по рекомендации родителей, и их в прямом смысле слова страстная любовь развивается в последующих после создания семьи условиях. В эпосе «Амир Темур Великий» тоже есть ряд подобных сюжетных линий. Но Мухаммад Али не ограничивается ими, он в определенной степени обновляет и обогащает эту традицию.

При описании любви Жахонгира Мирзо и Ханзады-бегим («Жахонгир Мирзо») автор продолжает восточную традицию, а в любви Мухаммада Султана и Согинчики («Мироншох Мирзо») прослеживаются элементы героического эпоса.

Взаимная, чистая и невинная любовь еще не достигших совершеннолетия двенадцати-тринадцатилетних Шохруха и Гавхаршод-бегим («Шохрух Мирзо»), полюбивших друг друга еще до создания ими семьи – это новый подход к изображению любовной линии. Описаны эти отношения эмоционально, ярко, так что это является лучшими художественными страницами произведения, доставляющими читателю истинное эстетическое наслаждение.

Автор исторически точно, убедительно, глубоко, художественно показал, что Амир Темур до последней минуты стремился предотвратить, избежать всякой войны, даже против Баязита. Мухаммад Али мастерски создает в своей эпосе полифонию: отражение душевного состояния различных героев дает нам возможность постижения ситуации не только в изображаемое время, но и в настоящем, события отображаются в перспективе. Темур – сторонник предотвращения войны. Он глубоко чувствует ответственность не только перед своим временем, но и перед будущими поколениями. Автор подходит к изображению военных событий разносторонне: желающий не допустить унижения достоинства Мухаммада Султана и мечтающий добиться высокого положения для себя, надеясь проявить себя в сражении, Султан Хусайн с нетерпением говорит: «Дай Бог, чтобы началась война». Халил Султан, почувствовавший, что Амир Темур готов простить даже самые тяжелые оскорбления Баязита, с надеждой говорит: «Слава Богу, войны не будет». Но причина этой надежды не в предотвращении кровопролития, все его мысли о любимой Шодимильк. Дали бы крылья, он полетел бы к ней. В другом эпизоде, посвященном описанию стороны противника, из уст Баязита, подобно кипению Хазарского моря, с ненавистью рвется: «Я с этим, так называемым Темуром, сделаю то-то и то-то». А немного пораньше рассказывается, как Византийский Ватикан тайно сражает двух тюркских полководцев.

Как видно, полифония – это не только изображение противоречивых душевных

состояний одного или нескольких человек и победа разума над эмоциями, но и важнейший элемент композиции и сюжета произведения, требующий писательского мастерства для гармонизации всех художественных средств, отражающих разное отношение, понимание, различные взгляды, мнения героев на проблемы и их разрешение.

Мухаммад Али, описывая взаимоотношения Амира Темура и Султана Баязита, их подготовку к войне, помимо полифонии, успешно использует эпические описания.

Обращают на себя многочисленные, прекрасно написанные лирические и философские, отступления, высокохудожественные, органично включенные в текст произведения. Зачастую они выполняют функцию ключа к эпизодам.

Немаловажную роль в эпосе играет образ духовного наставника Мир Сайида Бараки. Зачастую во многих крупных произведениях о Темуре основное внимание уделяется суждениям Мир Сайида Бараки об исторической «расстановке сил», о мировой славе и победах Амира Темура, отмеченных в исторических источниках. Мухаммад Али, создавая образ Мир Сайида Бараки тоже опирается на исторические источники, но обогащает этот образ, правда, не слишком удаляясь от своих предшественников, вероятно, наставник известен в истории в основном как религиозный деятель. В книге «Шохрух Мирзо» Мир Сайид Барака наделен интересными философскими размышлениями: «Если Создатель хочет дать победу, он делает помощником врага». Думается, что более глубокая разработка этого образа, безусловно, обогатила бы произведение.

В узбекской литературе не так много произведений, изображающих военные действия, и «Амир Темура Великий» представляет лучшие образцы батальных сцен.

Общеизвестны сведения о Клавихо, в связи с литературой об Амире Темуре. Мухаммад Али тоже обращается к нему, для исторической достоверности вводя в произведение сам образ Клавихо. Под предлогом прогулки с ним писатель красиво и живо описывает Оксарой в Кеше, будто он видел его своими глазами. Трудно определить какие из живых сцен принадлежат Клавихо, а какие самому Мухаммаду Али.

Мухаммад Али не ограничивается описанием европейской внешности, использованием некоторых сведений о Клавихо. В его произведении путешественник стал связующим звеном между Европой и Туранским государством.

Изображая посла Мухаммада ал-Кеший, который привозит письмо от Темура королю Кастилии, автор показывает специфику дипломатической политики великого полководца, основанной на миролюбии и братстве, о чем свидетельствуют эпизоды из романа, когда вернувшийся с победой после семилетнего похода на Ангару Амир Темура в Коникиле сыграл свадьбу одновременно пяти внукам, куда были приглашены гости и послы, прибывшие из очень многих стран мира. Мухаммад Али очень удачно использовал аналитический и синтетический подход в описании Коникильской свадьбы: в самое изобильное время года «Самарканд превратился в центр мира» (художественный синтез).

Мастерски использованная в романе притча об «отце и сыне чинаре» – красивый символ – еще один яркий образец художественного синтеза.

По мере приближения к финалу произведения каждое выражение, каждая мысль Амира Темура синтезирует субстанциональную сущность главного героя, раскрывая идею произведения. В первых книгах эпоса, в начале романа, идея исходит из задач создания и становления государства, к концу произведения определяется цель укрепления государства, защиты, сохранения от внутренних

разногласий и внешних врагов. Повествование к концу произведения дается то в традиционной форме, то в форме «потока сознания».

...Амир Темур вернулся из Семилетнего похода... Победа... Богатство... Добыча... Всемирная слава... Свадьба одновременно пяти внуков... Невиданная в мире свадьба!.. Возможно ли для человека большее счастье? Но Амир Темур погружен в мысли. Не предаётся праздным развлечениям. Описывая Конигильскую свадьбу, автор восклицает: «Земля и небо пели!» На этой оптимистической ноте можно было бы закончить произведение. Но замысел автора не в том, чтобы завершить роман высокопарно.

Кончается роман глубокими философскими размышлениями Амира Темура, их художественным анализом.

Сундучок, куда внук Мухаммад Султан положил переписанную копию Корана. Он остановился на шестьдесят девятой суре. Амиру Темуру тоже шестьдесят девять лет. Эта сцена в конце романа – итог глубокомысленного художественного заключения. Почему Мухаммад Султан, а не кто-то другой? Потому что Мухаммад Султан был наследником престола, именно ему Амир Темур намеревался передать правление государством. А Коран не простая деталь, которой можно было бы пренебречь. Коран был основой жизни и деятельности Амира Темура. Автор говорит, что сундучок представился великому полководцу в виде четырех сторон света. Он похож на загадочный «Цветущий край», который все цари мира искали и не нашли. «Глаза широко открылись» у правителя, углубившегося в мысли. Амир Темур подумал: «Может быть, это и есть тот мир», который искали все цари и он сам всю жизнь.

Обратите внимание на мастерство автора: взгляните на действие, образную систему, развитие лирического сюжета, многообразие композиционных приемов; память внука воскрешает переписанный им Коран. А сундучок в свою очередь напоминает о сундуке из легенды «Гулшани хазойин» («Цветущий край»), что в свою очередь рождает глубокую философию великого полководца. Следует отметить, что к описанию этого душевного состояния Амира Темура Мухаммада Али подтолкнула мистическая философия Алишера Навои в произведении «Лисон-ут-тайр» («Язык птиц»).

Казалось бы, повествование можно было бы закончить этой сценой. Но художественный замысел писателя еще не реализован до конца. Интересно то, что взгляды неожиданно меняются. В мировой литературе это называется искусством перилетии, основу которому заложили древнегреческие драматурги. Это резкий поворот движения в противоположную сторону и возврата в новое русло под определенным воздействием. Амир Темур приходит к выводу: то, что он искал и нашел, было не цветущим садом, а увядающим краем.

Этим писатель хотел подчеркнуть, что жизнь Амира Темура до последних дней проходила в больших противоречиях, размышлениях и сложных решениях, акцентируя внимание на том, что в тяжелые моменты рядом с ним всегда, как живительный бальзам, были сподвижники, единомышленники. Сараймулькханум утешает его словами: «Мир процветает, Вы превращаете в цветущий сад мир, который мог бы превратиться в увядший край». На что Амир Темур отвечает: «Я сделаю его еще более процветающим». «Ибо человек не приходит в этот мир просто так, он должен сделать его процветающим! Аллах для этого дает жизнь человеку... Раз ни один человек не вечен в этом мире, пусть в память о нем останутся хорошие, благие дела». Можно сказать, что этими словами писатель выразил основной смысл и цель всей жизни Амира Темура.

На этом произведение могло быть закончено. Но и Амир Темур, и сам автор

в описательном «эго» поднимаются на еще более высокий уровень. В конце произведения автор посвящает нас в более глубокие, более сильные по сути художественно-философские наблюдения. Символический смысл сна великого полководца в финале романа поражает глубиной. Народный поэт Узбекистана Абдулла Арипов в своей драме «Сахибкиран» тоже обращался к символическому сну. Деталь одна, но писатели не повторяют друг друга. В романе «Амир Темур Великий» Амир Темур во сне как будто поднимается на небеса. «Лестница» в описании Мухаммада Али заканчивается на шестьдесят девятой ступени. А что можно сказать о такой необъяснимой тайне, что в шестьдесяти девяти обе цифры, на самом деле выражая разные числа, по форме очень похожи, а в обратном положении превращаются в одну цифру?

В данном случае писатель использует модернистский прием. Кроме Амира Темура, все окружающие его – немые, слушающие – глухие, но все и говорят, и слушают, и понимают, и реагируют: и смеются, и хохочут. Но их голоса не слышны. Из груди Амира Темура вырываются и гаснут звезды. Восьмая звезда освещает небосвод, мир начинает светлеть. Происходит чудо. Создается впечатление, что в бесконечном сиянии показался Бог. Все внимание обращено к нему. «Само собой, все заговорили, слух открылся, глаза прояснились». Все хотят сообщить о своем удивлении. «Но не было времени слушать. Наступил рассвет».

Писатель не сообщает нам о смерти главного героя и, думаю, поступает очень правильно, потому что проницательный читатель и сам понимает это. Кроме того, не говоря прямо о смерти героя, автор намекает как бы, что он вечно живой и навсегда останется в истории. Сон героя в конце произведения оставляет читателю возможность сделать самостоятельные выводы и о герое, и о произведении.

Казалось бы, на этом произведение могло быть закончено. Однако ощущается необходимость послесловия и эпилога, свойственных произведениям такого жанра, и писатель создает их. В послесловии автор коротко знакомит читателя с историей написания романа и как бы сам становится героем эпопеи, объясняет читателю, почему эпопея состоит из четырех книг, знакомит с жизненной философской обусловленностью, творческими замыслами, магией цифр.

Послесловие – необходимая и удачная часть тетралогии, своеобразное заключительное благословение произведения, ключ к эпопее.

Приступать к любой большой творческой работе и завершать ее всегда трудно. Писатель Мухаммад Али завершил начатый пятнадцать лет назад труд, посвященный великому Амиру Темуру, и представил его на суд читателя. В настоящее время осуществляется перевод эпопеи на русский язык. Писатель заключил труд, ставший частью его жизни, возможно, самой плодотворной, яркой, трудной, приятной и животворной частью, словами: «Амир Темур великий был любимцем Создателя».

Автор статьи, прочитав эпопею «Амир Темур Великий», получил истинное наслаждение и, по его мнению, извлек для себя немало интересного и полезного, поэтому вправе пожелать любимому писателю новых творческих успехов.

переводы

**Нарзулло
БАТЫРОВ**

Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил Ташкентский политехнический институт и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ Юлдузи», «Гулхан», «Ёшлик».

БЕЗДНА

Повесть¹

I

Новенькая ласетти, пулей несшаяся по улице, с визгом затормозила возле мясного ларька на углу. Стоявшие там люди испуганно шарахнулись в разные стороны. Парень, сидевший в салоне машины, высунувшись из окна, громко свистнул в сторону ларька. Оттуда выбежал молодой человек лет 25-26 и сел на заднее сиденье. Машина рванула с места и помчалась в сторону шоссе.

– Ты узнал, кто она? Чья дочь? – не оборачиваясь, спросил сидевший впереди.

– Узнал. Она дочь сторожа Юлдаша. Зовут ее Дильфуза. Уезжала работать в Питер с мужем. Недавно вернулась.

– А муж остался в Питере?

– Наверное, да...

– О, это здорово. Как бы ее приручить?.. Такая красotka!

– Ты, братан, видно здорово на нее запал, да? – заметил сидевший на заднем сидении. – Никаких проблем, если не поспешишься, – хлопнув собеседника по плечу, ухмыльнулся он.

– Говори, что и как надо делать. Дильбар знакома с ней.

– Будет она твоей, если ты так запал на нее. Уж я постараюсь, не бойсь.

– Расходы оплачу, я не поскуплюсь.

– Тогда поворачивай к рынку!

Машина резко свернула влево. Встречный автобус еле успел увернуться, вырвав к краю дороги.

– Здорово! Молодец! – воскликнул сидевший рядом с водителем, доставая сигарету.

Обгоняя одну за другой ехавшие впереди машины, они домчались до рынка и остановились.

– Шакир, а зачем мы сюда приехали? – спросил сидевший впереди, обернувшись к собеседнику.

– Поговорим с Дильбар, – ответил Шакир. – Нет проблемы, которой она бы не решила, если ей бабки дать. Она и сама красotka... – осклаившись, заключил он.

– Зачем мне эта шалава... Она же любовница Мумина Назаровича. Мне она даром не нужна.

– Ну что ты кипятишься, Дилян? Я же просто сказал... Но как она хороша, чертовка! Сейчас поговорим с ней, братан, – хлопнул Дильшода по плечу Шакир.

Тот безразлично передернулся. Так его называли только близкие друзья.

¹ Журнальный вариант.

– Шакир, меня Дильшод зовут! Раз мы обращаемся к ней, дай ей на расходы, сколько бы ни запросила. Эта Дильбар так на деньги падка, что с крыши спрыгнет, если заплатишь. Заберем товар, потом займусь Дильфузой. Она пожалеет о том, что мне тогда наговорила. Уж я ей устрою, раз она добровольно не согласилась, – добавил Дильшод.

Выйдя из машины, Дильшод с Шакиром прошли между торговыми рядами туда, где обычно находились «валютчики».

– Что-то Дильбар не видно, – оглядываясь по сторонам, сказал Дильшод.

– Да она сдохнет, если хоть один день не выйдет на базар. Знаешь, сколько денег она зашибает каждый день... Недавно ласетти купила. Надоело, видишь ли, на спарке ездить. Где она еще заработает такие деньги – она же ничем больше не занимается, только валютой торгует. Только за те побрякушки, что у нее на шее и в ушах, можно купить двухкомнатную квартиру. Одна именная цепочка у нее на шее весит, наверное, целый килограмм.

– А что милиция, не видит? Она еще чья-то любовница?

– Она с ментами дружит, в любимицах у них ходит, с угрозой тоже в контакте. Для них она взимает долю с «валютчиков», торговцев золотом, барыг. Потому Дильбар и любимица рынка, может все, что ее душе угодно, делать.

Покручивая на пальце ключ, Шакир огляделся по сторонам и подозвал мальчишку, голосившего: «Покупаем доллары, российские». Тот с готовностью подбежал к нему.

– Чем могу быть полезен, Шакир-ака? Хотите купить доллары или продать? Вам по-свойски уступлю...

– Мне Дильбар нужна, братишка. Ты не видел ее?

– Да вроде видел, она здесь, наверное, где-то. Может, в кафе. Обычно она к Эльвире ходит. Наверное, там. Кофе пьет.

– А где эта Эльвира? – спросил Шакир.

– В кафе «Лола» в баре.

– Пошли, – обратился Шакир к Дильшоду, – пойдем в «Лолу»...

Они отправились в кафе, находившееся у входа на рынок.

– Я сюда ее вызову, если она там. А то там не поговоришь, – сказал Шакир и вошел в кафе.

Дильшод остался ждать под деревом. Через некоторое время из кафе вышли Шакир и молодая полненькая миловидная женщина с ярко накрашенными губами, оживленно о чем-то беседующие. Женщина, хихикая, протянула руку Шакиру. Тот хлопнул ладонью о ее ладонь.

– Значит, договорились! Вы – железный парень, Дильбар-опа, умеете держать слово. За что я и люблю вас от всей души, искренне уважаю вас, сестрица, – приобняв ее за плечи, ворковал Шакир. Но она слегка отстранилась от него.

– Не распускайте руки, что люди подумают...

– А что они могут подумать, сеструха?.. Чего опасаться, коль без греха, – снова обнял ее за плечи Шакир

Со словами «да, иди ты!» женщина стряхнула с плеч руки Шакира.

– Сестрица моя, ведь вы моя! – снова стал приставать он.

– Да приведи ты себя в чувство! Что люди скажут?! Меня все тут знают! – уже сердито сказала Дильбар.

– Простите, сестрица! Но уж очень уважаю я вас. Меня тоже все в городе знают. Никто не смеет мне перечить, – жестикулируя, заметил Шакир. – Потому я и привел именно к вам Диляна.

Дильшод двинулся навстречу к женщине.

– Здравствуйте, Дильбар-опа. А вы еще больше похорошели! – сказал он.

– Ой, а приходите только тогда, когда какое-то дело есть, – закокетничала Дильбар.

– Сестрица, окажите услугу Дильшоду, и он до самой смерти не забудет вас. Он всегда будет обязан вам. Станете ему сестрой на всю жизнь, – поддерживая Дильбар за локоток, вмешался Шакир.

– Да ну тебя! – Дильбар отдернула руку и обратилась к Дильшоду: – Видно, здорово она запала вам в душу?!

– А вам знакома эта красотка? – спросил Дильшод.

– Если это та, о ком говорил Шакир, то знакома. Вы же про Дильфузу говорите или про кого другого?

– Сейчас я покажу ее.

Достав из кармана мобильник, Дильшод нашел фото Дильфузы и, протянув сотку женщине, сказал: – Вот она. Знакомы с ней?

– Я так и думала, что это она, когда Шакир ее описывал. Да это Дильфуза. Недавно вернулась из Питера. Жена Джаника.

Шакир заметил, обращаясь к Дильшоду:

– Говорил же, что Дильбар-опа всех знает. А теперь, коли ты так страстно желаешь эту Дильфузу, обо всем остальном сам договаривайся с Дильбар-опой.

– Очень красивая женщина. Ну просто королева. У нее муж и двое детей. И она не из тех, что побежит на всякий свист, – сказала Дильбар, обращаясь к Дильшоду.

– Что, совсем невозможно? Говорите откровенно... – огорченно вздохнув, спросил Дильшод.

– Разве есть что-нибудь невозможное, братец... Говорят, даже снег горит, если знать, с какой стороны его поджечь.

– Дильбар-опа, Шакир много хорошего говорил о вас. Он сказал, что для вас нет ничего невозможного. Потому я и пришел к вам. Сделайте ее моей, и я в долгу не останусь. Только поскорее все сделайте, – нетерпеливо, как человек, истомившийся в ожидании, сказал Дильшод.

– Что я вам, сводня какая-то. «Сделайте ее моей...» Или Дильфуза блудница какая, чтобы уговорами сподвигнуть ее оказаться в ваших объятиях?! – с притворным возмущением парировала Дильбар.

– Вы не сердитесь на Диляна за его слова, – вмешался Шакир, похлопывая Дильбар по плечу. – Дилян парень хороший, что на душе, то и говорит. Сестрица, Дильшод очень щедр. Вы не останетесь в обиде, – Шакир взял Дильбар за руки.

А та притворно озабоченно ответила:

– Хорошо, я поговорю. Но ничего не обещаю. Постараюсь. Вам придется сильно потратиться. Ведь Дильфуза – семейная женщина. У нее муж, дети. Свекор, свекровь из местных. Ей не нужен позор, но я все же поговорю с ней. О результате сообщу позже.

– Только поскорее, – вздохнул Дильшод.

– Ну, влюбленный Меджнун... Что вы так торопите меня?.. – Дильбар будто смягчилась немного. – Не торопитесь. Завтра или послезавтра она придет ко мне менять доллары, тогда и поговорю с ней.

– Дильбар-опа, а почему вы сегодня не на базаре? – спросил Шакир.

– Там нынче не спокойно. Выйду, когда поутихнет немного. Кому надо, сами меня находят. А я почти всегда у Эльвиры. У нее есть французское шампанское, специально привезенное для нужных людей. Мы сидим с ней отдыхаем в уюте, в прохладе. Вот и вы отыскиали меня, – кокетливо заключила Дильбар.

– Ну и молодчина вы, Дильбар-опа! Решаете проблемы не сходя с места и отдохнуть умеете.

Растаяв от похвалы, Дильбар пригласила их в кафе:

– Идемте к Эльвире, выпьем холодненького шампанского.

Ее предложение поддержал Шакир:

– Я же говорил, что Дильбар-опа – настоящий железный парень, Дильшод-ака. Идемте выпьем с ней по фужеру холодненького шампанского.

Он повлек Дильшода в кафе.

В кафе был полумрак, видно было, что оно недавно открылось. В коридоре по обе стороны в горшках стояли две пальмы, ветви которых красиво свисали и шевелились от ветерка, исходящего от кондиционера. Новехонькие красивые столы и стулья, сверкающие разноцветные лампочки. После уличной жары всякий вошедший чувствовал себя попавшим в рай.

Они сели за столик в углу зала.

– Эльвира, гости пришли, – позвала Дильбар.

К ним подошла хрупкая женщина среднего роста с золотыми волосами. Дильбар представила ее юношам. Дильшод попросил принести шампанского, коньяка «Хейнек», голландского сыра, шоколад, оливки и грибы. Эльвира с сожалением сказала, что «Хейнека» нет, но для особых гостей имеется известный самаркандский «Филатон». Она быстренько принесла заказ. Дильшод предложил Дильбар выпить коньячку, а шампанское оставить на другой раз. Дильбар понравилось его предложение.

– Не хорошо уносить назад поданное на стол. Принеси красивый пакет. Выпьем, когда будете у меня в гостях, – сказала Дильбар и, положив шампанское в пакет, опустила его под стол.

Чем больше пили, тем оживленнее становилась беседа. Шакир, подвинув стул поближе к Дильбар и все льнул к ней, гладил ее руки и рассыпался в комплиментах. Дильбар поначалу отстранялась, но постепенно, потеряла бдительность. Разгоряченная выпитым коньяком, в приподнятом настроении она пообещала совсем скоро поговорить с Дильфузой и заверила, что та будет в объятиях Дильшода, сообщила, что Дильфуза сейчас у свекрови со свекром, а через пару дней переедет к матери, что ее мать и брат уехали работать в Краснодар, а отец остался в доме один. Дильшод нетерпеливо слушал.

Тут кто-то позвал Дильбар, она вышла и вернулась не очень скоро.

– Даже отдохнуть не дадут, – пожаловалась она.

– Все в порядке, сестрица? – заплетающимся языком спросил Шакир.

– В том то и дело, что не в порядке. На базаре полно милиции и людей из департамента. Вылавливают «валютчиков», – ответила Дильбар и, кривя губы, продолжила: – Да пусть ловят. Переловят и посадят.

– Да, сестрица, вы не льком шиты. Не зря вы давеча сказали, что на базаре не спокойно. Все-то вы знаете наперед.

Дильбар растаяла от похвалы Шакира.

– Конечно знаю. Мне всегда загодя сообщают, когда будет облава, – гордо заявила Дильбар, раздумывая от выпитого. – Я оплатила подобные предупреждения.

Рассчитываясь с Эльвирой, Дильшод не взял сдачи, а наоборот, достал из кармана денег и положил их ей в карман со словами «чаевые».

Выходя из кафе, Дильшод и Шакир натолкнулись на уже знакомого паренька-«валютчика». Увидев Дильбар, паренек подбежал к ней:

– Дильбар-опа, дело есть!

– Что тебе? Что ты так взволновался? Говори, не бойся, это свои люди, – сказала Дильбар.

– Милиционеры забрали ребят, – сообщил парень.

– Кого именно? – спокойно спросила Дильбар.

– Акрама, Дильку, Хадичу и еще нескольких, – ответил парень.

– А тебе-то что? Тебя ведь не тронули?!

– Помогите! – взмолился парень. – Мои доллары и деньги были у Дильки. Все забрали.

– Потом поговорим, – сказала Дильбар и, обращаясь к Дильшоду, добавила: – Как припечет – сразу к Дильбар-опе. А в другое время даже не здороваются.

Дильбар смачно выматерилась. Шакир и Дильшод, не ожидавшие такого от женщины, расхохотались.

– Сестрица моя, вы настоящий мужик! Не мямлите! Это меня и восхищает в вас! Десять мужчин и ногтя вашего не стоят, – хихикая, Шакир потянулся к Дильбар.

– Да убери ты лапы! – оттолкнула Дильбар его руку и продолжила серьезно: – У меня привычка такая: обещаю только то, что могу выполнить. А если не могу, то не вмешиваюсь. Надо честно зарабатывать свой хлеб.

– Мы пошли, – сказал Дильшод. – Позвоню попозже. Ускорьте наше дело.

Дильбар, помахав им на прощание рукой, послала воздушный поцелуй. После того как они ушли, Дильбар обратилась к Зубайду, положив на его плечо руку:

– Ты мне как брат родной. Кому, как не тебе мне помогать. Ну рассказывай, как все случилось?

– Один из постоянных покупателей просил 5 000 долларов. Я их принес и дал Дидьке. Он стоял возле газбудки еврея Арона. Неожиданно нагрянули менты, два незнакомца схватили Дидьку, запихнули в машину, зашли в газбудку, забрали сумку с деньгами. А в ней и были деньги моего покупателя. Я удивляюсь, откуда они знали, что деньги там. Потом кинулись за остальными. Кто смог – убежал. Человек шесть или семь увезли.

– Дильбар-опа, помогите! Пусть хоть половину вернут. И вам за услугу дам. Пусть Дидьку отпустят!

– Да, плохи дела... – заметила Дильбар, качая головой. – Постараюсь поговорить.

Дильбар подробно расспросила, кто именно увез «валютчиков». Оказалось, что двое были незнакомыми, остальные из городского отделения милиции. Один из них – долговязый Хабиб, остальные ребята – сержанты.

– Почему вы не убежали? Они же в милицейской форме были?

– Дильбар-опа, так ведь это были сержанты, которые каждый день ходят здесь – свои ребята ведь.

– Если Дидька проболтается, что деньги твои, и тебя заметут. «Организованная преступность» – вот так. А ты главарь. Дидька – твой сообщник. Плохо дело. Вечно самовольничаешь, не советуешься со мной. Кто тебе сказал, что на базар можно приносить такую кучу долларов?!. Головой надо думать!

– Опажон, помогите же! Половину, пусть хотя бы половину вернут!

– О чем ты, Зубайд?! Ты про деньги забудь! Скажи спасибо, если сами не сядете. До сих пор еще никто из попадавших с такими деньжищами не избежал тюрьмы. Но если я вмешаюсь, может что-то и сделаем. Ты же знаешь меня!

Зубайд уже уходил, Дильбар окликнула его:

– Эй, Зубайд, погоди.

Он обернулся.

– Я забыла в кафе шампанское. Принеси пакет и поймай мне такси. Я сегодня без машины. Утомилась что-то от жары. Поеду домой, немного передохну. Потом займусь твоими делами.

Зубайд послушно принес пакет и побежал ловить такси.

II

У Дильбар сегодня выдался удачный день: кафе, такси – бесплатно, Акрама замели. В последнее время он ни во что не ставил ее. Довольная, Дильбар вошла в свой двор. Возле айвана в глубине двора, укрытая белым, стояла ласетти. Дильбар восхищенно поглядела в сторону машины. Ни одна одинокая женщина не в состоянии приобрести ласетти, это смогла сделать только она – Дильбар.

С наслаждением приняв прохладный душ, она прошла к себе в комнату и растянулась на кровати. Она до сих пор не замужем. Стирать чьи-то вещи, гладить их, отчитываться о каждом своем шаге – это не для нее. Она сама себе хозяйка. Ее брат с семьей живет в доме в глубине двора. Он не вмешивается в ее дела. Дильбар помогает ему материально, платит за газ, за свет. На что бы хватило его

заработка парикмахера, если б она не помогала ему? Жена его нарожала подряд пятерых детей. Старший только в этом году пойдет в первый класс. Сноха должна бы ей, Дильбар, как говорится, «ноги мыть да воду пить». Дильбар расслабилась, закрыла глаза, сладко потянулась и глубоко вздохнула.

Убрали ли в ее комнате, полы помыли? Она поднялась, оглядела комнату, заглянула в шифоньер. Ее кофта и платье, что она привезла из Турции, висели выстиранные и выглаженные. Недаром она сделала вчера снохе выговор.

Может, было бы лучше, если б у нее был муж?!. Можно было бы развеять усталость, беседуя с ним, он бы делал массаж. Да она, если захочет, выйдет замуж за кого только пожелает. Начальник уголовного розыска Рахим давно уже ходит за ней, облизывается. Нет, она не выйдет за мента! Вот Мумин Назарович – это другое дело. Он богат, щедр. Каждый раз, когда они с ним ездят отдыхать, он дарит ей дорогие подарки. Заказывает в номер дорогие напитки: виски, коньяк. А Рахим? Жадина, скряга. На скольких только «валютчиков» и торговцев золотом она его наводила! В прошлом году она устроила ему поимку еврея, привезшего золото из Бухары, а Рахим ей не дал ничего, сказав, что товар был липовый (золото поддельное). Все себе и оставил. Дильбар удобнее улеглась в постели и под воздействием выпитого шампанского и коньяка сладко заснула.

Проснулась часов около шести. В милиции в это время начинается смотр, через час заканчивается, она может не застать Рахима. Надо поспешить. Почему-то Мумин Назарович сегодня не позвонил. Дильбар проверила: на мобильнике неприятных звонков нет. Сегодня ей предстоят дела в милиции.

Дильбар снова приняла душ, потом долго сидела у зеркала, наводя красоту дорогой косметикой. Когда в такси она подъехала к городскому отделению милиции, было около половины восьмого. Дильбар позвонила Рахиму. Он был у себя и узнал ее по голосу.

– О, Дильбархон! Вы очень вовремя позвонили. Где вы?

– Да вот, захотелось повидать вас. Или вам не угодно видеть меня?

– Дильбархон, вы очень нужный нам человек. Разве вам это неизвестно?.. – зашебетал Рахим. – Я буду очень рад, если вы почаще будете навешать нас.

– Что-то я не замечала большой радости. Когда звоню, вы всегда ссылаетесь на занятость, – кокетничала Дильбар. – Вы один? Можно к вам войти?

– Для вас двери моего кабинета всегда открыты.

– Тогда скажите, пусть меня пропустят, – уже тише сказала Дильбар и оглянулась по сторонам – не слышал ли кто... Удостоверившись, что поблизости никого нет, она поплевала себе за пазуху.

Как только Дильбар вошла, Рахим встал ей навстречу и протянул руку. Дильбар кокетливо подставила щеку для поцелуя. Довольный Рахим крепко обнял ее и принялся целовать.

– Ой, да вы кости мне переломаете, – закокетничала Дильбар, притворно пытаясь вырваться из его объятий.

– Ох, сладкая вы, Дильбархон, очень сладкая! – Рахим, освободив ее из своих объятий, прошел на свое место.

Дильбар села на указанный стул рядом с Рахимом и сразу приступила к делу:

– Да, задали вы сегодня жару «валютчикам». И хорошо сделали. В прошлый раз Акрам не сдержал обещания. Теперь пусть расплачивается... Дильбар сделала паузу, глянула в лицо Рахиму. – Я пришла по поводу Дидьки.

– Это кто, твой Дидька? – спросил Рахим.

– Да это «валютчик» Даврон. Кличка у него такая – Дидька. Сегодня вы взяли его с 5 000 долларов и 8 миллионами сумов. Я пришла просить за него. Надо ему помочь. Было б хорошо, если бы вы его отпустили.

– Разве не ты сама говорила, что его надо взять? Сказала, что деньги он держит в газбудке.

– Да, говорила, но теперь пришла просить за него. Все изъятое останется у вас. Мне, конечно, за услуги долю мою дадите. 15 процентов, как договаривались.

– Не беспокойтесь, Дильбархон, все будет так, как вы сказали. Я позвоню вам, – Рахим встал и привлек ее к себе.

– Что вы делаете? Бесстыжий! – закокетничала Дильбар, слабо отстраняя его руки. – Без разрешения никто не смеет войти в мой кабинет, – гордо сказал Рахим, закрывая дверь на ключ...

Когда Дильбар вышла из кабинета Рахима, уже стемнело. Щеки у нее горели. Она глубоко вздохнула, подставив лицо свежему вечернему ветерку, затем, собравшись с мыслями, стала подводить итоги дня.

III

Попрошавшись с Дильбар, Шакир с Дильшодом сели в ласетти, что ждала их у ворот рынка. Парень за рулем вопросительно глянул на них.

– Гони к МЖК (масложиркомбинату). Узнаем, когда мы сможем забрать товар. Завод полностью запущен, работают в три смены. Надо ускорить дело. Чем скорее заберем товар, тем лучше, клиенты ждут. Пойду поговорю с Мумином Назаровичем. Он торопит с оплатой за масло. Мы ему много задолжали.

– Ты же говорил, что дядька твой поговорит с ним. Не поговорил, что ли? Мы отдадим деньги, как только из России получим. Скажи Мумину Назаровичу, чтоб не торопил. Загоним «геру» в России – купаться будем в бабках. Верно я говорю, братец Касым? Что молчишь? – хихикнул Шакир.

Парень за рулем промолчал.

– Если мы получим масло в течение 2-3-х дней, Миша сразу отвезет его в Таджикистан. Там уже приготовили для нас товар, томятся в ожидании. Получим его, сразу отправим в Россию, вот и оборот, – подытожил Дильшод.

– Кто на этот раз поедет в Россию? – спросил Касым. – Я теперь глотать пакеты не смогу. В прошлый раз чуть дуба не дал.

– На этот раз глотать ничего не придется. Товар отправят в машине. Дядя обо всем договорился. На этот раз привезет Миша и в Россию повезет сам. Но рядом с ним должен быть наш надежный человек. Путь-то не близкий, – сказал Дильшод и обеспокоенно продолжил: – Пусть сначала привезут товар. А потом решим, кто из нас поедет, потому что на этот раз вывозим большое количество масла, на двух машинах, 60 тонн. С ребятами из охраны договорились. Конечно, не всем из них можно доверять. От нескольких надо будет избавиться. Скажи об этом Асаду. Сделай все так, чтоб комар носа не подточил, Шакир! Чтобы потом нам локти не кусать.

– Да о чем ты, Дильшод?.. Я же не впервой имею дело с заводом.

Ласетти резко затормозила у ворот МЖК.

Прошло около 20-ти минут. Дильшод вернулся с завода и сел в машину.

– Вопрос решен. Сегодня заберем все 60 тонн. Для погрузки нужны четыре сильных парня, погрузить надо очень быстро. Мумину Назаровичу сегодня деньги нужны, ему надо что-то купить «наверх». Позвонил дядька, велел, чтобы мы дали ему 100 штук «зеленю», остальные по возвращению из России. Дядя сам рассчитается, это его человек, нужный нам человек. Всегда нужный.

IV

Дильфуза встала с постели около 12-ти. Она бы еще поспала, но двое ее детей канючили: «Мама, мы хотим кушать!» Она вынуждена была подняться. Пятилетняя дочь и двухлетний сын стояли у кровати. Сынишка нагрешил в штанишки. Увидев это, она сердито выговорила дочери:

– Такая большая девочка, а за братиком присматривать не можешь. Видишь, в каком он виде? Вон какая большая, а ума – ни капли. Почему не посадила его на горшок? Когда наконец поумнеешь?

Девочка подошла к братику и хотела взять его на руки, но мать оттолкнула ее.

– Иди принеси воды в чайнике. Замой места, где он запачкал, чтоб чисто было.

Сама же понесла сына в ванную.

Девочка, не удержав полный тяжелый чайник воды, выронила его и, испугавшись, расплакалась.

– Мама, я пролила воду!

– Даже этого не можешь сделать! – вскипела Дильфуза и дала дочери пощечину. Девочка заплакала еще громче.

– Как вы мне надоели! – заорала она. – Заткнись, не то запру в ванной!

Девочка никак не могла успокоиться. Дильфуза, искупав сынишку, переодела его в чистую одежду. Девочка боязливо подошла к матери:

– Мама, мы хотим кушать.

– Потерпи! Вам бы только жрать! – прикрикнула женщина.

Прошло больше недели, как она вернулась из Питера. Дней пять жила у родителей мужа. Там она должна была вставать спозаранку, целыми днями готовить то завтраки, то обеды, то ужины, помогать по хозяйству. Ну никакой тебе жизни, свободы... Все это ей изрядно поднадоело, и она ломала голову, как бы оттуда убраться. Когда пришел ее отец и попросил разрешения у свекра забрать дочь в родительский дом, она воспряла духом. И вот она здесь, у родителей!

Отец Дильфузы работает сторожем на масложиркомбинате. Весь день на работе. Дильфуза спит сколько угодно, ходит куда ей заблагорассудится, делает что ей захочется. Если бы не дети...

Прибрав как попало постель, женщина принялась готовить завтрак. Дочка, желая помочь ей, хотела принести солонку, но, споткнувшись об одеяло, свисшее с кровати, упала. Соль рассыпалась. Разозлившись, Дильфуза снова отвесила ей оплеуху.

– Ты что, слепая?!. На ровном месте падаешь! – заорала она.

Девочка плача ушла в другую комнату. Дильфуза спешила, потому что за всю неделю после приезда из Питера не удосужилась повидаться с подругами. Ей хотелось побывать в ночном клубе, в ресторане. Но куда там! Живя у родителей мужа, она не могла позволить себе этого. Правда один раз она сходила на рынок, чтобы поменять доллары, пообшалась немного с «валютчицей» Дильбар. В другой раз по поручению свекрови сходила в магазин за покупками.

Когда Дильфуза уехала к мужу в Питер, сынишке ее было 6 месяцев, дочери три с половиной года. Она оставила детей у своей матери, два года жила в Питере, работала в магазине. Красивая, стройная, чернбровая, черноглазая, шея лебединая, умеет пококетничать, она пришлась по вкусу владельцу магазина. А ей того и надо было. Муж с утра уходит на работу и возвращается только поздно вечером, измученный, усталый. Поначалу Дильфуза тайком встречалась с хозяином магазина, потом стала приводить его к себе, пока муж днем на работе. Тетя Маша – хозяйка съемной квартиры – прознала про это и рассказала мужу. Разозленный Джахангир устроил скандал, избил ее, но Дильфуза ни в чем не призналась, обвинив тетю Машу в клеветничестве. Хозяйка, испугавшись скандалов, отказалась от своих слов. Воспользовавшись этим, Дильфуза устроила истерику, обвинила мужа в подозрительности, ревности и, «обидевшись», вернулась в Узбекистан. Приехав, явилась к родителям мужа, рассказала им о «клевете» и скандале, устроенном их сыном. Свекровь, естественно, заподозрила, что под этим действительно что-то кроется, свекор же позвонил и крепко отчитал сына. Джахангир передал через отца, чтобы Дильфуза вернулась в Питер, но свекор решил, что Дильфузе надо побыть недельки две с детьми, потом уж ехать.

Дильфуза была радехонька, что смогла убедить мужа в своей «невиновности». О дорогих подарках Петра Макаровича (золотое кольцо и бриллианты) сказала, что купила все это на свои заработанные деньги.

Ей очень хотелось похвастать перед подругами нарядами и драгоценностями, привезенными из Питера, и гульнуть денька три-четыре. Все будут любоваться ее красотой, она увидит Бахрома, давно влюбленного в нее одноклассника. Пусть у него затрепешет сердце, загорятся глаза. Может, удастся встретиться с ним наедине. Вот уже около трех лет они не виделись. Если не изменилось его отношение к ней, то она обязательно пожалуется на мужа, может, и от Бахрома что-нибудь урвет. Она слышала, что у него большой бизнес. Дильфуза мысленно стала строить планы, как раскошелить Бахрома.

Внезапно она вспомнила парня, пристававшего к ней, когда она возвращалась с рынка. Дильфуза шла в приподнятом настроении, и откуда ни возьмись этот прилипала...

* * *

Перед тем как отправиться на базар, она сделала макияж, надела новомодные белые брюки и блузку с открытой спиной, белые босоножки на шпильке, толстенную золотую цепочку с янтарным кулоном. На оба запястья – по два золотых браслета, в уши – золотые серьги в виде тонких колец. Полюбовавшись собой, порепетировала, что и каким тоном отвечать тем, кто обязательно будет приставать к ней. Пусть Дильбар позавидует. Есть чем похвастать, ведь на ней драгоценностей на 5-6 тысяч долларов.

Дильфуза отвела детей к сестре Равно и, поймав такси, поехала на базар. Отметив, что все встречные на рынке зачарованно глядят на нее, Дильфуза с гордо поднятой головой подошла к Дильбар. Она с удовольствием отметила, что той до нее далеко. Губы Дильбар были намазаны толстым слоем коричневой помады, глаза и брови чересчур насурьмлены. Несмотря на свою смазливость, от чрезмерного макияжа Дильбар выглядела несколько вульгарно. Внимание Дильфузы привлекла толстая золотая цепочка на шее Дильбар. Посередине было выгравировано «Ди-л-ь-б-ар». Если сумеет вскружить голову Бахрому, может и ей удастся заполучить нечто подобное.

– Дильфуза, ты ли это? Здорово выглядишь! А я-то увидела тебя и думаю, что за ангел сюда явился?.. – зашебетала Дильбар.

– И я вас не узнала, Дильбар-опа. Вы еще больше расцвели.

Они обнялись и расцеловались.

– Что тебя не видно, Дильфуза? Слышала, что ты уезжала в Питер. Когда вернулась? Заставляешь скучать по тебе.

– Недавно вернулась. Домашние дела, дети – некогда выйти, Дильбар-опа.

– Не скучаешь дома-то? После Питера скучно, наверное?

– В Питере каждый день дожди – надоело. А зимой холодно. То ли дело у нас!

– Ты ведь давно уехала?

– Да, два года там была.

– С мужем вернулась или одна?

– Муж остался, его с работы не отпустили, а я соскучилась по детям, приехала поглядеть их. Муж каждый день звонит, зовет назад, дней через пять, наверное, опять уеду.

– Поживи хоть месяц, соскучились мы по тебе. Поедем купаться на водохранилище. Потом в Питере вспоминать будешь.

– Посмотрим, как оно сложится, Дильбар-опа. Я тоже соскучилась по пляжу. Мне суммы нужны. Почем «зелень» покупаете?

– Дильфуз, да я тебе подороже поменяю. Ты ж моя сестренка. На рынке в эти дни неспокойно. Будь осторожна. К чужим не подходи. Сколько у тебя долларов?

– Пока 100, потом, если что, еще.

– Обменяю, будешь довольна. Сейчас ловят и тех, кто меняет, и тех, кому

меняют. Идем, душечка, поболтаем немного. Да успеешь еще домой, у Эльвиры есть хорошее шампанское.

– Тороплюсь я. Дома свекровь ждет.

– Что свекровь? В рабстве ты у нее, что ли? Что такого, если часок посидишь со знакомыми? Не будь такой послушной, не то вообще на голову тебе сядут.

– Хорошо, Дильбар-опа, я пообедаю с вами. Целый век я вас не видела.

Беседуя, они вошли в кафе.

– Эльвира! – крикнула еще с порога Дильбар. – Глянь, кого я тебе привела! Прямо из Питера Дилю привезла, – пошутила Дильбар. – Отдохнем немного. Веди нас в отдельную кабинку.

Эльвира вышла из-за стойки, подошла к ним и радушно обняла гостей. Они долго расспрашивали друг друга о жить-бытье. Затем Эльвира повела их в отдельную комнатку.

Дильбар велела принести шампанское, шоколад и голландский сыр. Пригласила и Эльвиру посидеть с ними. Эльвира извинилась, ссылаясь на наплыв посетителей.

Дильбар с Дильфузой опустошили бутылку холодного шампанского, потом еще одну...

Когда женщины вышли из кафе, солнце клонилось к закату. У захмелевшей Дильфузы щеки пылали, глаза горели, настроение было отличным, и все вокруг казалось не столь значительным, мелким, никчемным.

Когда Дильбар, попросившись, ушла, а Дильфуза уже собралась было переходить на другую сторону улицы, вдруг прямо перед ней на большой скорости затормозила черная ласетти. Перепуганная Дильфуза остановилась как вкопанная. Краснощекий парень, сидевший рядом с водителем, ошереясь, во все глаза разглядывал ее, а потом бесцеремонно и грубо спросил:

– Куда вам, девушка? Садитесь в машину.

Дильфуза молча двинулась по дороге, машина медленно поехала за ней, а парень не переставая говорил и говорил. Дильфуза не отвечала. Почему она должна вступать в разговоры с каждым встречным? Что, она – вертихвостка какая-нибудь?.. Тогда машина преградила ей дорогу. Дильфуза одернула парня:

– Что вы пристали ко мне?! Кто вы такой вообще?!

– Разве мы не знакомы? – нагло улыбаясь, спросил парень. – Так давайте познакомимся.

Дильфуза не отвечала. Парень предложил ей покататься, отдохнуть вместе, поехать купаться, предложил деньги. Дильфузу оскорбило его бесстыдство.

– Езжай куда ехал, нахал! – возмутилась она.

Парень в машине грубо выматерился.

– Ну смотри у меня! – и, обратившись к водителю, распорядился: – Гони!

Машина рванула по шоссе.

– Мама, пить хочу! – послышался плаксивый голос сына.

– Ты что, с утра жареного наелся? Без конца пить хочешь!

Дильфуза принесла сыну попить, быстренько оделась, отвела детей к сестре и снова отправилась на базар. Дильбар встретила ее еще приветливее, чем в прошлый раз, пригласила в кафе к Эльвире и рассказала о Дильшоде.

– Ну и красавица ты, Дильфуза! У скольких парней голова кругом от твоей красоты, они просто под ноги тебе готовы броситься. Ты хоть в курсе? – хихикая начала Дильбар.

– У кого это голова кругом? Неужели есть такие?! Кто этот Меджнун? – отшутилась Дильфуза.

– Если хочешь, познакомлю. Парень при больших деньгах. И сам очень видный. Первый парень в городе.

– Заинтриговали вы меня. Ну говорите, кто же это?

– Сын мясника Тураба – Дильшод. Ты не знакома с ним? Любимец отца. В старом городе у него несколько мясных ларьков.

– Нет, не знакома.

– Ну, город ведь большой. Он учился в другой школе, поэтому ты его и не знаешь. Я познакомлю вас.

Дильфуза поняла, что Дильбар говорит серьезно. Но, подумав, что, если она сразу даст согласие, это повредит ее репутации, ответила серьезно:

– Я думала, что вы шутите, Дильбар-опа. У меня же муж, дети. Муж каждый день звонит из Питера, зовет.

– Да он, наверное, уже нашел себе «утешение» и наслаждается там жизнью. Думаешь, эти мужики такие уж преданные?.. Я хотела, чтоб и ты пару дней в свое удовольствие пожила. Не отказывайся. У него денег – куры не клюют, и он крепко на тебя запал. Сделает все, будешь купаться в деньгах.

Дильфуза задумалась. А что? Если парень при больших деньгах, положил глаз на тебя – этим надо воспользоваться.

– Дильбар-опа, только потому, что я вас искренне уважаю, я не обиделась на вас за подобное предложение. Скажи мне это кто-нибудь другой, я бы знала, что ответить. Город невелик. Что будет, если увидит кто-нибудь и донесет мужу?.. Да он тут же меня прирежет.

– Да кто узнает? Этот парень умеет держать язык за зубами. Поверь мне. Воспользуйся случаем. Такого больше не будет.

– Не нужен мне никто! – притворно рассердившись, сказала Дильфуза. – Мне достаточно моего мужа.

– Ладно. Подумай хорошенько. Я позвоню тебе. Не отказывайся.

Дильфуза рассчиталась с Эльвирой. От обменных ею ста долларов у нее осталось всего ничего, совсем мизерная сумма.

V

Вернувшись домой, Дильбар включила телевизор, взглянув на телефон, решила, что Мумин Назарович уже не позвонит. Время-то позднее. Она достала из холодильника коньяк «Камю», выпила рюмку, закусывать не стала. Отличный коньяк. Мумин Назарович знает толк в напитках. Он не пьет что попало. У кого денег много, тот, конечно, выбирает самое лучшее. Она должна крепко держаться за такого поклонника: или мужем своим его сделает, или обдерет как липку. Рахим и другие – для минутного наслаждения и решения текущих дел. Мумин Назарович – это другое дело. Только он ни в коем случае не должен знать ничего про нее. Дильбар не заметила, как уснула.

Утром ее разбудил телефонный звонок.

– Здравствуйте, Дильбар-опа, – послышался голос Дильфузы. – Как вы себя чувствуете? Я не разбудила вас?

– Алло! – недовольным тоном произнесла Дильбар. – Это ты, Дильфуза? Что случилось? Что, приснилась, что ли, я тебе?

– Извините, Дильбар-опа, но мне опять нужны суммы.

– Сколько нужно? – уже приветливее спросила Дильбар.

– Хочу еще 100 поменять.

– Доллар упал в цене, ты в курсе? Если у тебя есть доллары, обменяй сейчас все. Потом в проигрыше окажешься.

– Встретимся в кафе у Эльвиры. Сколько сейчас времени?

– Скоро час.

– Приходи к двум часам. Шампанское понравилось в тот день? Холодненькое! Здорово посидели!

Когда она вошла в кафе, Дильфуза была уже там, беседовала с Эльвирой за столиком, что стоял у стены. Завидев Дильбар, она с распростертыми объятиями двинулась

ей навстречу. Они долго целовались. Дильфуза прямо-таки зацеловала Дильбар.

– Сестрица, я так люблю вас, что скушаю по вам, когда не вижу долго, – льстиво говорила Дильфуза.

– Ты все лицо мне измазала своей губной помадой. Будь на твоём месте кто-нибудь другой, сказала бы «пропади ты пропадом со своими поцелуями». Но ты – другое дело! – Дильбар, достав из сумочки платочек, стала вытирать лицо.

Дильфуза, хихикая, схватила Дильбар за руку и потянула к столику:

– Садитесь, сестрица! Вы так вспотели... Сегодня очень жарко. После Питера я никак не могу привыкнуть к здешней погоде. Закончу дела и сразу уеду.

– Что у тебя за дела такие, что конца им нет? Давай помогу, коль смогу. Ты же мне не чужая.

– Срок паспорта, оказывается, истекает. Надо получить новый. Пошла в паспортный стол, а там народу полно! Говорят, что и бланков паспортных нет.

– Всегда можно найти выход. За неделю я сделаю тебе новый паспорт. Только денег не пожалей!

– А во сколько это может обойтись, Дильбар-опа?

– Кому надо выехать за рубеж, дают 500 долларов, но и в таких случаях им приходится ждать два-три месяца. А я тебе за эту же сумму сделаю паспорт за неделю. Сколько ты сегодня собираешься обменять?

– Двести.

– А почему так мало?

– Ладно, обменяйте 500. все равно истрачу. Хочу купить одежду детям, себе зимнее пальто. В Питере одежда куда дороже, чем у нас.

Дильбар обменяла Дильфузе 500 долларов и, вытирая платочком вспотевшую шею, глубоко вздохнула:

– Из-за тебя пришлось нести такую кучу денег. Чуть руки не отвалились. С тебя угощение.

– Я вас всегда готова угостить!

– Ты, наверное, еще не обедала? – спросила Дильбар.

– Нет, сестрица. Пообедаем вместе, для того я и прибежала сюда.

– Эльвира, у тебя есть свеженькие цыплята, не знавшие запаха петуха?

– У нас они всегда свежихонькие, – ответила Эльвира.

– Принеси нам хорошенько прожаренных цыпляток, российского черного шоколада, бутылку коньяка и голландского сыра.

– Дильбар-опа, я слышала, что вы купили ласетти. А почему не ездите? – спросила Эльвира.

– Жду, когда дадут номер подходящий. Сейчас позвонили, сказали, чтоб завтра зашла. Не хочется уродовать машину каким попало номером.

– Наверное, такой номер стоит не очень дешево? – поинтересовалась Дильфуза.

– А как же! Иначе стали бы они мне названивать, просить, чтоб заехала...

– Деньги... деньги! Куда им столько денег?! – заметила Дильфуза.

– Человек должен быть практичным. Практичность нужна, чтобы хорошо жить. Вот и ты, если захочешь, можешь заработать хорошие деньги. Я сказала тебе тогда, что ты пленила одного! Он ждет не дождется! Познакомлю, если хочешь. Денег у него куры не клюют. Если угодить сумеешь, все его деньги будут твоими, – пылливо посмотрела Дильбар в глаза Дильфузе.

– Не знаю, Дильбар-опа, – проитворно смутилась Дильфуза. – У меня ведь муж есть. Как же это?

– Что муж твой, следит, что ли, за тобой? Жизнь проходит быстро. Еще вчера ты училась в школе, а сегодня – мать двоих детей! Пройдет немного времени, глядь, – уже старуха. Никто потом на тебя не взглянет. А раз так – лови момент!

– Не знаю даже, что сказать, Дильбар-опа... Как я потом мужу в глаза буду смотреть?... Я никогда ему не изменяла. Совесть не позволяет.

– Я только познакомлю вас. А там поступай как знаешь. Все зависит от тебя. Подумай.

– Ладно, подумаю, – стыдливо опустила глаза Дильфуза.

«Сама рада-радехонька, а еще ломается», – отметила про себя Дильбар.

Когда они вышли из кафе, уже темнело. Из 500 обменных долларов Дильфуза 50 заплатила Эльвире. Дильбар на прощанье еще раз велела ей подумать насчет ее предложения и пообещала помочь поменять паспорт. Женщины горячо расцеловались.

VI

После ухода Дильфузы Дильбар позвонила Мумину Назаровичу.

– Алло, Дильбархон! Это вы? Вы очень вовремя дали о себе знать. Очень соскучился по вам.

– Совсем не похоже. Кто скучает, тот звонит, – кокетливо выразила недовольство Дильбар.

– Ханум, вы же знаете, какая горячка сейчас на работе. Голову почесать недосуг. Три дня я был в Ташкенте, сдавал отчеты, потому и не звонил.

– Почему меня с собой не взяли? Вот такой вы...

– Где бы я ни находился, душой я всегда с вами, радость моя. Встретимся сегодня, тогда поймешь, как я по тебе скучал.

– Я сегодня очень устала, – кокетливо ответила Дильбар. Она хорошо знала повадки своего любовника. Если он захочет встретиться, то все равно добьется своего. – Да и вы устали после поездки в Ташкент. Давайте встретимся в другой день.

– Дильбархон, ты же только что говорила, что очень соскучилась. Значит, лгала? – начал сердиться Мумин Назарович.

– Муминжон-ака, неужели вам так не терпится меня увидеть?

– Душенька, да я умру, если сегодня не увижусь с тобой.

– Ну, ладно, чтоб не обидеть вас, я приду сегодня на встречу с вами, – устало вздыхая, сказала Дильбар.

– Вот это другое дело. Теперь я поверил, что ты скучала по мне. Мне на обычном месте тебя ждать? За сколько минут приедешь?

– Я только что закончила дела, надо привести себя в порядок. А то ведь могу вам разонравиться. Что я буду делать, если уйдете к другой? – кокетничала Дильбар.

– Ладно, жду через час. Скажи своим домашним, что сегодня не вернешься.

– Муминжон-ака, вы продержите меня до утра? А что я скажу своим?

– Придумай что-нибудь. Скажи, что идешь к подруге, останешься у нее ночевать.

– Не умею я лгать, – притворяясь, что оказалась в затруднении, ответила Дильбар.

– А ты постарайся. Отдохнем сегодня от души. Будешь довольна. Я привез тебе подарки из Ташкента.

Допив коньяк, Дильбар закусил кусочком сыра. Предложение Мумина Назаровича подняло ей настроение. От выпитого коньяка забродили тайные желания. Надо скорее ехать домой, переодеться, сделать макияж.

Дильбар позвонила Дильшоду.

– Это вы, Дильбар-опа? Здравствуйте! Есть для меня новости? – торопливо спросил он.

– Отказывается она. Не хочет. Наверное, не получится. Звоню, чтобы ты не подумал, что я обманщица, – желая подзадорить Дильшода, сказала она.

– Дильбар-опа, я всегда своего добивался. Кто, кроме вас, может мне помочь! Сколько бы ни потребовалось денег – я готов!

– Ее нельзя соблазнить деньгами. Не хочет она изменять мужу, собирается возвращаться в Питер.

– Дильбар-опа, нет ничего такого, чего бы вы не могли добиться. Попробуйте еще!

– Ну и настырный ты! Ладно, попытаюсь еще раз – только ради тебя. Ты же мне как брат. Будь это кто другой – даже говорить не стала бы.

– Дильбар-опа, буду с нетерпением ждать вашего звонка. Или мне самому позвонить вам?

– Позвони через недельку. Попытаюсь еще разок.

Дильбар специально сказала «через недельку», так как знала, что у Дильшода не хватит терпения ждать столько.

– Что вы говорите, Дильбар-опа? Через неделю? Я позвоню завтра вечером. Я приготовил для вас большой подарок. Скажете, что все на мази – я принесу его вам.

Закончив разговор, Дильбар вышла из кафе в отличном настроении: обещание Дильфузы подумать она приняла как согласие. Теперь надо получить от Дильшода хорошую мзду, а для этого еще больше распалить его. Скажет, что Дильфуза отказалась.

Сегодня у Дильбар наварочный день: почти уговорила Дильфузу, обменяла ей 500 долларов по самой низкой цене, да еще и угостила за ее счет! Но самое отрадное было впереди – встреча с Мумином Назаровичем. Он ей нравится. Рахим, правда, нравится больше, но он у нее для решения проблем. К тому же скряга! Не то что Мумин Назарович!

VII

Черная ласетти снова остановилась перед МЖК. Дильшод, сидящий на переднем сидении, сказал, не оборачиваясь назад:

– Шакир, я быстренько: войду и выйду... Ты подожди здесь. Если скажет принести деньги, я позвоню. Ты принесешь мне дипломат.

– Хорошо, – ответил Шакир.

– Деньги пересчитаны? Все в порядке?

– Не беспокойся, братан!

Дильшод вышел из машины.

– Отчего вы не в духе, Шакир-ака? – спросил Касым.

– Да нет, с настроением все в порядке, только голова трещит от бессонной ночи – пили до утра.

– Надо было утром опохмелиться.

– Я предлагал пойти выпить, так он отказался: сначала деньги, мол, отвезти надо. Было бы здорово, если бы сегодня мы вывезли две машины груза.

– А вывезет кто? Миша или Кадыр? – спросил Касым.

– Миша – наш человек, Кадыр – его кореш. Но про «геру» он не знает, и не надо ему знать. Мы должны устроить так, чтобы машины спокойно выехали из города. Документы в порядке, с Мумином Назаровичем все обговорено. Деньги отдадим, и дело в шляпе.

– А сколько денег? Сколько сумов? – поинтересовался Касым.

– Какие сумы? О чем ты говоришь? Да они за сумы не работают, братан!

– А что, полный дипломат долларов?! – удивился Касым.

– Конечно, а ты как думал?

– Шакир-ака, а где вы взяли столько долларов?

– Много будешь знать – скоро состаришься. Еще разок съездишь в Россию, узнаешь, откуда доллары берутся. Ты помнишь, как заработал, когда ездил в прошлом году в Россию, помнишь?

Пришел Дильшод.

– Ну, что? – спросил Шакир.

– Все решено. Сказал, что не стоит приносить такую кучу денег сюда. Велел, чтоб мы подождали его около моста у канала, он туда подъедет. Давай, Касым, гони к мосту!

Машина стрелой помчалась по узким улочкам города.

Их догнала хёндай цвета слоновой кости, проезжая мимо них, сбавила скорость и посигналила. Водитель, сидевший за рулем, сделал знак рукой: «езжайте за мной».

– Это машина Мумина Назаровича, гони! – приказал Дильшод.

Хёндай остановилась где-то километрах в 10 от города. Водитель передней машины, высунувшись из окна, сделал знак рукой «неси». Взяв с заднего сиденья дипломат, Дильшод направился к хёндай. Когда дверца автомобиля открылась и Дильшод передал дипломат, машина рванула вперед. Возвратившись, Дильшод сел на место и скомандовал:

– Поворачивай назад! Гони в город! Прямо в махаллю!

Когда доехали до махаллинской чайханы, Шакир на заднем сидении уже стонал, сжимая голову руками.

– Ну, совсем раскис! – оглянувшись назад, сказал Дильшод. – Вставай, пойдем лечить тебя.

Шакир с трудом вышел из машины и поплелся за Дильшодом. Войдя, Дильшод спросил Ахмада. Мальчик, стоявший возле самовара, побежал искать его.

Дильшод заказал еду. Шакир сидел, уронив голову на стол. Наконец к ним подошел худой смуглый парень и поздоровался:

– Что-то не видно вас! Не заглядываете к нам.

– Вот, пришли! Если хорошо обслужишь, будем чаще заходить. Надо его вылечить. Есть?

– А какой нужен?

– Белый, чистый.

– Одного достаточно?

Дильшод показал на пальцах, что нужно два. Парень понятиливо кивнул.

– Сюда принести? – спросил он.

– Да, неси сюда, – распорядился Дильшод.

Парень вопросительно глянул на Касыма.

– Не беспокойся! Он – свой. Это мой телохранитель и водитель. Запомни его. Буду присылать, когда будет что-то нужно. Можешь спокойно передавать через него.

Парень согласно кивнул и вышел. Возвратившись, он протянул Дильшоду бумажные пакетики, шепнул что-то на ухо и вышел.

– Это и есть Ахмад. Будет нужда в «лекарстве», будешь брать у него. Только будь осторожен – никто не должен знать об этом, – сказал Дильшод Касиму.

– Ну, давай же, не томи, сдохну сейчас, – протянул руку Шакир.

Дильшод протянул один из пакетиков Шакиру. Тот буквально вырвал его из рук и хотел было открыть, но Дильшод остановил его:

– Что ты делаешь? Люди могут увидеть. Вставай, иди в туалет да дверь не забудь закрыть. А пустой пакет спусти в унитаз.

Шакир шатаясь ушел. В это время юноша, принявший заказ, принес касушки с бульоном из бараньих ножек и отдельно блюдо с ножками.

– Что еще принести? – вопросительно глянул он на Дильшода.

– А что, сам не знаешь, что надо? Столько лет работаешь! Принеси салат, хлеб, зеленого чаю. Подожди. Позже принесешь шашлык. А то остынет. Принеси российской 750-граммовой чистой, слышишь?

Юноша угодливо кивнул.

Вернулся Шакир. Глаза у него покраснели, настроение улучшилось, будто это и не он стонал несколько минут назад.

– А ты что сидишь? Иди тоже сходи! Выглядишь, как мертвец какой! Сразу оживешь! – обратился он к Дильшоду.

– Я вечером тяпну, сейчас водку буду пить.

– Ну а еда? Это все? – глянув на стол, спросил Шакир. – Разве этим наешься? У меня в животе урчит от голода. Закажи еще что-нибудь!

– Еще шашлык принесут. Сначала поедим это, – ответил Дильшод, – не то остынет.

– Не-е, остыть не успеет. Съедем все. Пусть ташит сейчас. Касым, иди скажи, – приказал Шакир.

Касым поспешно вышел.

– Ну, а как там Дильбар? Переговорила с Дильфузой?

– Переговорила, та не соглашается.

– Что? Отказала? Тебе?! – Шакир грубо матюкнулся. – И ты стерпел? Если б со мной так поступили, я бы знал, что делать. Я сейчас позвоню Дильбар.

– Что ты мелешь, Шакир? Меня зовут Дильшод! Коли мне захотелось, все будет, как мне угодно. Я сказал Дильбар, что не постою за ценой. Сказала, что еще раз попытается. Сначала груз вывезем. А Дильфузой займемся потом. Я ей покажу кузькину мать за то, что она мне тогда сказала, узнает, почем фунт лиха. Будет знать, что значит отказывать мне! Я – Дильшод! Я не такой тряпка, как ее муж Джаник! – он стукнул кулаком по столу. Бульон и чай расплескались.

– Официант! – крикнул он. – Касым, иди позови. Пусть вытрет. Почему до сих пор водку не несет?

Касым пошел звать официанта. Прибежал официант с тряпкой в руках, стал вытирать стол.

– Я же велел тебе время от времени справляться, не надо ли чего! Почему исчез? Что, надо каждый раз кому-то ходить за тобой? Почему водку не принес?

– Вы же не заказывали водку, – ответил официант, взглянув на Дильшода.

– У тебя голова на месте? Или... – Дильшод грубо выругался. – Неси скорей! И не самопал, который вы подаете клиентам. А чистой российской неси!

Официант выбежал и тут же принес бутылку «Российской березки», поставил на стол и вопросительно посмотрел на сидящих.

– Что стоишь как истукан? Не знаешь, как обслуживать? – сердился Дильшод. – Открывай! Наливай!

Официант, откупорив бутылку, налил Дильшоду и вопросительно посмотрел на него. Дильшод взглядом показал на Шакира, а про Касыма сказал, что тот не пьет. Шакир, радостный, поднял рюмку, посмотрел на Дильшода и произнес:

– Давай, друг, выпьем за наши сегодняшние дела! – после второй рюмки Шакира развезло: – Если ты не сможешь укротить Дильфузу, это сделаю я.

– Что ты мелешь, Шакир?! Ты смеешь говорить, что хочешь овладеть девушкой, на которую я глаз положил!!! Помнишь, что я сделал с сыном Бахтияра? Самого его прикончил, а дядю его упек за решетку. И ты этого хочешь? – он глянул на Шакира так, будто хотел проглотить его.

– Да я сказал это только для того, чтобы ты не опускал руки. Ради тебя я откажусь от десяти, а если нужно будет – от ста телок. Нужна мне эта шалава Дильфуза. Я ее хорошо знаю. До замужества она немало мужиков перевидала.

– Да и мне она ненадолго нужна. Покувыркаюсь несколько дней и отправлю к мужу в Питер. Просто прихоть такая. Белые брюки, белая кофта, а ягодицы какие: так и играют! Вах-вах! – Дильшод потер руки.

VIII

Дильбар проснулась с головной болью. Мумин Назарович лежал на другом краю кровати спиной к ней и храпел. Дильбар поднялась, подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение.

На даче, куда они приехали с Мумином Назаровичем, она немало выпила. Он тоже не отставал. Когда оба были достаточно «взгреты», Мумин Назарович достал из кармана коробочку с драгоценностями и надел ей на шею колье. Глаза у Дильбар загорелись, но она ломалась, стала отказываться от дорогого подарка. Потом, притворно стесняясь, бросилась в объятия Мумина Назаровича.

Пили еще и еще. Потом страстно танцевали. Устав, Мумин Назарович уснул, сидя в кресле.

Тихонько поднявшись, Дильбар начала рыться у него в карманах. Кроме носового платка, там ничего не было. Она стала копаться в его кожаной сумке. В одном отделении с застежкой-молнией она обнаружила 2 000 долларов и суммы в 5 000-х купюрах. Подумав, она взяла пять сотен. Мумин Назарович не узнает. Решит, что по пьяни отдал их кому-нибудь. Она спрятала 500 долларов в потайной кармашек своей сумочки, пристально следя за Мумином Назаровичем. Потом она легла рядом с ним, попыталась разбудить его, но не смогла и уснула.

Мумин Назарович громко храпел. Головная боль не унималась. Дильбар взяла стоявшую на столе бутылку виски, налила в рюмку и залпом выпила. Внутри стало горячо, кровь ударила в голову. Последнее время с ней частенько случалось такое. И каждый раз утром она тянулась к бутылке. «Зачем он привез ее, если спать собирался?.. Что они сюда спать приехали, что ли?..»

– Мумин-ака, вставайте! Что, так и будете лежать? Зачем вы меня сюда привезли на ночь глядя, если собирались спать? Можно было и дома у себя поспать.

Мумин Назарович даже не шелохнулся. Дильбар сильно дернула его за руку и трясла до тех пор, пока он не проснулся. С трудом открыв глаза, он уставился на нее, сиюсь понять в чем дело. Он не протрезвел, да и не проснулся окончательно.

– А, это ты, Дильбар! Чего тебе? Давай поспим немного, – хрипло проговорил он.

– Мумин-ака, что, вы до сих пор пьяны? Вставайте! Вы достаточно спали!

Мумин Назарович, взяв ее за руку, притянул к себе.

IX

Вечером водитель Мумина Назаровича отвез Дильбар домой. Войдя во двор, она увидела, что жена брата держит в одной руке веник, в другой – ребенка. Дильбар, не ответив на ее приветствие, опустив голову, прошла в дом. Выпитое вчера спиртное и сегодняшний разгул обессилили ее. Кое-как добравшись до кровати, не раздеваясь, она рухнула на постель.

Проснувшись Дильбар в отличном настроении. Если не считать небольшой головной боли, то наслаждения прошлой ночи и сегодняшнего дня ей были весьма по душе. «Мумин Назарович – настоящий мужчина! – подумала она. – Нельзя упускать его».

Взяв из шкафа халат, Дильбар отправилась в душ. Стоя под теплыми струями воды, она с наслаждением вспоминала проведенное с Мумином Назаровичем время. А как, интересно, дела у Дидьки? Почему Зубайд не звонит? Интересно, выпустил ли его Рахим? Уже два дня она не была на базаре. А как дела у Акрама, у Хадичи? В прошлый раз Акрам «обидел» Рахима, не додал ему откупных, ясно, что на этот раз он сядет. Так и должно быть.

Два дня она не была на базаре. Базар для нее – все. Он и накормит, и карманы наполнит. Потому-то у прежнего директора рынка было 4 жены. Надо Дильфузе позвонить... Телефон Дильфузы не отвечал.

Тут вошла старшая дочь брата и пригласила к завтраку. Не глядя на племянницу, Дильбар сказала:

– Я спешу. Скажи матери, пусть сделает чашку кофе и сварит две сосиски. Я здесь поем.

Племянница послушно вышла. Дильбар принялась за макияж. Вскоре жена брата принесла на подносе кофе, сосиски и горячую лепешку.

– Вот уже два дня, как вас не видно, Дильбар-опа. Как ваше здоровье? Все ли в порядке?

– Брат моей подруги Санобар выдавал замуж дочь. Вот Санобар и утащила меня к себе на свадьбу. Мне так и не удалось уйти оттуда. Я только вчера вернулась, очень устала.

– Гостей было много, помогать некому. Мы вдвоем с Санобар все делали. Куда денешься – надо же помочь подруге. Санобар тоже всегда помогает мне.

Дильбар поднялась из-за туалетного столика и принялась завтракать. Зазвонил телефон, в трубке послышался голос Дильфузы:

– Простите, Дильбар-опа, была в ванной, не слышала звонка.

– И что ты спишь до полудня, надо пораньше просыпаться! – отчитала ее Дильбар.

– Дильбар-опа, милая, я вчера легла очень поздно. Дети не спали, а когда уснули, дом убирала, поэтому и проспала, – стала оправдываться Дильфуза. – Дети такие озорники, ничего не дают делать. Бегают, шалят, все разбрасывают. Голова кругом. Вы дома? Чем занимаетесь?

– Если я тебе не позвоню, ты и не вспомнишь, – обиженно сказала Дильбар.

– Я вчера звонила несколько раз. Вы не ответили. Телефон был отключен или вы просто не слышали звонков.

– Да, вчера я была на свадьбе у своей подруги, там шумно: музыка и все такое, вот, наверное, и не услышала. Как твои дела? Что делаешь? Паспорт поменяла?

– Вы же сказали, что берете это на себя. Вот я и надеюсь на вас.

– Я, разумеется, выполняю свое обещание. Ну а ты подумала над моим предложением? Такой денежный парень хочет познакомиться с тобой, а ты отказываешься! Если будешь действовать с умом, можешь хорошенько ободрать его.

– Как же это можно, Дильбар-опа? У меня ведь муж есть. Не знаю, как быть, Дильбар-опа... Что вы посоветуете? Вы же мне как сестра родная. Я верю вам, вы мне плохого не посоветуете.

– Да я о тебе же и забочусь, о твоей пользе. Побудешь с ним пару дней, наварись как следует и уедешь. Думай сама. Я вас только познакомлю. Понравится – будешь встречаться, нет – так спрашиваешь и уйдешь. Что, убудет с тебя, что ли? Ну, что скажешь?

– Дильбар-опа, я доверяю вам. Ладно, познакомлюсь, раз он так не дает вам прохода, познакомлюсь только ради вас, посмотрим, что это за парень...

– Ну и молодец! Я скажу тебе позже куда и во сколько прийти.

«Надо же... Сама только этого и ждет, а еще ломается. Что, я не знаю, что ли, что ты из себя представляешь?!» – подумала Дильбар, отключив телефон.

Х

Дильфуза поднялась с постели часов в двенадцать, детей она отвела к сестре еще вчера, искупалась, привела себя в порядок. «Дильбар, наверное, позвонит сегодня. Скорей бы уж познакомила. И кто это так жаждет познакомиться?.. Парень при деньгах, что здесь такого?.. Покайфуют денька три-четыре. Муж все равно ничего не узнает. Кто может сказать ему?.. Дильбар говорит, что можно хорошо навариться, а деньжата не помешают. И на обмен паспорта придется потратиться. Дильбар сказала, что ускорит обмен за 500 долларов. Вот и возьму у него», – думала Дильфуза.

Зазвонил телефон.

– Дильфуза, – послышался голос Дильбар, – этот твой влюбленный совсем с катушек слетел! У меня сегодня день рождения. Отмечаю в ресторане «Дунё». Приходи к 7 часам, не опаздывай. Он тоже будет. Там и познакомитесь. Приходи пораньше, поможешь столы накрыть.

– Ну почему же вы раньше не сказали, что у вас день рождения? Я даже не поздравила вас. Поздравляю! Что я могу для вас сделать? Что вам подарить?

– Подарка не надо. Приходи в ресторан пораньше. Поможешь немного. Все есть, правда, торт забыла заказать. Если неудобно идти с пустыми руками, то в центре бывают заказные торты, захвати торт человек на 30. Все остальное я купила.

У Дильфузы дух захватило от ее заказа. Да такой торт обойдется ей долларов в 50... Если только день рождения посредницы да знакомство обойдется во столько, так лучше и не знакомиться. Но Дильбар обещала помочь с паспортом. Может быть, ей удастся возместить потраченное с помощью «влюбленного».

– Дильбар-опа, только торт, не мало? Может, еще что? – с опаской спросила она.

– Дильфузонька, принеси только торт, больше не траться. И про торт я сказала, чтоб ты не чувствовала дискомфорта. Такой красавице негоже идти на день рождения с пустыми руками.

– Дильбар-опа, а сколько человек будет?

– Сегодня у меня юбилей, исполнилось 30, гостей будет много, артисты будут. Я арендовала на вечер весь ресторан. Не опаздывай. Об остальном поговорим при встрече. Оденься понаряднее, драгоценности надень. Ой, подожди, я забыла купить соки и колу. Привези 10 полуторалитровых колы и 10 пачек сока «Bliss». Если тебе, конечно, не трудно. Только побыстрее приезжай.

– Хорошо, – тяжело вздохнула Дильфуза.

Ее будто холодной водой облили. Вот так День рождения, чтоб ей умереть, а не справлять день рождения. Что делать? Может, найти повод и не пойти? Но Дильбар обещала помочь с паспортом. К тому же собирается познакомиться с парнем-богачом, может... Дильфуза знает, как выудить у богача денежки. А сегодняшние расходы она удержит с Дильбар, отдавая ей 500 долларов за паспорт...

Дильфуза подошла к зеркалу полюбоваться собой. Черные брови вразлет, губки-бутоны, миндалевидные глаза огнем горят! Белолица, шея лебединая! Она отошла немного от зеркала, осмотрела себя. Тонкая талия, длинные красивые ноги, высокая грудь – ну просто красавица! И что она так поспешила выскочить замуж за Джахангира?.. Если б вышла за какого-нибудь богача, не рыскала бы сейчас по Питеру в поисках заработка.

Еще в школе немало парней увивалось за ней. Дильфуза давно увлеклась любовными похождениями и долго блуждала по кривым улочкам, падала, вставала... Наконец познакомилась с Джахангиром и, забеременев от него, вышла замуж. Родители его противились этому браку. Но им пришлось уступить, поскольку Джахангир настаивал. Когда Дильфуза родила, Джахангир устроил скандал, не признал ребенка своим. Когда же экспертиза подтвердила его отцовство, он успокоился, потом родился второй ребенок.

Она надела привезенную из Питера одежду – последний писк моды, темные очки. Взяла белую сумочку от «Шанель», положила туда айфон. Пусть все увидят, какова она, особенно этот Дильшод.

Она мысленно репетировала, как будет держаться при знакомстве, что отвечать на его вопросы, о чем говорить. Если все пойдет так, как она задумала, то она, конечно, очарует его.

Поймав такси, она велела ехать в центр.

На фасаде роскошного здания висела вывеска «Торты, печеное». Она заказала торт на 30 персон, и пока его готовили, поехала к сестре, у которой оставила накануне детей.

Ее дети играли с детьми сестры и, увидев ее, бросились с криками «Мамочка! Мамочка!». Обняв ее ноги, они тыкались лицом в подол ее юбки. Дильфузу это разозлило:

– Эй, грязнули! Что вы так набросились на меня? Всю юбку мне перепачкаете! Посмотрите на себя! – она схватила за руку сынишку, прижавшегося к ее ноге, оттолкнула его и заорала:

– Посмотри на свой нос! Юбку мне испачкал! – потом завопила на дочь: – Зебо, ты почему не смотришь за братишкой?! У него же сопли чуть ли не в рот стекают! Не умыла его! Слепая, что ли?!

Дочь, испуганная криками матери, отпустила ее ногу и попятилась назад. На ее крики из дома вышла сестра.

– Дильфуза! Заходи в дом. Дети озорничают. Утром я их умыла, поменяла одежду. Снова перепачкались. Идем в дом. У меня обед готов. Ты, наверное, еще не обедала?

– Не успела. Занята была домашними делами. Сестра, присмотрите за детьми и сегодня. Вечером Дильбар-опа отмечает день рождения, я приглашена.

– Какая Дильбар? – спросила сестра.

– Я с ней в одной школе училась. Она сейчас долларами торгует.

– Ты водишь с ней знакомство? Смотри, это может плохо кончиться. Люди не зря говорят о ней всякое...

– Какое мне дело до этого?.. Что особенного, если я схожу на день рождения? Сажу в четырех стенах после приезда из Питера – скучно. Дильбар обещала мне паспорт помочь обменять. Срок паспорта истек, а муж звонит каждый день, зовет, если паспорт не обменяю – не смогу вернуться в Россию.

– Поступай как знаешь. Я просто сказала, что говорят люди. А они не станут называть белое черным.

XI

Ресторан находился в восточной стороне города. Это было роскошное здание. Такси остановилось у входа, Дильфуза попросила шофера помочь ей занести покупки: коробку с тортом, напитки. Дильбар встретила Дильфузу у входа.

– Ой, Дильфуза, ты и торт привезла? Не стоило беспокоиться! Это было тебе не в тягость, милая? Ой какой большой! Наверное, заказной?

Дильфуза, стараясь выглядеть радостной, сказала:

– Я заказала такой, какой вы хотели – с орехами. В 70 долларов обошелся. Вы и не посмотрели. Понравится ли вам?

– Ой, Дильфуза, да как же не понравится! Если ты заказала там, где я сказала, то они делают очень хорошие торты. Идем! Да идем же! Время уже. Сейчас гости начнут сходиться. И Дильшод твой придет. Ты сегодня выглядишь прекрасно – красавица, да и только!

Она взяла Дильфузу за руку и повела к столу в глубине зала. Ресторан был роскошным. Посреди зала фонтан, вокруг него расставлены столы. Их сервировали три женщины. Дильбар представила им Дильфузу подругой, недавно приехавшей из Питера. Одну из женщин звали Сабохат. Это была сестра Дильбар, жила она в соседнем районе. Молодوخа по имени Раьно – ее дочь. А третья – золовка Сабохат. Женщины тепло поздоровались с Дильфузой, назвали ее красавицей.

От похвал Дильфуза повеселела. Она была довольна собой, все только ею и будут любоваться. Интересно, каков он, этот Дильшод? Пусть и у него глаза загорятся и сердце запылает. Она знает себе цену. Тот, кто желает с ней познакомиться, должен проявить себя.

Подарки от гостей принимала сестра Дильбар, записывая в блокнот, кто что принес. В дверях появился богато одетый, рослый, статный и сильный парень. Завидев его, Дильбар побежала навстречу и поцеловала. За парнем стояли еще трое, у них в руках были коробки с подарками. Статный парень, с улыбкой протянув букет Дильбар, тихо сказал ей что-то. Дильбар, не взяв букета, оглянулась и позвала Дильфузу.

– Дильфузонька, прими гостей, проводи к столу.

Рослый парень улыбался Дильфузе, трое, стоявшие рядом, тоже впились в нее взглядами, словно готовы были проглотить ее. Дильфуза решила, что это, наверное, и есть тот парень...

– Дильфуза, это – мой уважаемый гость. Познакомьтесь: Дильфуза – Дильшод! – сказала Дильбар.

Сделав шаг в сторону Дильфузы, Дильшод протянул ей букет. Дильфуза взглянула на парня, ей показалось, что она его видела где-то раньше. А когда услышала его голос, поняла, что это тот самый парень, что приставал к ней, сидя в черной ласетти, когда она возвращалась с базара. Сначала приставал, потом оскорблял. У Дильфузы испортилось настроение. Она нахмурилась, не приняв букета из рук Дильшода, обратилась к Дильбар:

– Дильбар-опа, сегодня ваш день рождения, и эти цветы – ваши.

– Нет, эти цветы для тебя. Дильшод привез их из столицы специально для тебя.

Смотри, какие красивые! Точно, как ты! Прими их! Не то мой дорогой гость обидится, – многозначительно кивнула Дильшоду Дильбар.

Дильфузе, чтоб не осложнять ситуацию, пришлось взять из рук Дильшода цветы.

Дильшод нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Дильфуза, нахмурившись, отодвинулась.

– Дильфузахон, эти цветы – пустяки, есть подарки намного ценнее. Вот увидите. Только не отказывайте мне, – он снова к ней приблизился.

Его нахальство разозлило Дильфузу. Надо же! Сначала оскорбил, потом как ни в чем не бывало принес цветы, требует: «...не отказывайте мне»... Мразь! Что он о себе возомнил?.. Еще нагло лезет целоваться. За кого он ее принимает?..

Торжество еще не началось. Во главе стола Дильбар усадила Дильшода, рядом – троих его приятелей. Дильшод был хмур. Дильбар подошла к нему и долго говорила ему что-то на ухо. Лицо Дильшода слегка просветлело.

Один из пришедших с ним был Шакир, второй – Касым, а третий – начальник охраны МЖК Асад. Подошли музыканты, негромко зазвучала музыка. До начала торжества оставалось совсем немного, с нетерпением ждали прихода еще нескольких гостей. Шакир откупорил одну из бутылок, стоявших на столе, и, налив рюмки, протянул их Дильшоду и Асаду, а Касыму сказал:

– А ты, братец, не пьешь.

Тот взглядом подтвердил его слова. Шакир положил себе в тарелку кусочек селедки и картошку и обратился к Дильшоду со смешком:

– Кого ждем?

– Подождем, когда придут все гости, – сказал Асад.

– А мы начнем уже до их прихода! – хихикнул Шакир и обратился к Дильшоду: – Что сидишь как в воду опушенный?

Дильшод треснул кулаком по столу и, глядя на стол, за которым сидела Дильфуза, протянул руку к рюмке. Они чокнулись и выпили. Шакир похлопал Дильшода по плечу:

– Ты не грусти! Тысячи девушек вьются под ногами таких, как ты, парней.

Когда гости наконец собрались, Пулатжон открыл торжество, чуть ли не полчаса восхваляя его виновницу – Дильбар. Тем временем Дильшод и его приятели принялись уже за вторую бутылку. Зазвучала лирическая мелодия, пустели бутылки, официанты ловко сновали, унося их на кухню и принося новые.

Один из официантов подошел к Дильфузе и, откупорив бутылку с виски, попросил у нее разрешения наполнить ее стакан. Дильфуза что-то ответила ему, официант кивнул в сторону Дильшода, она посмотрела на него. Дильшод, не отрывавший от нее взгляда, кивнул ей, приглашая выпить вместе с ним. Не ответив ему, она завела разговор с девушкой, сидевшей рядом. Дильшод что-то сказал Дильбар, сидевшей рядом с ним. Дильбар встала, подошла к Дильфузе и, поцеловав ее в щеку, что-то долго шептала ей на ухо, затем наполнила ее стакан и, налив себе, предложила выпить. Они опустошили стаканы, Дильбар снова налила, Дильфуза вопросительно глянула на нее: «Что вы, мол, делаете?»

– Это, чтоб твой стакан не пустовал, – ответила Дильбар и, поцеловав ее, пошла на свое место.

Дильшод выразил недовольство, тогда Дильбар снова поднялась, подошла к Дильфузе и почти насильно вложила стакан в ее руку. Дильшод, скрестив руки на груди, не отрываясь следил за Дильфузой. Та, отхлебнув глоточек, отставила стакан, но Дильбар заставила ее выпить до дна и посмотрела на Дильшода. Тот отвесил поклон, выражая благодарность.

Разгоряченные спиртным гости начали танцевать. Дильшод подошел к Дильфузе и пригласил на танец, она наотрез отказалась. Тогда, подсев к ней, он налил виски себе и ей. Дильфуза сердито оттолкнула его руку и, подойдя к Дильбар, стала танцевать с ней. Дильшод подошел сзади и обнял Дильфузу за талию, та

оттолкнула его, Дильшод, еле стоявший на ногах, резко покачнулся, разъяренный, схватил ее за локоть, поволок в сторону фонтана и попытался поцеловать. Дильфуза изо всей силы оттолкнула его, Дильшод, не удержавшись на ногах, навзничь упал в воду. Подбежавший Касым, схватив его подмышки, еле выволок из воды. С одежды вымокшего до нитки Дильшода стекали струйки воды. От холодной воды Дильшод немного протрезвел. Оттолкнув Касыма, он выскочил из зала. Дильбар бросилась следом. От гнева и холода Дильшода трясло. Сжатыми кулаками он бил себя по коленям и оскорблял Дильбар, угрожая всех уничтожить. Догнав, Дильбар обняла его за плечи, пытаясь успокоить:

– Что случилось, Дильшод? Вы же сидели с Дильфузой и мирно разговаривали. Что произошло?

Дильшод грубо выматерил Дильбар, семиэтажным матом покрыл Дильфузу и всех ее родственников и, взяв Дильбар за подбородок, пригрозил:

– Расходы за сегодняшний вечер вернешь в тройном размере. Но и это еще не все! Дильфузу я убью! Знай это! И ей скажи! Я так опозорю ее, что на земле места не найдет. Над кем она поиздевалась, кого опозорила?! Не рада будет, что родилась! Меня зовут Дильшод! Посмотрим еще! Да я имя свое сменю, если не добьюсь своего!

Дильбар, не отпуская его руки, чуть не плача продолжала умолять:

– Дильшод, все будет так, как ты хочешь! Я уложу ее в твои объятия сегодня же ночью. Я обещаю тебе. Ей-богу, обещаю. Остынь немного, умерь свой гнев. Дильфуза согласилась. Но почему все так получилось?! Не понимаю. Я была занята гостями, не проследила. Прости меня, Дильшод! Сегодня же ночью она будет у тебя в постели. Если не выполню обещанного, делай, что хочешь! Согласна на все!

Дильшод вырвал свою руку и опустил ее на землю, колотя ее кулаками, качая головой и угрожая:

– Да я сделаю так, что не рада будешь, что родилась на свет божий! Что, задумала шутки со мной шутить?! Издеваться?!

– Да нет же, не издеваюсь я. Я не знала, что такое может случиться. Я не видела, как ты упал. Не ожидала, что Дильфуза поступит так. Дильшод, прости!

– Попробуй только не выполнить свое обещание сегодня. Я покажу вам всем, где раки зимуют!

Когда машина отъехала так далеко, что не стало видно света ее задних фар, Дильбар вернулась в ресторан. Некоторые из гостей сидели понуриив головы, некоторые танцевали, образовав круг. Хмурая Дильфуза сидела в сторонке на стуле, опустив глаза. Завидев Дильбар, она взяла со спинки стула сумочку, собираясь уходить.

– Дильфуза, что случилось? Почему ты столкнула Дильшода в воду? Испортила весь вечер. Ты же сама дала согласие на знакомство с ним.

– Оставьте, Дильбар-опа. Я пойду. Это и есть тот человек, с которым вы хотели познакомить меня? Да он же настоящая скотина! Что, я какая-то уличная девка?! Не успел войти, как начал диктовать мне условия! Вы же видели, как он себя вел. За кого он меня принимает?.. Да пусть он пропадет пропадом со своими деньгами! Хотели познакомить меня с таким подлецом?! Спасибо!

– Дильфуза, да что ты говоришь? Он уехал, испортив мне настроение, а теперь и ты хочешь уйти? И это в мой день рождения вы так поступаете?! Я считала тебя своей сестрой! – заплакала Дильбар. – Если ты уйдешь, я перестану с тобой общаться. Дильфуза, сестреночка, не порть мне день рождения. Давай спокойно повеселимся. Забудь о том, что произошло! Дильшод парень хороший, только сегодня он выпил лишнего, поэтому вел себя грубо. Ты не обижайся.

Дильбар уговорила Дильфузу остаться. Усадив ее за стол, налила и ей, и себе виски.

– Давай выпьем и забудем о неприятном! Потанцуем! Где ты потанцуешь, если не на моем дне рождения?!

Они выпили, Дильбар подошла к музыкантам и попросила спеть что-нибудь веселенькое. Схватив Дильфузу за руку, потащила ее танцевать. Дильфуза постепенно успокоилась и повеселела, отдаваясь ритму музыки. Дильбар обнимала ее, целовала, наполняла стаканы.

Гости произносили тосты. Захмелевшая Дильфуза, не отказываясь, опустошала стакан за стаканом. Праздник закончился в полночь. Гости разошлись. Дильфуза также собралась уходить, но Дильбар не отпустила ее.

– Куда ты поедешь одна в такую позднюю ночь?.. Поедем к нам, стол накроем, посидим еще. Забудь о произошедшем, чтоб им провалиться, дуракам этим. Ты все сделала правильно. Так ему и надо!

Дильбар уговорила Дильфузу. Когда они приехали к Дильбар, все ее домашние уже спали. Жена брата, открыв ворота, поздоровалась с приехавшими и снова ушла к себе. Дильбар повела гостей в свою комнату. Племянница и золовка накрыли стол, поставили выпивку и закуску, привезенные из ресторана. Дильбар налила себе и Дильфузе виски. Кроме Дильбар и Дильфузы никто не стал пить спиртного. Тем временем кто-то 3-4 раза позвонил Дильбар. Каждый раз она брала телефон и выходила из комнаты, а вернувшись, говорила, что это ее друзья и подруги поздравляют с днем рождения.

Дильфузе захотелось выйти, Мастура сопровождала ее. А Дильбар тем временем налила ей спиртного и незаметно всыпала туда какой-то порошок. Когда Дильфуза вернулась, Дильбар, поднявшись с места, повисла у нее на шее и стала предлагать выпить. Дильфуза, соглашаясь, махнула рукой, через какое-то время она уснула, сидя в кресле. Выйдя в соседнюю комнату, Дильбар позвонила – минут через 15-20 в дверь постучали. Пошатываясь, Дильбар открыла и, увидев Дильшоода, махнула рукой, приглашая войти. Указав на Дильфузу, она сказала:

– Вот, уснула, ожидая тебя. Забирай!

Не разуваясь, Дильшод прошел в комнату и, подняв Дильфузу, унес ее.

XII

Дильфуза пришла в себя от нестерпимой боли. Открыв глаза, она увидела, что лежит в какой-то комнате. Над ней стоят какие-то незнакомые парни и хихикают. Послышался какой-то звук, замигал свет.

Один из стоявших над ней велел:

– Снимай еще. Хорошенько снимай, чтоб было видно ее физиономию! Меня тоже снял? – спросил тот же голос.

Дильфуза в ужасе закричала:

– Мамочки!

– Пришла в себя. В себя пришла. Протрезвела, – сказал кто-то.

– Как же ей не прийти в себя, когда ее четверо отделали, – сказал хихикавший. – Дильшод, братан, теперь-то она знает, кто ты таков! Этот день она не забудет до самой своей смерти. Будет здорово, если ты отправишь снимки ее мужу.

Дильфуза снова отключилась. Придя в себя, она увидела, что лежит на полу совершенно голая, лицо, волосы и руки испачканы вонючей блевотиной. Она поняла, что произошло. С трудом поднявшись с пола, шатаясь она вошла в комнату. Спавший на диване мужчина проснулся. Он тер себе глаза, шупал голову и матерился. Дильфуза узнала его. Это был Шакир – приятель Дильшоода, сидевший рядом с ним. Увидев вошедшую в комнату Дильфузу, он ошерился и знаком позвал ее к себе.

– Ну как? Пришла в себя? Видно, ты вчера изрядно выпила, – он потер ладони и, хихикая, продолжил: – Ну, иди ко мне, ты заставила Дильшоода утомиться. До сих пор не может прийти в себя.

Он опять захихикал. Затем, поднявшись с места, подошел к Дильфузе с

намерением обнять ее. Обессилевшая женщина не в силах была сопротивляться. Она, шатаясь, опустилась на ковер. Ее вырвало. Шакир злобно выматерился и стал искать свою одежду.

– Где мои брюки? А рубашка?

Взяв висевшие на спинке стула брюки, пошарил по карманам, потом полез в карманы рубашки.

– Жаль, не осталось! Ни шепоточки! – сказал он сам себе и толкнул лежавшего на полу Дильшода ногой:

– Дильшод, вставай! Хватит дрыхнуть, поднимайся! Твоя зазноба облевала весь ковер. Надо что-то делать с ней.

Дильшод недовольно бурча с трудом поднялся и стал одеваться. Одевшись, увидел Дильфузу, бессильно лежащую на ковре:

– А, ты еще здесь?! Не ушла еще?

Шакир прервал его:

– Дилян, братан, у тебя нет «дури»?

– Ты вчера проглотил все! Я говорил, чтоб оставил на утро, а ты не послушался. Не осталось больше!

– Позови Касыма! Пусть сходит! Голова раскалывается! Сейчас дуба дам!

– Где он достанет в такую рань?!

– Рань, говоришь? Да ты глянь, братан, солнце во всю светит! Полдень уже скоро!

– Надо отправить домой вот эту, выходя из ванной и показывая ногой на Дильфузу, сказал Дильшод.

– Поднимайся! Разложилась тут! Отвезем тебя домой! Одевайся! – зло бросил он.

С трудом подняв голову, Дильфуза со слезами в голосе спросила, за что так поступили с ней.

– Вспомни, что ты наделала! И помни, кто я такой! Что, не помнишь, как вчера в ресторане опозорила меня?! Так что это тебе по заслугам, даже мало! И запомни: если кому-нибудь хоть заикнешься или сунешься в милицию – пеняй на себя! Будет еще хуже!

Достав из кармана мобильник, он показал ей отснятые снимки и кадры видео. Дильфуза сидела, обхватив голову руками.

– Вот это все через интернет я пушу по всему городу, а то и по всей республике. И мужу твоему пошлю. Тогда увидишь, что будет! Поняла? Меня зовут Дильшод!

Увидев рваную одежду Дильфузы, он носком ноги отбросил ее в угол комнаты, позвал Касыма и велел ему купить для нее в ближайшем магазине одежду и нижнее белье.

Где-то через полчаса вернулся Касым. Увидев его, Шакир поднялся с дивана.

– Принес? – спросил он, протягивая трясущиеся руки. Тот протянул ему одежду, купленную для Дильфузы. – Что это?! – заорал Шакир, вытаращив глаза.

– Я принес из магазина то, что мне было велено.

– Дилян, что ты велел ему принести? – крикнул Шакир.

– У тебя на уме только «гера». Я же сказал – надо сначала избавиться от этой.

Шакир бессильно опустился на диван.

– Касым, быстренько одень эту и отвези домой. Мы подождем тебя в чайхане, – сказал Дильшод.

С трудом поднявшись, Дильфуза стала одеваться спросила у Дильшода о драгоценностях, что были на ней. Дильшод ответил, что, когда ее привезли, никаких побрякушек на ней не было. Дильфуза со слезами стала умолять вернуть ее украшения. Дильшод пообещал, что, если она никому не скажет о произошедшем, он через неделю найдет и вернет ее побрякушки. А если проболтается кому-нибудь

в городе, то драгоценностей ей не видать как своих ушей, да и схлопочет пуше прежнего. У двери Дильфуза чуть не упала и присела на пол.

– Что ты стоишь и глазеешь?! Подними ее. Не видишь, что она в стельку... Отнеси ее в машину и отвези домой, – обратился Дильшод к Касыму.

XIII

Дом Ферузы находился на окраине города, в новостройке. Она жила с мужем и двумя сынишками. Двор был еще не полностью обустроен. Этой весной муж погиб в автомобильной катастрофе, дом так и остался недостроенным. Дети еще малы, учатся в школе. Когда был жив муж, Феруза была домохозяйкой, заработка мужа вполне хватало на хозяйство и на стройку дома. А теперь все заботы пали на ее плечи. У Ферузы были кое-какие драгоценности, что родители дали ей в приданое, деньги в суммах и долларах, скопленные мужем. Она мало-помалу и тратила их, спасаясь от нужды.

Когда деньги кончились, пошла на базар, чтобы продать драгоценности, и познакомилась там с Дильбар. Та по дешевке скупила ее доллары, а когда узнала, что Феруза хочет продать драгоценности, тоже обещала помочь ей.

– Вы вдова, нуждается, я помогу вам продать. Другие могут обмануть вас, – пугала она Ферузу.

Феруза и принесла ей все свои драгоценности. Часть из них Дильбар продала по дешевке, остальное облюбовала себе. Не дождавшись денег за оставшиеся драгоценности, Феруза пошла на базар, разыскивать Дильбар, но та заявила, что драгоценности изготовлены из низкопробного золота, и по той цене, о которой они договаривались, никто их не купит. Ферузе ничего не оставалось, как попросить Дильбар продать их хотя бы по низкой цене. Всякий раз, когда Феруза приходила за деньгами, Дильбар заявляла, что никто не хочет покупать ее вещи или что она с трудом продала одну из них, и давала ей ничтожную сумму.

Когда начались летние каникулы, Феруза решила уехать с детьми к родителям в кишлак. Сообщив об этом Дильбар, она попросила вернуть оставшиеся драгоценности. Дильбар заверила, что пока она вернется из кишлака, вещи будут проданы, она приготовит деньги. Феруза поверила ей и предупредила, что пробудет в кишлаке до начала учебного года. Тогда Дильбар вызвалась присматривать за домом, пока та будет жить у родителей: негоже, мол, оставлять дом без присмотра, да и деревья, огород засохнут, если не поливать вовремя. Феруза как раз ломала голову над тем, кому бы доверить дом, и с радостью отдала ключи Дильбар.

– Спасибо, Дильбархон! Есть все же на свете добрые люди. Спасибо Богу, что послал мне встречу с вами. Никогда не забуду вашей доброты.

– Не беспокойтесь! Я присмотрю за всем, до вашего приезда продам ваши драгоценности и приготовлю деньги.

Летние каникулы пролетели быстро. Феруза несколько раз собиралась навеститься домой, но, занятая разными делами, так и не удосужилась. К тому же пришлось ухаживать за заболевшей матерью. Да и дети-озорники, за ними глаз да глаз нужен. Несколько раз она звонила Дильбар, но не дозвонилась. Когда же до школы осталась неделя, она с детьми вернулась в город.

Открыв калитку, она ужаснулась: двор зарос травой, везде грязь и мусор, деревья высохли. Дверь в дом была открыта настежь, ручка оторвана. Вешалка в прихожей валялась на полу. Посреди комнаты была расстелена курпача, вокруг валялись какие-то тряпки, грязные полотенца. Одежда, что были сложены на сундуке, свалены на пол, сундук открыт. На курпаче она разглядела засохшие пятна крови. В испуге Феруза выбежала из комнаты, схватила детей и побежала на улицу. Хотела позвать соседей, но никого не нашла.

Если это были воры, то почему везде кровь и блевотина? А вдруг убили кого-то?!

Феруза кинулась звонить Дильбар, но телефон не отвечал. Вдруг в конце улицы показались двое мужчин. Один был в милицейской форме, другой – в штатской одежде. Не дожидаясь, пока они подойдут, Феруза кинулась им навстречу. Увидев ее, мужчины остановились.

– Вы из милиции? – обратилась она к человеку в форме.

– Да, я же в форме, – ответил тот с улыбкой и представился: – Участковый этой махалли, капитан Шеров. А вы из этой махалли? Что-то я не видел вас раньше. Зачем вам понадобилась милиция? – поинтересовался капитан.

– Я живу в этой махалле, вон в том крайнем дворе, уезжала с детьми к родителям. Приехала, а замок сломан, в доме все разбросано, одеяла испачканы, везде засохшие пятна крови. Будто кого-то убили в доме, – торопливо рассказывала Феруза.

Капитан насторожился и, обратившись к спутнику, сказал:

– Хаким-ака, пойдемте посмотрим! Что произошло в вашей махалле? Нехорошие дела. Ну-ка, ведите нас к себе, – обратился он к Ферузе.

Крепко схватив за руки обоих детей, будто боясь, что их кто-то может у нее отнять, Феруза повела мужчин к своему двору. Войдя в дом, капитан и Хаким-ака с отвращением сморщились от смрада, царившего там, и беспорядка. Осматривая кухню и комнаты, Шеров спросил у Ферузы:

– Вы ничего не трогали руками? Здесь все, как было до вашего прихода?

– Нет, не трогала. Я вошла, испугалась, схватила детей и выскочила на улицу. Хорошо, что вы мне повстречались. Иначе, что бы я делала?..

Шеров осторожно осмотрел комнаты, прихожую, ванную. Потом, достав из кармана телефон, набрал номер.

– Алло, дежурная часть? Это капитан Шеров. Пришлите в новую махаллу в дом № 17 оперативную группу. Дверь в дом взломана, все перевернуто, на ковре и курпачах следы крови. Я жду здесь, – и, помолчав, добавил: – Я пока сниму показания с хозяйки дома. Во время происшествия ее здесь не было.

– Феруза хотела было открыть окно и проветрить комнату, но Шеров велел ей ни к чему не прикасаться, пока не придут оперативники.

Затем он попросил пригласить 2-3 человека из соседей. Хаким-ака привел понятых.

С сожалением глядя на засохшие деревья, заросший травой двор, Хаким-ака качал головой. Феруза объяснила, что, уезжая, оставила ключ от дома одной своей знакомой, обещавшей за всем присмотреть. Выслушав Ферузу, Шеров записал показания хозяйки дома. Подъехала милицейская машина с сиреной, из нее вышло двое мужчин в форме и трое в штатском. Шеров кратко рассказал им о произошедшем. Милиционеры сфотографировали все до мелочей, сняли отпечатки пальцев, оставленные на пиалах и стаканах. Женскую одежду и белье, валявшиеся в углу комнаты, осторожно положили в пакеты и запечатали. Свернув курпачу с засохшей на ней кровью и блевотиной, положили в большой целлофановый мешок и тоже запечатали.

Человек в штатском прочитал записанные Шеровым показания, сам расспросил у Ферузы подробности, записал сказанное. Был составлен подробный протокол, два сотрудника в штатском прошли в соседние дома и поговорили с соседями. Завершив все, оперативники уехали. Но приехавший с ними молодой парень в штатском остался. Он спросил у Ферузы, пропало ли что из дома, попросил написать объяснительную, записал еще раз ее показания, прошел к воротам, внимательно осмотрел замок и забор. Выяснилось, что замок не взломан, а открыт ключом, на заборе нет никаких следов. Следовательно спросил у Ферузы о том, у кого еще был ключ от ворот. Феруза поведала ему о Дильбар. Он подробно расспросил и записал ответы. Только после этого ей было разрешено убирать дом.

Проводив следователя, Феруза настежь открыла окна и начала уборку. Дети помогали ей выносить разбитую посуду, сломанные вещи.

XIV

После отъезда оперативной группы участковый капитан Шеров и председатель махаллинского комитета пришли в опорный пункт. Случай в махалле был настоящим ЧП.

– Хаким-ака, видимо, произошло что-то ужасное! Как вы думаете? – обратился Шеров к председателю. – Кто мог войти во двор? Это мог сделать только тот, кто точно знал, что в доме никого в это время нет. Возможно, кто-либо из знакомых. Замок на воротах не взломан. Во двор другого входа нет. Видно, преступник был не один. Бутылки из-под водки, разодранная женская одежда говорят о факте изнасилования. Что же преступники могли сделать с жертвой? Возможно, убили?

– Я удивлен. Столько лет в махалле было спокойно: ни воровства, ни разбоя. А изнасилование – не приведи господь! По-моему, преступление совершено людьми не из нашей махалли. У нас нет таких. Я хорошо знаю всех проживающих. Это дело рук каких-то чужаков.

– Я тоже так думаю. И конечно же они приехали на машине. Соседи, возможно, видели ее. Давайте поговорим с соседями.

Шеров и Хаким-ака обошли соседские дома, расспрашивали людей, но никто ничего не видел. Когда они беседовали с Соли-аккой, живущим через два дома от Ферузы, в дом вошел его сын – семиклассник, который сообщил, что на прошлой неделе, возвращаясь около 2-х часов дня из магазина, куда он ходил за хлебом, он видел, как черная ласетти, чуть не сбив его, подъехала и остановилась у того дома, и что из нее вышел высокий молодой человек с пакетом в руках и вошел во двор к Ферузе. Шеров расспросил у мальчика о приметах человека, о машине. Мальчик сказал, что номер машины начинался с буквы «D». Машина едва не задавила его, поэтому он и обратил внимание на номер. Букву запомнил, а цифры забыл. Шеров попросил мальчика и разговор держать в секрете.

– Можно сказать, Хаким-ака, что начало положено. Теперь необходимо поработать над этими данными. Нам известны марка, цвет приехавшей машины и буква номера. Если машина не украдена, ее можно найти. Значит, найти можно и водителя. Феруза сказала, что перед отъездом оставила ключ у своей знакомой Дильбар. А следовательно, она, скорее всего, причастна к случившемуся. Феруза говорит, что познакомилась с ней на базаре, меняла у нее доллары. Значит, она из «валютчиц».

Он попросился с Хаким-аккой и поспешил к себе в отделение. Узнав в отделе дежурств, у кого находятся материалы, вошел в кабинет следователя.

– Проходите, Абдулла-ака. Чем могу быть полезен?

– Я пришел по поводу происшествия в доме № 17 новой махалли.

– Это на вашем участке, Абдулла-ака? Видимо, там совершено тяжелое преступление. Я пока возбудил дело о попытке грабежа. Но там, видимо, было еще что-то.

– Верно, там не грабеж. Там следы тяжкого преступления. Изодранная, в крови и нечистотах женская одежда свидетельствует о том, что там была женщина и несколько пьяных мужчин. Возможно, это были наркоманы. Я узнал приметы приехавшей туда машины и одного из побывавших там мужчин.

– Очень хорошо, рассказывайте!

Шеров доложил следователю все сведения, сообщенные мальчиком. Следователь позвонил в отдел безопасности движения и запросил сведения о черных машинах марки «Ласетти» с номером, начинающимся на букву «D» и их владельцах.

– Начнем-ка с города. Наверное, не из другого же города приехали совершить преступление.

– Ну да! У меня есть и другие сведения. Даст бог, мы раскроем это преступление. Но нужна ваша помощь. Вы знаете «валютчицу» Дильбар?

– Оказывается, уезжая в кишлак, Феруза оставила ей ключ. Надо найти ее.

– Возможно, изодранная одежда принадлежит Дильбар, не исключено, что она и есть жертва преступления, – задумчиво сказал следователь. – Интересно, жива ли она? Здорова ли?

– Если бы она исчезла, из дома бы сообщили, – сказал Шеров. – Вы запросите сведения в отделе по розыску, пусть они отыщут Дильбар.

Следователь позвонил и запросил сведения по «валютчице» по имени Дильбар. Голос в трубке спросил, почему ею интересуются, зачем она понадобилась. Следователь ответил, что Феруза, уезжая в кишлак, оставила ей ключи.

Положив трубку, следователь обратился к Шерову:

– Рахим-ака сначала сам хочет поговорить с Дильбар.

– Понятно. Но я тоже не буду сидеть сложа руки. Разузнаю о водителе машины, да и о других тоже, – сказал Шеров и, попрощавшись, вышел.

Он с отличием окончил школу милиции 10 лет назад, успешно стал продвигаться по службе, стал капитаном, хорошо исполнял свои обязанности, показатели у него всегда были отличные. Вскоре он был назначен старшим следователем и повышен в звании: стал майором. Но в городское управление назначили начальником человека из области – Азимова Турсуна Пулатовича. Новый начальник стал вести дела совсем иначе, чем прежний. Показатели ползли вверх не на деле, а на бумаге. Он отдал приказ не фиксировать все преступления, не раскрытые преступления выдавать за раскрытые. Шеров, в отличие от других, не одобрял подобное, а идти наперекор начальству – все равно что плыть против ветра. «Не шути с шефом, не то будешь битым», – говорят в народе. Начальник, поймав с пристрастием ошибки в деятельности Шерова, перевел его в участковые.

Шеров сел в свои жигули и снова поехал в махаллю. Подъезжая к дому Солика, он увидел, что его сын Алишер поливает деревья у ворот двора. Он вышел из машины, подошел к мальчику и вновь стал расспрашивать, когда и что тот видел.

– В тот день я ходил в пайнет, чтобы заплатить за телефон отца и, возвращаясь оттуда, увидел машину.

Шеров попросил у него чек об оплате. Алишер вспомнил, что чек отдал отцу, а отец положил его в ящик стола и, наверное, он там. Мальчик побежал в дом и вернулся с чеком в руках.

– Вот, нашел! – протянул он чек Шерову. – Это было в обед.

Взяв чек из рук мальчика, Шеров осмотрел его: 23 августа, 13 часов 3 минуты было указано на чеке. Преступление было совершено 23 августа. Замок на воротах не взломан, был открыт ключом, замок на двери дома взломан. Феруза дала Дильбар ключ только от двери на воротах. Значит, Дильбар отдала его кому-то и сообщила, что в доме никого нет. Или она тоже приезжала сюда. Надо найти Дильбар, тогда ситуация прояснится, кому принадлежит ласетти. Сунув в карман чек, Шеров сел в машину и помчался на базар. На базаре работал его учитель – пенсионер майор Хикмат-ака.

Он многому его научил, был хорошим наставником, лет 5-6 назад вышел на пенсию и открыл на базаре газетный киоск. Шеров часто навещался к нему, советовался, когда возникали какие-либо проблемы.

Хикмат-ака, увидев Шерова, обрадовался и, отложив журнал, поднялся ему навстречу с распростертыми объятиями.

– Добро пожаловать, дорогой! Почему так редко бываете у нас на базаре? Много работы?

– Работы достаточно, Хикмат-ака! Вы сами-то как? Не скучно вам тут? Что читаете?

– Да вот, журнал «Отличное настроение». Недавно стали издавать. Хороший журнал, много интересного. Вот и читаю. Ну а вас каким ветром занесло?

Шеров присел на вынесенный Хикмат-акой стул.

– Мне совет ваш нужен.

– Что случилось? Видно, преступление тяжелое? – поинтересовался Хикмат-ака.

– По-моему, тяжелое. Подробности неизвестны.

Шеров поведал собеседнику о том, что видел в доме Ферузы, о черной ласетти, о водителе.

– Ласетти черного цвета. Смуглый высокий парень... – задумчиво повторил Хикмат-ака. – Если он живет в нашем городе, я должен знать его. У кого из молодых людей имеется черная ласетти?.. Сейчас узнаем, – сказал он и, достав телефон, набрал номер.

– Джурабой-ака, у кого из молодых есть черная ласетти? Водитель такой высокий чернявый юноша с ежиком.

Шеров сразу понял, кому звонил Хикмат-ака: шефу городского ГАИ. Он знает каждую машину в городе. Если та ласетти здешняя, Джурабой-ака, конечно, знает ее владельца. В телефоне довольно долго раздумывали.

– Касым, говоришь? Выясни и сообщи, пожалуйста, номер машины. Да вот, понадобилось. Что это за парень?

Хикмат-ака долго говорил по телефону, потом обратился к Шерову:

– По-моему, этот Касым причастен к происшествию. Касым, Дильшод и Шакир – неразлучная троица. Нехорошие ребята. Дильшод – очень грубый, от него всего можно ожидать. Шакир тоже ничем не лучше.

Тут снова зазвонил телефон.

– Ну, Джурабой, выяснил?! В компьютере же есть все: и номер, и адрес! – он записал все сказанное и, простившись с собеседником, протянул листок с данными Шерову.

– Вот номер машины и адрес Касыма.

Поблагодарив Хикмат-аку, Шеров заторопился.

Следователь был у себя в кабинете.

– Заходите, Абдулла-ака! Есть новости?

– Я выяснил номер машины и адрес владельца. В тот день ко двору Ферузы приезжал некто Касым. Вот его адрес. Надо его задержать.

Следователь позвонил начальнику угрозыска Рахиму, рассказал о случившемся, назвал адрес Касыма. Потом, обращаясь к Шерову, сказал:

– Спасибо, Абдулла-ака! Оперы найдут и доставят Касыма. А Дильбар, оказывается, нет дома. С ней Рахим-ака сам поговорит. Даст бог, до утра мы разберемся в этом преступлении. Я тоже не пойду домой, пока не закончим это дело.

XV

Взяв Дильфузу подмышки, Касым выволок ее из дома и, оставив возле ворот, вышел на улицу и осмотрелся. Ни души. Он подтащил Дильфузу к машине, усадил на заднее сиденье и, с силой захлопнув дверцу, погнал машину. Затормозив у дома Дильфузы, он грубо бросил:

– Сама выйдешь из машины или отнести тебя?

Дильфуза ничком лежала на заднем сиденье не слыша слов Касыма. Тот схватил ее за руку, грубо дернул и крикнул:

– Вставай! Вылезай из машины! Ты у своего дома! Впредь будешь знать, с кем и как разговаривать. Выходи, если проболтаешься о том, что было, твоё тело найдут в канале! Поняла?!

Дильфуза с трудом подняла голову, выбралась из машины и, не в силах удержаться на ногах, села на землю. Касым, смачно матюкнувшись, выйдя из машины, грубо поднял женщину. Она застонала. Оглянувшись по сторонам, он поднял ее на руки и отнес во двор.

– Ну в дом ты, надеюсь, сама доползешь. Протрезвела небось? Не забудь, если кто прознает о случившемся, то снимки и видео мы отправим твоему мужу,

а потом по интернету всему городу покажем. А потом и тебя, дохлую, в канале найдут. Усекла?!

Дильфуза долго сидела у двери, потом с трудом добралась до своей комнаты. Проснулась она только на другое утро. Головная боль прошла, но ниже пояса все горело огнем. Она долго лежала дрожа и испытывая мучительный стыд и боль. Потом с трудом поднялась с постели, кое-как добралась до кухни, открыв кран, напилась воды и снова обессилено опустилась на пол, через какое-то время поднялась и подошла к зеркалу. Веки опухшие, шея и грудь в кровавых засосах. Она похолодела, вспомнив, что ни колец, ни сережек, ни золотых цепочек, ни браслетов – нет. Что же ей делать?.. Пойти в милицию?.. Дильшод и Касым отправят отснятое на телефон ее мужу. Еще и убить могут. Она вспомнила о детях, об отце. Дильфуза прошла в комнату отца. Видимо, он пришел изрядно пьяным: спал не раздевшись. Отца совсем не интересуют ни дочь, ни внуки. Дильфуза разрыдалась. Свалившаяся на нее беда – это кара за измену мужу. Но больше всего ей было жаль пропавших драгоценностей. Лишилась такого богатства!.. Нет! Она позвонит в милицию. Сообщит о случившемся. Она не оставит Дильшода с его друзьями безнаказанными. Войдя в комнату Дильфузы, отец ничего не заметил и лишь спросил:

– А где твои дети, Дильфуза?

– У сестры, – с трудом ответила она.

– Ладно, я пошел.

Даже не спросил, почему она до сих пор в постели, все ли у нее в порядке. Ему не было дела, жива она или мертва. А у других отцы такие заботливые, так беспокоятся о своих дочерях... С такими мыслями Дильфуза снова уснула и проснулась от грохота в дверь. «Кто бы это?» – подумала она. Сейчас ей не хотелось никого видеть. Как она покажется в таком виде? Это, наверное, сестра пришла. Дильфуза еле поднялась. Уже два дня дети у сестры. Наверное, та встревожилась, что она не пришла за ними, как обещала. Едва передвигая ноги, Дильфуза подошла к воротам.

– Кто там? – спросила она.

Да, это действительно оказалась сестра. Дильфуза открыла. Увидев в каком она виде, сестра застыла от ужаса.

– Дильфуза, что с тобой? – спросила она, едва шевеля губами.

Дильфуза бросилась к ней на шею и разрыдалась. Еще ни о чем не ведая, но видя, в каком та состоянии, сестра тоже расплакалась.

– Дильфуза, что случилось? Что с тобой? – спрашивала она снова и снова.

Но та продолжала рыдать, прижавшись к сестре, дрожа от боли, стыда и обиды. Сестра, поддерживая ее, повела в дом. Дильфуза рассказала о случившемся. Сестра заявила, что необходимо сообщить в милицию, но Дильфуза объяснила, что не может этого сделать, поскольку ей пригрозили отправить видео и фотоснимки мужу. Услышав об этом, сестра примолкла. Во-первых, разрушится семья, во-вторых, эта позорная история станет известна всему городу. Как они тогда будут жить?.. Как смотреть людям в глаза?..

Сестра сходила в аптеку за необходимыми лекарствами. Соседка-врач София-опа сделала Дильфузе внутривенный укол, поставила капельницу, дала выпить таблетку и пообещала, что зайдет узнать о ее самочувствии.

XVI

Через шесть дней лечения состояние Дильфузы улучшилось, хотя кровоподтеки на теле, засосы на шее и груди еще не прошли. Сестра была рядом, отец так ни о чем и не узнал.

Как-то часов в 8 вечера в ворота сильно постучали. Отец был на дежурстве, сестры очень испугались.

– Кто бы это? София-опа не стучит так, отец в такое время на работе.

Стук не прекращался.

– Пойду гляну, кто это, – сказала сестра.

– Из милиции! Открывайте! – послышался голос.

– Милиция? А что случилось? – испугалась женщина.

– Мы из угрозыска. Надо поговорить. Открывайте, – сказал голос снаружи.

Сестра открыла калитку. Возле ворот стояло двое мужчин: один – в милицеской форме, другой – в штатском. Они спросили о Дильфузе. Раьно ответила, что Дильфуза дома. Мужчины предложили женщинам одеться и проехать с ними в отделение. Раьно отказалась, сославшись на то, что в доме маленькие дети, их не на кого оставить.

Дильфузу привели в кабинет начальника угрозыска Рахима. Поздоровавшись, тот спросил, где она была вечером 22 августа. Дильфуза ответила, что была на дне рождения у Дильбар, но рассказать о том, что случилось потом, побоялась. Когда Рахим спросил ее о синяках на шее и руках, Дильфуза ответила, что упала и сильно ушиблась. Когда же он спросил, знакома ли она с парнем по имени Дильшод, женщина затряслась, побледнела и расплакалась. Сказав, что он полностью осведомлен о событиях той ночи, Рахим предложил ей, ничего не боясь, обо всем рассказать. Дильшод арестован и не сможет причинить ей никакого вреда. Тогда Дильфуза рассказала о случившемся. Рахим позвонил следователю, пришел один из оперов и повел Дильфузу в следственный кабинет.

Следователь Джалилов допрашивал Дильфузу ровно 3 часа, показал ей фотографии Дильшода и Касыма, и Дильфуза подтвердила, что узнает их.

Джалилов велел отвезти домой потерпевшую. Выйдя из кабинета следователя, Дильфуза увидела Дильбар, стоявшую у дверей кабинета Рахима. Завидев Дильфузу, та, благоухая коньяком, подскочила к ней.

– Сама наделала дел и еще в милицию прибежала?! Ты же сама в тот день повисла на шее Дильшода и говорила: «Я поеду с вами!» А теперь пришла в милицию?.. Что, не заплатил сумму, которую ты запросила? Если бы я знала, что ты за штука, ни за что не пригласила бы тебя. Испортила мне день рождения, а теперь в милицию приперлась?! – орала она.

У Дильфузы не было сил ей что-то отвечать. Единственное ее желание было: пройти мимо этой женщины, выйти из отделения и глотнуть свежего воздуха.

XVII

Ознакомившись с протоколом, который дал ему Джалилов, Рахим позвонил начальнику ГАИ и велел разыскать автомашину «Ласетти» черного цвета, водителем которой является некто Касым, и разослать ориентировку по всему городу. А сам позвонил Дильбар. Услышав голос Рахима, она кокетливо заворковала:

– Что-то вы в последнее время не вспоминаете обо мне, Рахимжон-ака. Слава богу, что наконец-то вспомнили.

Рахиму сейчас было не до шуток. Но, придав голосу игривость, поздоровался и сказал, что ей как можно скорее необходимо приехать в милицию.

– Сейчас я не могу, Рахимжон-ака. Я устала. Что, я прислуга ваша, что ли, должна бежать по первому зову, когда только вам приспичит?.. – кокетничала Дильбар.

– Дильбар, обстоятельства очень серьезные. Иначе я не стал бы вызывать вас в такое время.

– Что, опять «валютчики» понадобились, Рахим-ака? Дилька на базаре не показывается. Он говорил, что милиция его обшипала как курицу. Зарекся вообще к долларам не прикасаться.

– Кому вы дали ключ от дома Ферузы?

Дильбар вдруг замолчала, будто язык проглотила. Чуть погодя спросила:

– А что случилось? Все ли спокойно?

– В том-то и дело, что неспокойно. Приезжайте, здесь поговорим, – сказал Рахим и положил трубку.

Сотрудники ГАИ очень скоро нашли и доставили Касыма вместе с машиной. Рахим провел его в свой кабинет и велел сесть на стул, стоявший у двери.

– Как тебя зовут?

– Касым.

– Что ты делал 23 августа в новой махалле? К кому ездил?

– Я не ездил туда. В той махалле у меня нет знакомых, – резко ответил Касым.

– Где ты был 23 августа? С кем был?

– Сейчас не помню. Сколько дней прошло. Откуда я знаю!..

Рахим встал, обойдя стол, подошел к Касыму и пнул его. Тот вместе со стулом свалился на пол. Рахим, схватив за воротник, поднял его с полу и посадил на стул. Касым хотел было оказать сопротивление, но Рахим дважды трахнул его по голове кулаком и, прижимая к стулу, крикнул:

– Садись! Убью, мразь! Узнаешь, чем кончаются лживые ответы! Не попадал никогда в милицию, видно. Вмиг мозги вправлю – все вспомнишь.

Касым такого не ожидал. Дрожа от страха, согнувшись, с опущенной головой, он закрыл лицо руками.

– Не бейте, братец! Я все расскажу! – взмолился Касым.

– Вот теперь ты пришел в себя! – сказал Рахим. – Рассказывай, как все было подробно и с самого начала.

– Я все расскажу. Меня заставил Дильшод. Я не виноват. Это Дильшод впутал меня в эту историю. Всею он виной!

– Я тебя слушаю. Если солжешь – будет хуже! Что было, мы уже знаем! Тебя сюда не просто так привезли. Понял?! И подельников твоих мы тоже возьмем. Нам известно, кто они. Если скажешь всю правду – помогу тебе.

Рахим сел за свой стол и, достав из ящика стола диктофон, включил и пододвинул его ближе к Касыму.

– Как тебя зовут?

– Касым.

– Фамилия?

– Саттаров.

– С какой целью 23 августа в 13 часов 30 минут вы поехали в новую махаллу?

– Я ездил туда, чтобы отвезти домой Дильфузу.

– Кто такая Дильфуза? Откуда вы ее знаете?

– Дильфуза – знакомая Дильшода. Они были в новой махалле в пустующем доме. Я забрал ее оттуда и отвез домой.

– И это все? Больше ничего не было?

С этими словами Рахим отключил диктофон, подошел к Касыму и нанес еще один удар кулаком по голове. Касым обхватил голову руками.

– Кому принадлежит испачканная кровью, изодранная женская одежда? Кто еще был в доме? Что, забыл? Если не бить тебя по башке, видимо, не срабатывает?

– Не бейте, братец! Я все расскажу! Ничего не скрою! Все расскажу! – взмолился Касым.

Рахим сел за стол и снова нажал кнопку диктофона. Касым подробно рассказал историю с Дильфузой, не умолчав и об изнасиловании.

Выключив диктофон, Рахим положил его в ящик стола и опять начал задавать вопросы Касыму.

– У тебя есть родители?

– Да, есть.

– Где работает твой отец?

– Заведует амбаром городского мукомольного комбината.

– А мать?

– Там же работает. Главным бухгалтером.

– Кто купил тебе лассети?

– Я сам.

– А ты где работаешь?

– Занимаюсь бизнесом.

– Каким?

Касым промолчал.

– Где работает Дильшод?

– Он тоже занимается бизнесом.

– Где? Каким?

Касым опять промолчал.

– Почему молчишь? Или забыл? Помочь вспомнить?

– Дильшод сказал, что занимается бизнесом, но в подробности не посвящал.

– Чем занимается его отец?

– Его отец мясник в старом городе.

– А братья?

– У него их нет. Он единственный сын.

– А родственники?

– Дядя по матери – владелец магазина запчастей.

– Ты знаком с ним?

– Да, знаком. Караханов. Его в городе все знают. Он ездит на белом мерсе.

В городе только один такой автомобиль. Сначала у него черный ниссан-асима был – он отдал его Дильшоду.

– Значит, дядя любит Дильшода?

– Да, наверное.

– Хорошо, – сказал Рахим, – теперь отдохни.

– Рахим взял с вешалки полотенце, швырнул его в лицо Касыму и сказал:

– Утри физиономию, отряхни одежду и приведи себя в порядок.

Когда тот исполнил приказание, Рахим позвонил и велел увести Касыма из кабинета.

После этого опергруппа и участковый съездили к Дильфузе и привезли ее в отдел, где она рассказала о случившемся. Зафиксировав ее рассказ и велев написать заявление, Рахим послал людей за Дильшодом, Шакиром и Акрамом.

Тем временем приехала Дильбар. Увидев здесь Дильфузу, она подумала, что та пришла в милицию с жалобой, и хотела было задать ей жару.

А чего ей бояться?.. Ну, познакомила она ее с Дильшодом, только и всего. Что, она связала ей руки-ноги и бросила в объятия Дильшода?.. А как подсыпала ей в спиртное снотворное – никто не видел. Этого доказать никто не сможет. Что делать Рахиму в милиции, если он не сможет отмазать Дильбар?! Она столько для него сделала. Только на Дильке он столько долларов заработал! А «доля», которую он получал с других «валютчиков»! это ведь все с помощью Дильбар. Да если что-нибудь с ней случится, так самому Рахиму достанется по уши... Отправят куда следует. С такими мыслями Дильбар вошла в кабинет.

– Что делает здесь эта сучка? Наделала дел да еще с жалобой пришла?

Рахим не поднялся с места и встретил вошедшую довольно холодно. Дильбар нахмурилась и села. Рахим почувствовал, что повел себя неверно, и решил быть приветливее. С ней надо быть осторожнее и не портить отношений.

– Устал я очень. Даже встать с места нет мочи. Столько дел навалилось.

– Что здесь делает среди ночи вон та, чтоб ей сдохнуть!

– Поэтому я и вызвал вас, несмотря на позднее время. Вы в курсе, что сделали с Дильфузой? Несколько человек изнасиловали ее, забрали все драгоценности,

т. е. групповое изнасилование и ограбление. А вы выходите в этом деле организатором. О вас беспокоюсь. Не хочу, чтобы вас посадили. Минимум 15 лет грозит.

Рахим сказал это для того, чтобы Дильбар почувствовала свою вину. Если ее не припугнуть, она будет болтать все, что ей на язык придет. Если же испугается, ничего не станет делать, не посоветовавшись с ним.

После слов Рахима Дильбар побледнела, но сдавать позиций не желала.

– Она сама поехала с Дильшодом. Я ни обманом, ни угрозами не принуждала кинуться в его объятия. Я знать не знаю, куда они поехали и что там делали!

– Вы знакомы с Ферузой?

– С какой Ферузой?

– С Ферузой, живущей в новой махалле?

Дильбар молчала, делая вид, что старается вспомнить, о ком он спрашивает, потом сказала:

– Да, она когда-то приносила на обмен доллары. Только и всего.

– Нам известно, что она оставила вам ключ от ворот. Кому вы отдали его?

Дильбар молчала. Что же ей сказать? Не надо было давать Дильшоду ключ. Вот оно доказательство ее соучастия. Надо сказать Рахиму правду. Он, наверное, не столкнет ее в пропасть. А вообще-то, как знать... Мент же! Все равно надо правду ему сказать. Кто, кроме него, сможет помочь ей? Только он сможет!

– Дильшод взял у меня ключ. А что он сделал? Украл из дома Ферузы что-нибудь? Да Дильшод – богатый парень, даже очень. Наверняка он не пойдет на воровство. Да и что можно украсть из дома этой вонючки Ферузы?.. Старая одежда да постель – вот и все.

– Именно в доме Ферузы все и произошло.

– Дильфуза сама приставала к Дильшоду! Она добровольно поехала с ним. Он увез Дильфузу с ее согласия. Она жадна до денег. А драгоценности, наверное, сама потеряла. Она была пьяна в стельку – на ногах едва держалась.

– Дильфузу насиловали четверо. Дильшод унес ее из вашего дома на руках. Вы сообщили Дильшоду, что он может забрать ее, что она готова – пьяна, в отключке. Вы дали Дильшоду ключ от дома Ферузы. Выходит, что вы являетесь организатором этого преступления. Главный виновник – вы! Вот я и думаю, каким же образом отмазать, спасти вас.

От его слов Дильбар покрылась холодным потом. Руки и ноги ослабли, она откинулась на спинку стула. Поднявшись с места и налив из графина воды, Рахим протянул ей. У Дильбар тряслись руки. Немного придя в себя, она спросила Рахима:

– Что вы посоветуете, Рахим-ака? Вы мой брат. Скажите, что мне делать? Что говорить? У Дильшода денег навалом, он единственный сын! Даст, сколько бы вы ни запросили. И дружки его тоже при деньгах. Я сама буду посредницей и сдеру с них сколько пожелаете. Зачем вам сажать их? Я найду для вас тех, кого можно упечь за решетку. Помогу взять «валютчиков» и торговцев золотом. У вашего начальства тоже есть зубы, которыми хочется жевать – им тоже есть нужно.

– Дело не во мне и не в начальстве. Есть еще заявительница. Мы ничего не сможем сделать.

– Кто заявитель? Дильфуза? Или ее отец? Отец ее алкаш, за деньги всех продаст. Кроме водки ему ничего не нужно. Дильфуза тоже на деньги падкая. Какая ей польза от того, что Дильшод сядет? Она познакомилась с Дильшодом, чтобы денег с него срубить. Я сама с ней говорила об этом. Арестуйте и закройте Дильшода денька на 2-3. Остальное я беру на себя – сама договорюсь о деньгах. У него отец – человек денежный. Всю жизнь мясом торгует: скупает по дешевке дохлятину и мясо больной скотины и продает дорого. В городе у него три мясных лавки. Курятину и окорочка замачивает в воде, чтоб напитались, а потом замораживает, чтоб стали тяжелее и продает. Из дохлятины делает колбасу. Купил старый мясокомбинат. Так что денег у него, чтоб он сдох, куры не клюют. А еще

слышала, что Дильшод и Касым приторговывают наркотой. Шакир – наркоман. В милиции об этом знают. Постовые на базаре зовут его наркошей.

Рахим призадумался. В словах Дильбар было кое-что. Действительно, откуда деньги у Дильшода и Касыма – ведь они нигде не работают? Да машину дядя Дильшоду, наверное, не за просто так отдал... Наверняка они наркотой приторговывают. Это, конечно, следует проверить. Оставим пока этот вопрос. Сейчас надо успокоить Дильфузу, заткнуть ей рот, и выудить у Касыма и Дильшода как можно больший куш. Кому нужен закон, когда на кону большие деньги?.. Дильбар права. Кому какая польза от того, что этих двоих посадят?.. Отец ради единственного сына не поскупится. Это тоже вид наказания. Вовек не забудет. Но следовательно Джалилов – парень упрямый. Его нельзя подкупить. В крайнем случае надо передать дело другому, отстранить Джалилова, но надо, чтоб ничего никуда не просочилось. Есть соседи (СНБ). Надо все продумать, до мелочей, чтобы не было последствий. Прокурора надо подмазать, посоветоваться с начальством.

Видя, что Рахим призадумался, Дильбар поняла, что ее предложение пришлось ему по душе. Это ее немного успокоило.

– Рахим-ака, о чем вы задумались? Дело ясное. Зачем вам сажать Дильшода, если такими денжищами пахнет! Он же не лично вам навредил! Наваритесь да отпустите его.

Рахиму не хотелось, чтобы Дильбар знала о его замыслах. В последнее время она вообще обнаглела. Надо слегка прижать ей хвост, не то на голову сядет.

«Очень хитрая и жестокая бестия. На многое способна. Если будет жива, погубит еще немало людей. Ею надо пользоваться с большой осторожностью», – подумал он.

XVIII

К утру привезли пойманных Дильшода, Шакира и Асада. Рахим и Хабиб допрашивали Дильшода. На вопрос, знаком ли он с Дильфузой, Дильшод упрямо твердил:

– Нет, не знаком.

Когда ему сообщили, что уже известно, что 23 августа на дне рождения Дильбар его познакомили с Дильфузой, он в ответ заявил:

– Да, познакомили. Но потом я ее больше не видел.

Несмотря на то что вина Дильшода была очевидна, Рахиму надо было, чтобы тот сам во всем признался.

– Видимо, у парня вылетело из головы все, что он сделал, – сказал Рахим, обращаясь к Хабибу. Прошло же 7 дней. Естественно, человек может и запомнить. Ты поговори с ним, помоги ему вспомнить. Я скоро вернусь.

После того как Рахим вышел, Хабиб подошел и встал напротив Дильшода.

– Спортом занимаешься? Каким видом?

– Боксом, – с гонором ответил Дильшод.

– Мастер? На вид ты очень силен. На улице тоже дерешься?

– Если разозлят, могу завалить человек пять, – ответил Дильшод, сжав кулаки и сделав боксерские движение.

– По голове не получал сильных ударов? – с сарказмом спросил Хабиб.

– Еще не родился тот, кто мог бы ударить меня, – горделиво ответил Дильшод.

– Силен ты, ухарь! – Хабиб краем ладони ударил Дильшода по шее. Тот, подскочив, ударился головой о стену и свалился на пол. Хабиб встал над ним. Упираясь руками в пол, Дильшод попытался встать. Хабиб с силой пнул его – Дильшод ударился лицом об пол. Схватив его за ворот, поднял голову. Дильшод угрожающе прохрипел:

– Еще ответишь за все ментяра! Выберусь отсюда, тогда поговорю с тобой. Я покажу тебе!

– Видимо, еще не прояснилось в твоей голове, – сказал Хабиб и пнул его в живот.

Дильшод застонал и выматерился. Схватив его за волосы, Хабиб стал бить его головой об пол.

– Ну что, поумнел? Вспомнил о своих деяниях? – спросил он.

Дильшод обмочился, на полу образовалась большая лужа. Хабиб брезгливо поморщился.

– Обмочился, мразь! А еще спортсмен! – сказал Хабиб.

Открыв окно, Хабиб достал из кармана сигарету и закурил. Не спеша докурив и выбросив окурки за окно, он подошел к Дильшоду.

– Говорить будешь? Или еще поддать? Давай, боксер, колись! Не то сейчас выдерну то, чем насиловал Дильфузу, и в рот тебе засуну! – от гнева у Хабиба на шее вздулись вены. – Ты не надейся на своего дядю. Он сюда не доберется. Надо будет, и дядю твоего посажу.

Хабиб дрожал от гнева, не владея собой.

– Говорить будешь? Обмочился, мразь! Весь кабинет обоссал, испоганил. Боксер называется! Чтоб тебе сдохнуть! От одного удара кулаком обоссался! Говорить будешь?! Как насиловать слабую женщину – так ты силен! Или онемел, языка лишился?

Хабиб схватил Дильшода за волосы и прижал голову к столу.

– Убью, погань!

– Братец милый! Ну поступил я как дурак, по молодости сглупил, – взмолился Дильшод.

Тут вошел Рахим:

– Что это с ним? Хотел бежать, упал и разбился, что ли? Или ударился головой о стену?

Хабиб еще не отошел и потому шутку Рахима не оценил.

– Насилует чужую жену, снимает драгоценности. Думает, что может делать все, что ему угодно, что его никто не остановит. Что, думаешь, что тебе все дозволено? Ты настолько могуч?! Думаешь, можешь кого угодно насиловать? – Хабиб все никак не мог справиться со своим гневом.

– Довольно, Хабиб! Кажется, он поумнел, – Рахим сделал знак Хабибу «мол, хватит» и обернулся к Дильшоду: – Надеюсь, теперь ты все скажешь? Вспомнил, наверное, о своих деяниях... Или выдернуть твой язык?

– Скажу, скажу! – прохрипел Дильшод.

– Боль страшна, Дильшодбай, никому не хочется ее испытывать! Вот и Дильфузе тоже наверняка не хотелось. Ты не подумал об этом?

Дильшод молчал. Рахим достал из сейфа диктофон, проверил его перед тем, как нажать на кнопку, предупредил Дильшода, что если он не будет отвечать на вопросы точно и ясно, то будет иметь дело уже с Хабибом, а не с ним, Рахимом, и тогда ему будет гораздо хуже. Дильшод обещал рассказать обо всем без утайки. Рахим нажал кнопку диктофона.

– Вы знакомы с Дильфузой? Когда вы познакомились? Что произошло между вами? Расскажите обо всем с самого начала и со всеми подробностями. Хочу предупредить: если вы во всех деталях расскажете о произошедшем, признаете свою вину, выразите раскаяние, это учтется судом и будет служить смягчающим вашу вину обстоятельством. Пожалуйста, приступайте к рассказу.

Дильшод рассказал все. Допрос длился более часа. Нужные места Рахим записывал на диктофон. Потом, позвав стражу, он велел увести Дильшода в отдельную камеру.

– Идем! Отдохнем чуток! Я на ногах со вчерашнего утра. Отдохнем, потом вернемся. Низаму скажи, чтоб отдыхал у себя в кабинете. Пусть отец Дильшода поищет сына. Если сам не явится, после обеда позвоним ему, известим. Дильшод – единственный сын. Отец – богач. Дядя – миллионер, хозяин рынка запчастей. Говорят, долларов у него – не сосчитать. У отца четыре или пять мясных лавок, колбасный цех. Дохлаятиной и мясом больной скотины торгует, – предложил Рахим.

– Да, есть чем поживиться, – сказал Хабиб.

– С отцом Дильшода будешь говорить ты. Не прогадай.

– Договорюсь. Я сумею! – сказал Хабиб. – Но от того наркомана Шакира ничего не светит. Он даже своим домашним уже поперек горла. Не знают, как от него избавиться. С Асада тоже можно немного содрать. Много лет работает в отделе охраны масложиркомбината, ездит на ласетти.

– Их надо закрыть на пару дней. Как только они окажутся за решеткой, прибегут родители, родственники.

– Если задержать надолго, потом будет трудно освободить. Следовательно изучит материал как следует и воспрепятствует освобождению. Джалилов – парень несговорчивый, неподкупный.

– Джалилову дадим отвод, а дело передадим Амир-аке. Я сам договорюсь с начальством. Если сдерем «лимон», на всех хватит. Прокурору дадим 100, начальнику – 100, следователю – 50, Низаму тоже 100. Мы еще героин не отработали. Кто потреблял его? Где он был куплен? Шакир – наркоман. Он и потреблял «геру» в доме Ферузы. У Дильшода и его дружков еще одно дельце есть. Думаю, что они занимаются наркоторговлей.

– Откуда знаешь?

– Есть такие сведения из источников. Шакир уже не может без «геры». Давеча зашел в камеру, а у него уже глаза закатываются. Ломка началась. Сказал, что не в силах терпеть, умрет. Часов через пять ломка станет нестерпимой, он может взбеситься. Поэтому я предупредил охрану, чтобы в его камеру никого больше не сажали. Допрошу наркошу, как только вернемся. Он много чего может сказать. Надо поговорить с отцом Дильшода.

– Отец Дильшода даст столько, сколько мы запросим. А потом что?

– Как что? Заставим Дильфузу отозвать заявление. Говорят, что она жадновата на деньги. Она и на день рождения Дильбар пошла, чтобы познакомиться с Дильшодом и заработать денег. Но обстоятельства изменились, и она оказалась вот в таком пролете. Если бы Феруза не заявила в милицию о своем доме, Дильфуза никому бы даже не заикнулась о том, что было. Я все продумал. Получив от Дильфузы отказ, мы отправим ее в Россию, к мужу.

– А что с наркотой?

– Сейчас не станем пока это затрагивать. В противном случае, если выйдем на «геру», объем преступлений увеличится и закрыть дело будет невозможно. Мы вообще можем лишиться всего. Дело пойдет в суд. Тогда ничего не сделаешь.

Сначала – Дильфуза. И без наркоты мы загребем немало. Один лимон уже почти у нас в кармане. Зачем нам эти наркотики! Мы только припугнем их и все.

– Шакир слабоват на язык. Он конченный наркоман. При ломке он мать родную продаст.

– Эту сторону дела обдумаем потом. Шакир, если станет мешать... Есть такое понятие «передозировка».

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Гавхар НОРМАТОВОЙ

Гавхар НОРМАТОВА

Родилась в 1951 г. в Бухаре. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). Переводчик с узбекского, русского, турецкого, азербайджанского языков. Член СП Узбекистана.

философия искусства

«СОГДИАНА» – ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Звучание оркестра узбекских национальных инструментов знакомо каждому с детства: узбекская народная музыка, произведения композиторов Узбекистана, переложения и обработки популярной музыки народов мира... Всё это стало привычной частью нашей повседневной жизни. Растёт количество профессиональных, учебных, любительских оркестровых коллективов, ведущих активную концертную деятельность. Импульсом к этому во многом служит плодотворная творческая деятельность Узбекского Государственного камерного оркестра национальных инструментов «Согдиана», являющегося ровесником независимости. Данный коллектив был создан в сентябре 1991 года по инициативе заслуженного деятеля искусств Узбекистана профессора Фирузы Равшановны Абдурахимовой, замечательного музыканта и организатора.

В условиях суверенного государства в период интенсивного возрождения национальных традиций и духовных ценностей появление исполнительского коллектива «Согдиана» ознаменовало начало качественно нового этапа в развитии узбекской музыкальной культуры. Используя достижения музыкальных культур народов мира, оркестр «Согдиана» органично соединил богатейшие исторические исполнительские традиции и тенденции современного развития узбекского музыкального искусства, отвечая тем самым основным положениям национальной идеи. «Мы опираемся на богатую духовную культуру народов Узбекистана, – утверждал первый президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, – его уникальное историческое прошлое, бесценное философское и нравственное наследие, и мы открыты для взаимодействия различных культур, их диалога и взаимообогащения».¹

Возникновение «Согдианы» стало важным фактором интенсивного роста оркестрового исполнительства в республике. Молодой исполнительский коллектив сразу же обратил на себя внимание музыкальной общественности. И это неудивительно, ведь состав его участников самого высокого

**Азатгул
ТАШМАТОВА**

Кандидат искусствоведения, доцент Государственной консерватории Узбекистана. Родилась в 1959 г. Окончила Ташкентскую консерваторию по классу дирижирование оркестром народных инструментов. Директор научно-производственной экспериментальной лаборатории «Миллий чолгу». Автор 2-х монографий, нескольких учебно-методических пособий и научных статей.

¹ Каримов И. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. – Ташкент, 1995. – С. 133.

класса – преимущественно лауреаты международных и республиканских конкурсов, выпускники, педагоги и студенты – воспитанники восточного факультета Государственной консерватории Узбекистана. В оркестре представлено около 20 разновидностей узбекских народных инструментов: рубабы, дутары, уд, най, сурнай, кошнай, чанг, ударные инструменты. Художественному руководителю и дирижёру коллектива Ф. Абдурахимовой пришлось немало потрудиться, прежде чем тщательно отобранные ею музыканты научились слушать и приспосабливаться друг к другу, чтобы создать то, что называется «коллективным тоном», и без чего, как известно, невозможно решение сколько-нибудь серьёзных творческих задач.

За 25 лет своей деятельности оркестр «Согдиана» сумел зарекомендовать себя как коллектив растущий, обладающий собственным творческим лицом. «Согдиана» – первый национальный исполнительский коллектив, культивирующий различные формы музицирования, осваивающий различные жанры, современные исполнительские приёмы игры. Оркестр владеет разнообразными музыкальными стилями и блестящей техникой. В его игре ощущается увлечённость, чувствуется, что каждый из оркестрантов находит большую радость в совместном музицировании. Со вкусом подобраны программы, включающие и традиционную музыку, и сочинения современных композиторов Узбекистана: М. Бафоева, Ф. Алимова, Д. Сайдаминовой, А. Мансурова, Н. Нарходжаева, А. Эргашева, зарубежных композиторов: И. С. Баха, Г. Ф. Генделя, П. Сарасате, А. Пьяццоллы, Г. Свиридова, В. Гаврилина.

С оркестром выступают заслуженный артист Республики Узбекистан солист ГАБТ оперы и балета имени А. Навои Ю. Жданов, исполняющий итальянские, русские, украинские народные песни; своеобразный вокально-инструментальный дуэт М. Бекжановой и Д. Мирзаевой, замечательно исполняющих знаменитую лирическую песню-танец «Тановар», шуточную «Омон ёр», популярные народные мелодии. Большим успехом у слушателей пользуются народные инструментальные мелодии, прекрасно звучащие в исполнении солистов оркестра. Такова колоритная старинная узбекская мелодия «Хануз» в элегичном тембре солирующей ная в исполнении Бекзода Тураева. В новом темброво-колористическом и эмоциональном ключе зазвучало в исполнении Б. Тураева соло ная в виртуозной пьесе «Шутка» И. С. Баха. Блестяще исполняет Фантазию П. Сарасате на темы оперы Ж. Бизе «Кармен» чангист Д. Муталов. Выразительно звучит задумчивая народная мелодия «Оромижон» в красочной обработке А. Ливиева. Она воспринимается как оригинальная сюжетная картинка, наполненная неповторимым ароматом сельского быта, увлекающая достоверностью изображаемого. Каждое произведение, исполняемое оркестром, характеризуется яркой эмоциональной образностью, красочностью тембров, богатством художественно-эстетических ассоциаций. Узбекские народные инструменты – най, чанг, рубаб, уд, дутар, дойра – предстают перед слушателями как воплощение сущности национального, как выражение души узбекского народа.

Известные народные мелодии звучат в самобытных оркестровых тембрах, расцвечиваются необычными красками, поворачиваются новыми гранями. Обогащенные современными звуковыми красками, одухотворённые талантом, художественной силой исполнительского коллектива, они становятся живой музыкой нашего времени и, обновлённые, с концертной сцены обращаются к широкому кругу слушателей не только из Узбекистана, но и из-за рубежа. Своим искусством оркестр «Согдиана» покорила слушателей Германии, Франции, Испании, России, Казахстана. Коллектив проводит большую просветительскую работу: знакомит представителей различных государств мира с узбекской музыкой,

демонстрирует достижения исполнительского искусства на узбекских народных инструментах, которое благодаря их модернизации стало более совершенным и многогранным.

Важной датой в истории коллектива стал 1996 год, когда оркестр удостоился звания лауреата Международного фестиваля и получил Сертификат признания высокого профессионального уровня в городе Логроньо (Испания). «Я совершенно случайно узнала об этом фестивале, – сказала в беседе с автором статьи Фируза Равшановна, – он меня очень заинтересовал, захотелось принять участие. Надо сказать, что данный фестиваль плекторной музыки уникальный, единственный во всем мире».

Огромного успеха достиг коллектив в 1998 году, участвуя в VII Международном фестивале арабской музыки в Каире, где его визитной карточкой была знаменитая «Лунга» Риад Ас-Сунбати. Она вначале исполнялась арабским ансамблем, а после первого же концерта стала звучать только в интерпретации «Согдианы», что говорит о глубоком понимании узбекскими музыкантами арабского произведения.

В 2001 году был проведен I Международный фестиваль ансамблей и оркестров народных инструментов «Тошкент баҳори – 2001», в котором участвовали исполнительские коллективы из Франции, Индонезии, Татарстана, Казахстана, Кыргызстана. Необходимо отметить, что одним из самых ярких и впечатляющих событий фестиваля явилась выставка узбекских народных инструментов, которая продемонстрировала неисчерпаемое богатство и эстетическую ценность, с одной стороны, традиционных исконно народных инструментов, а с другой – современных узбекских народных инструментов, свидетельствующих о возросшем уровне научного конструирования и производства экспериментальных инструментов силами опытных мастеров научно-исследовательской экспериментальной лаборатории «Миллий чолғу» при Государственной консерватории Узбекистана.

Всемирная известность «Согдианы» обусловила интенсивный рост международных связей, творческое общение с коллективами и солистами самых разнообразных направлений. Таковы, в частности, совместные выступления «Согдианы» в 2002 году с рок-группой Iron Horse (Великобритания), с певицей Саадет Туркёз; с группой кантри Old Grey Goose, преподавателями Делийского Университета, ансамблем Токийского Университета в 2003 году, с американской джаз-группой под руководством Адама Клиппла (США) в Ташкенте, с японскими музыкантами Ёнаха Тору и Тикахаси Тикудо в 2004 году в Японии. Особенно интересной была творческая встреча «Согдианы» с Джаз-трио Арне Янсена (Германия) в рамках «Недели Баварии в Узбекистане» в 2010 году. После недели совместных репетиций Джаз трио Арне Янсен и «Согдиана» дали совместные концерты в Ташкенте и Самарканде. Узбекские и немецкие музыканты покорили слушателей ярким темпераментом, чарующим звучанием, необычными тембрами.

«Согдиана» – коллектив, способный исполнять музыку самых разных стилей и направлений, не только сложные современные партитуры, но и популярную, широко известную, в тембрах узбекских народных инструментов обретающую новую жизнь. Таковы концерты-шоу «Любимые песни о главном», состоявшиеся в 2008 и в 2009 годах в Ташкенте. Многопрофильная универсальность репертуара «Согдианы», охватывающая узбекскую национальную и европейскую классику, современную музыку, популярную, эстрадную, джазовую, музыку народов мира, делает этот коллектив поистине уникальным явлением современной музыкальной культуры.

Сферы деятельности «Согдианы» постоянно расширяются: открываются новые направления, осуществляются творческие проекты, достигаются интересные художественно ценные результаты. Такова, в частности, линия театрализации, наметившаяся в «Западно-восточном диване» по Гёте Д. Сайдаминовой и получившая развитие в музыкальной композиции «Диаглесса» М. Атаджанова, успешная премьера которой состоялась в 2009 году на сцене Большого зала консерватории. В этом сочинении узбекские народные инструменты играют важную драматургическую роль в развитии сюжетной линии, проводят мысль о философской и гуманистической сущности искусства.

В числе основополагающих перспективных направлений жизнедеятельности оркестра важное место занимает работа над строем, интонацией, ритмическим ансамблем, штрихами и приёмами игры, выразительностью исполнения. В интонационной, ритмической и ладовой сферах исполнения проявляется семантика национального мироощущения, исконные основы наследия, передаваемого от поколения к поколению и обогащаемого опытом каждого нового этапа в развитии музыкального искусства.

Стремление донести музыку до сознания слушателя, заинтересовать его исполнительским мастерством – основополагающие принципы оркестрового коллектива. Немаловажную роль играют экспериментальные поиски современных выразительных средств, почерпнутых из богатейшего источника народного инструментария (в результате чего возникают новые звуковые возможности), из взаимодействия узбекского оркестра с инструментальной культурой других народов мира, искусством этноджаза. Освоение разнообразных пластов национального и зарубежного искусства, как древнего, так и современного, открывает широкие перспективы развития национального музыкального искусства, активного вхождения его в мировое сообщество.

Среди множества творческих задач, стоящих перед оркестром, важнейшей является воспитание нового поколения слушателей, приобщение к искусству «Согдианы» детей и юношества, формирование их слухового опыта на репертуаре коллектива. Хотелось бы, чтобы оркестром восхищались не только за рубежом, и не только специалисты, но и самая широкая, постоянная и благодарная молодёжная аудитория слушателей.

«Литература и искусство являются эффективным средством влияния на сознание людей в приобщении их к богатым культурно-историческим и духовно-нравственным ценностям, сокровищам мировой цивилизации. Главной задачей литературы и искусства должно стать воспитание всесторонне развитой, духовно богатой личности»¹.

Практика музыкального воспитания показывает, что глубокое проникновение в художественное содержание, смысловую сущность произведения искусства достигается только в том случае, если слушатель может открыть в музыке эстетически значимое для себя, отвечающее его духовным потребностям. Именно этому в немалой степени способствует оркестр узбекских народных инструментов, синтезируя традиционное и современное, являясь проводником национальной идеи, выразителем национального менталитета.

¹ Идея национальной независимости. Основные понятия и принципы. – Ташкент, 2003, с. 64.

литературоведение. литературная критика

КОНЦЕПЦИЯ ЖЕРТВЫ И ЖЕРТВЕННОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

В антиномиях «бунт/смирение» и «преступление/наказание» вопрос о жертве и жертвенности, возможно, один из самых значимых. То, какую жертву готов принести Раскольников, означает степень его катарсического принятия веры и смирения. То, какую жертву готов принести Акбар во имя обретения истины смирения, означает ценность его бунта, который, по сути, и есть его жизненный путь. Однако в романе «Бунт и смирение» значимость самого бунта, как и его ценностное содержание, практически не обозначены, как, например, в теории Раскольникова осуществлена «точечная» аксиологическая центрация («доказать «тварь дрожащая или право имею»). У. Хамдам концентрирует своего «бунтующего человека» на осознание истины, но вновь не проясняет какой. Путь как бунт и есть высшая «теоретическая» точка учения табиба – героя-мудреца, архетипически воплощающего в романе знак Высшей мудрости: «Разве я не пожертвовал своей жизнью этим поиском? – думал табиб, показывая Искандеру ветки, которые необходимо срезать, и придерживал их, помогая юноше. – Ни семьи, ни семейных радостей и забот, ни желания наслаждаться жизнью, ни сожаления. Всё словно сгорело в пламени и превратилось в пепел, не оставив следа. Теперь этот огонь пожирает Акбара, превращает его в пепел. Он, как и я, отказался от радостей семейной жизни, общения с детьми. Без дома, без родины, без стремлений, без цели слоняется как бродяга. Вот уже десять лет, как он покинул кишлак, ему уже за сорок. А он всё там, где был, доныне не устроил себя. И тот самый внутренний огонь всё ещё пылает в нём. И вся беда в этом огне, Мятежном костре, в его Бунте...»¹.

Путь не к Бунту, а путь как Бунт – вот концептуальное зерно учения табиба, которое он передаёт своим ученикам. Путь, приводящий к Богу через Бунт (это жизнь табиба, Акбара), в принципе, равнозначен пути смирения

**Наталья
ПЕТРУХИНА**

Доцент кафедры
УзГУМЯ. Родилась
в 1960 г. в Таш-
кенте. Окончила
РПРЯиЛ (ныне
УзГУМЯ) и аспи-
рантуру при нем.

Автор многочис-
ленных литературо-
ведческих статей и
трех монографий
по русской класси-
ческой литературе
и методике ее пре-
подавания в вузе.

¹ Хамдам У. Бунт и смирение. Роман. – Ташкент: Zar qalam, 2006, с. 87.

(жизнь вечного труженика Турсунбая), также ведущему к Богу. И такова ключевая идея романа, озвученная табибом – «И я познал смысл жизни, смысл рождения и смерти: он в смирении, в принятии своей человеческой судьбы. Но это не слепое примирение, а идущее от постижения и понимания. Великое смирение – как бы осознанное подданство Создателю. Потому что мой бунт или, скорее, мятеж вошёл как часть в моё смирение и приобрёл совершенно другой смысл, другое значение»¹.

У. Хамдам не даёт координат ценностно-аксиологического плана, но определяет бесконечную ценность самого пути как высшего критерия осознания личностью своей значимости в этом мире. Не столь важно, бунт или смирение ведут человека к катарсическому прозрению, значим сам момент обращённости к Богу. Именно к этому моменту и стремится привести Раскольникова, который не может принять смирения вне теории, Сонечка. Бунт на основе теории Раскольникова – это не путь, а данность. Смирение на основе идеи всепрощения и благодати Сонечки – это путь. Не случайно в романе присутствуют два образа пути – «закрытого» (локализованного Достоевским в пространстве города с его лестницами и перекрёстками), ведущего к бунту, и «открытого» (это путь Раскольникова на каторгу через всю Россию, проделанный вместе с Сонечкой), приводящего Раскольникова если и не к окончательному смирению и вере, то хотя бы к принятию страдания и любви.

Функция образа проститутки Дианы в романе «Бунт и смирение» во многом совпадает со значением образа Сонечки. Это подчёркивает и известный литературовед М. Н. Холбеков: «Ясно одно – воскрешение души его возможно лишь при искреннем покаянии. Автор подводит Акбара к пониманию того, что единственным путем к духовному воскрешению может быть смирение и признание заповедей Всевышнего. Надежду ему подает Диана. Она для него становится символом жизни и веры в Бога и людей. Противопоставляя бунтарство Акбара смирению и прощению Дианы, писатель в своём романе оставляет победу не за безропотной тётей Ларисой, не за бессловесно страдающей Дианой, не за смиренным Турсунбаем-Жонталашем, а за Акбаром, видя в нём силу и правду. Акбар не в состоянии вынести мучений совести: преступление его приводит к наказанию, которое к нему приходит с осознанием своего поступка. В смирении Дианы он видит путь к спасению и искуплению своей вины»².

Несомненно, что смирение Дианы – это смирение слабого человека под натиском того житейского хаоса, которому он не может противостоять. В отличие от этого смирение Сонечки – это духовная сила, способность в житейском хаосе противопоставить своё Я злу и озлобленности. Смирение Сонечки перед Богом означено как бунт против социальной несправедливости. Смирение Дианы обозначено именно покорностью и, скорее, сломом духовным под натиском этой самой социальной несправедливости. Хамдам сознательно, на наш взгляд, «уводит» Акбара от Дианы, поскольку она не даст ему того катарсического воскрешения, которое дала Сонечка Раскольникову. Мы согласны с М. Холбековым в том, что речь идёт не о религиозном смирении, а о примирении с обстоятельствами, которые нельзя изменить. И, соответственно, не о том благородном восстании, о котором идёт речь в книге А. Камю «Человек бунтующий», а о мелком «перевороте» в собственной жизни, когда так хочется изменить хоть что-нибудь»³.

¹ Хамдам У. Бунт и смирение. Роман. – Ташкент: Zar qalam, 2006, с. 87.

² Холбеков М. Н. Между бунтом и смирением (Странные герои Улугбека Хамдама). – <http://www.ulugbekhamdam.uz/roman/bunt.html>.

³ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990, с. 163.

И в этом плане Раскольников и Акбар равны между собой, поскольку бунт имеет ценностный смысл не в точке возникновения, а в точке свершения как доказательства своей завершенности. Бунт Раскольникова – это всего лишь преступление, бунт Акбара – вечный путь поисков. По Камю, истинно «бунтующим человеком» может быть назван Иван Карамазов, пребывающий в пути, допускающий преступление, но идущий до конца в своем бунте, ибо «подлинный успех бунтарского духа» заключён в вопросе «Можно ли жить и сохранять себя в состоянии бунта?» – «Иван даёт возможность угадать его ответ: жить в бунте можно, только доводя его до конца»¹.

По сути бунт и Раскольникова, и Акбара направлен против социальной несправедливости, против мира, в котором им нет места. Оба они пребывают в поисках своего места в «счастливой жизни», и их попытки доказать свою состоятельность обусловлены, в первую очередь, противостоянием миру своего Я и страхом превратиться в того самого НИКТО, который мир бы смог переделать, изменить его к лучшему – со-творить, подобно Богу. Алёша Карамазов, один из наиболее приближенных к Богу героев романа «Братья Карамазовы», так объясняет своё «бунтарство»: «Я против Бога моего не бунтуюсь, я только мира его не принимаю...»².

Например, именно с этой идеей мы связываем и параллельную сюжетную линию «библейской» истории о сотворении мира, которая составляет прафабульную канву романа «Бунт и смирение». Оторванная на первый взгляд от основной повествовательной линии (о жизни и бунте Акбара) библейская история о сотворении Богом мира и человека призвана разграничить аксиологические статусы «бунт против Бога» и «бунт против мира». Человек, согрешив в своём стремлении познания, ослушался Бога и был им низвергнут в мир земной: «Жизнь в изгнании привела Адама к повиновению. Ангелы сообщили Создателя и просили его помиловать Адама.

– Хорошо, – сказал Господь в ответ. Я приму его раскаяние. Но его потомки должны пройти тот же путь покаяния, осознания, понимания, и тех, кто придёт к повиновению и послушанию, я помилю. Потом, когда Адам согласился с несколькими повелениями Создателя, Господь принял его покаяние. Конечно, он милостив и милосерден».³

Человек, по мысли автора романа «Бунт и смирение», по Высшему замыслу должен пройти свой путь от бунта к смирению, и в том заключено предопределение свыше. Только так человек способен познать границу между добром и злом, счастьем и несчастьем, и в этом заключена высшая Человеческая Мудрость.

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990, с. 163.

² Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 9, с. 382. – Л.: Наука, 1991.

³ Хамдам У. Бунт и смирение. Роман. – Ташкент: Zar qalam, 2006, с. 121.

литературоведение. литературная критика

**Елена
КАМИНСКАЯ**

Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Родилась в 1978 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей по проблемам русскоязычной литературы в Узбекистане.

«ТАШКЕНТСКИЙ РОМАН» СУХБАТА АФЛАТУНИ

(герменевтический¹ и аксиологический² аспекты)

«МОЙ ТАШКЕНТ» И «АБСОЛЮТНАЯ ДИАЛОГИЧНОСТЬ»

У каждого, кто живет в Ташкенте, есть свое представление об этом родном месте, свои слова и впечатления, свои события, мысли и чувства. «Свой Ташкент» есть у каждого, кто проникся духом этого древнего города, кто проник в его душу, полную удивительных по теплоте и родственности красок, обладающих живительной силой и дающих надежду.³ Как нам кажется, именно идея «Моего Ташкента» (или чувство «Моего Ташкента») должно стать отправной точкой при знакомстве с «Ташкентским романом» Сухбата Афлатуни. Прочтение этого произведения можно сравнить с археологическими раскопками, когда желание проникнуть вглубь веков настолько сильно овладевает участниками экспедиции, первооткрывателями чудесных в своей древней первозданности артефактов, что грань, разделяющая века, стирается, и люди оказываются в пространстве «абсолютной диалогичности». Единственное, что требуется от нас, чтобы настроиться на волну «Ташкентского романа» – это желание диалога, желание понимания самой сути того, что есть мир вокруг нас, под нами, в нас. В зависимости от того, насколько мы готовы принять тот или иной объем информации, нам откроется первый, второй, третий повествовательные пласты романа. В любом случае диалог состоится и это будет одновременно всечеловеческий и сокровенно-личностный диалог. Поскольку первый шаг в данной статье несет в том числе и теоретическое знание, то воспользуемся классической литературоведческой формулой М. Бахтина: «Быть – значит общаться»⁴. Мы живем, и диалог пульсирует вокруг нас и в нас. Диалог есть момент осознания жизни, он – шум жизни. Мы зависим от диалогической ситуации, которая развивается вокруг нас. Но мы одновременно и создатели ее.

¹ Герменевтика – наука истолкования текстов, первоначальный смысл которых неясен в виду их древности или неполной сохранности.

² Аксиология – философское учение о природе социально-эстетических ценностей, а также обшая теория ценностей.

³ Давшан А. Н. Азия в русской литературе XX века. – Т., 2011.

⁴ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.

«КАРТА ГОРОДА» И «КАРТА ПАМЯТИ»

Перед нами замечательный образец современного романа: обрывочные мысли, «болтающиеся» сегменты текста, развевающиеся на ветру времени. Все это «современный роман», собирающий мир в текст и создающий иллюзию «абсолютной безграничности», теряющей необходимость в установлении точного времени и пространства. Хотя именно пространство и время для общего хода повествования играют решающую роль. На основе этих первоэлементов бытия формируется главная авторская идея о многогранности мира и «единстве в многообразии». Эти же категории позволяют в полной мере реализоваться принципам мозаичности (на композиционном уровне) и монтажности (на сюжетном уровне). Собрать мозаику – это то же самое, что составить как можно более полное представление о концепции произведения. Собирая мозаику, читатель решает одну-единственную, но самую главную задачу: необходимо правильно расположить сегменты мозаики. Это напрямую зависит от понятий «пространство» и «время». В литературоведении эти понятия объединяются в один термин – «хронотоп» (М. Бахтин). В качестве теоретической доминанты в данном термине установка на целостное восприятие времени и пространства. В произведении, особенно если речь идет о современном романе, сложно правильно определить удельный вес каждой из двух указанных категорий в хронотопе. «Смешав» пространственно-временные пласты, автор задал направление для размышлений читателя. Действительно, что важнее – быстротечные мгновения настоящего или исчезнувшее, но постоянно о себе напоминающее прошлое? Как будут расположены на мозаичном панно все эти детали – решать читателю, который по законам «современного романа» обязательно наделяется функцией соавтора. Для «удобства» прочтения романа автор «создает невидимую карту». Раз есть город, то обязательно должна быть карта города. Фрагментарность повествования словно пунктирная линия на карте. Движение по карте – путь философского постижения пространства и времени во всем многообразии их взаимопересечений и взаимовлияний. Главная же задача – поиск пещеры, в процессе которого возможен переход на новую ступень сознания. Что такое пещера, где она находится на карте и находится ли вообще. Из наиболее близких по смыслу понятий мы назовем память. Это уникальное качество, дающее ощущение целостности, гармоничности окружающего мира. Карта города переходит в карту памяти. Поиск места неизбежно приводит человека либо к воспоминаниям о том, что уже было, либо к пророчеству о том, что будет. Карта города – блуждания по лабиринту с ярко выраженными пространственными параметрами. В лабиринте, как ни в одном другом месте, ощущается присутствие ограничений в виде стен и бесконечной цепи порогов, преодолевая которые мы продвигаемся в направлении, часто неизвестном. В лабиринте нет времени, так как это царство бесконечности. Поэтому у того, кто вступил в лабиринт, должна быть карта памяти, основанная на времени, дающая ощущение связи между прошлым, настоящим и будущим. Без памяти человек обречен на одиночество и бесконечное блуждание по лабиринту. Память – путеводная нить. Она же – пуповина, возвращающая в родное материнское лоно.

«ПУНКТИРНОСТЬ», «ИЗНАНОЧНЫЙ ШОВ» И «ОЩУЩЕНИЕ ПЕШЕРНОСТИ»

Сюжет строится покадрово – из разнонаправленных во времени и пространстве событий. Событийный ряд посредством приема монтажа монтируется в одно целое, хотя остается ощущение склеивания. Сюжет как бы вывернут изнаночным швом наружу. Постоянно натываясь на шов, читатель пребывает в неослабевающем напряжении. Следует проявить особую внимательность, чтобы сохранить целостность

восприятия пунктирного повествования, предложенного автором. Возвращаясь к категориям «время» и «пространство», отметим их тяготение друг к другу, что образует в романе хронотопическое единство.¹ Поскольку эти категории важны для данного произведения, то следует говорить и о наличии особого рода «хронотопической идеи» или «хронотопе» как идее, хронотопе как точке зрения. Образ времени вполне осязаем. Делая образ Времени зримым, автор вводит в произведение элемент фантастики: *«Просто небольшое откровение... Дживака присвистнул и, быстро вытащив откуда-то из складок зимней рясы конскую плетъ, хлестнул себя по плечу. Эхо разнесло и размножило свистящий звук удара, быстро переросший в другой, похожий – хлопающих крыльев. В келью влетел дракон и опустился подле Дживаки, едва не загасив крылом огонь светильника. – Это вот Зарви, одно из воплощений Времени, – Дживака поглаживал дракончика по лысому лбу, словно собачку. – Он никому не причиняет зла, никогда не приходит без спросу. Он скромненький, и божеством себя не считает... Вообще ничем себя не считает... Маленькое чудовище печально посмотрело на Винаяку и беззвучно открыло пасть, похожую на змеиную, только без зубов...»*.²

Пространство и время сосуществуют в ситуации «единораздельной целостности». Перемещение осуществляется героями по горизонтали в «реальном» времени. Карта перемещения героев словно размечена авторским пунктиром. События, как листы старинной книги, пострадавшей от времени, но сохранившей, пусть и в отрывочном состоянии, нужные для человечества сведения. Ее ценность и ценность сохранившейся в ней информации подчиняются булгаковскому афоризму «Рукописи не горят», как и феномен высших нравственных ценностей не теряет статус жизненной необходимости. Благодаря не покидающему читателя «ощущению пещерности», т. е. содержащейся «за кадром» информации, требующей особого взгляда «изнутри ситуации», создается ситуация постоянного поиска, путешествия в бесконечные глубины смысла тех или иных образов, предметов, явлений.

УСТАНОВКА НА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ. «СПАСЕНИЕ МИРА» И «ЖЕНСКАЯ КРАСОТА»

Самый «живой» образ романа – образ женщины. Живой он по нескольким причинам. Она естественна. Она дает жизнь и дарует любовь. Вместе с тем отметим, что героиня романа необычна и неоднозначна. Что примиряет нас с таким странным и даже порой «нелепым» образом женщины? Ее вынужденное одиночество. Лаги одинока по определению. «Отсутствуют» родители, друзья, враги, муж и любовники. Все они проносятся мимо, почти не задевая ее своими причудливыми изгибами тел, судеб, слов. Героиня молчалива и равнодушна одновременно. Плывущая по течению жизни, она одновременно в гуще событий и судеб и вне этого празднично-ширкового безумия. Такая героиня не может не разочаровать читателя, ожидающего трагических метаний в стиле русской классики XIX века, очищающих, катарсических всплесков в стиле Достоевского, хотя лейтмотив романа перекликается с идеей Ф. Достоевского. *«Красота спасет мир...»* А кто спасет красоту? Ответ на этот вопрос и есть суть женского образа в романе Афлатуни. Красоту спасет ребенок. Именно тот факт, что у героини есть маленький сын, следующий за ней неотступно, как маленький ангел-хранитель, заставляет видеть глубину и бесконечность в прямолинейном и довольно бледном на первый взгляд женском образе: *«Султан, едва родившись, заполнил своим светом все пустоты и сквозняки, образованные недавними потерями. Господин ребенок...»*.³ Героиня по-восточному сдержанна. Это особого

¹ Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.

² Сухбат Афлатуни. Ташкентский роман //www. readli.net.

³ Там же.

рода равнодушная скромность, которой должна обладать как особым искусством восточная девушка, искусство сокрытия чувств и мыслей, их замена покорностью и молчаливостью. Какая эмоциональная река бурлит в душе героини, заставляя сердце биться и ударять в самый мозг фонтаном чувств, идей, поступков? Можно пройти от начала до конца весь пунктирный путь, словно по карте города, прочерченный заботливой рукой автора, и не почувствовать, что под ногами, под робким карандашным пунктиром живет и бьется пещерное чудовище. Главная героиня – мать. В этом ее спасение. В этом ее величие. Красоту спасает именно материнство и сопутствующие ему понятия – любовь, добро, забота, ответственность. Это красота, которая действительно спасает. Спасает умиротворением, гармонией, высшей истиной, которая скрыта в абсолютно простых и обыденных вещах. Мать привозит из поездки своему ребенку игрушку. Она и сама «играет» с пушистым фиолетовым зайцем, словно наверстывая упущенное в далеком детстве: *«Куенча, а куенча», – позвала Лаги зайцеобразное чудо-юдо. Пошевелила его лапками с розовыми подушечками, потом стала вертеть зайца, как будто он танцует. Тихо стала напевать»*.¹ В связи с образом матери, выбирающей игрушку для своего малыша, вспоминается картина Ал. Волкова «В культмаге», где этот процесс трактуется художником как некое священнодействие, что и было отмечено исследователем М. И. Земской: «Духовность и святость материнства, скромность и проникновенность женщины с игрушками в руках превращает бытовую сцену посещения культмага в священнодействие. Смуглое потупленное строгое лицо женщины прекрасно внутренней жизнью. Она держит всего лишь игрушки, но с той же бережностью и нежностью, с которой держала бы дитя. Она несет своему ребенку мир. Новый, веселый, счастливый и серьезный будущий его мир...»². Автор романа предлагает несколько живописных параллелей: полотна Рафаэля Санти, Леонардо да Винчи. Мы бы продолжили ассоциативный ряд современными полотнами: «Петроградская мадонна» Петрова-Водкина, картина Ал. Волкова «Мать» (1926), картина «Дедушка и внук» (1926), где мотив материнства в соответствии с восточными традициями «передан» старшему родственнику. Дед держит маленького ребенка, так же нежно, как и мать. «Для Востока, для Средней Азии старик с внуком – картина не менее обычная и трогательная, чем мать с младенцем... Из-за неправильного произношения героиня «Ташкентского романа» произносит «Чаконда»: *«Чакона», догадалась Луиза. «Чакона Баха... Или – Чаконда? Нет, Чаконда – это у Рафаэля», и вспомнила туманную девушку в темно-коричневом наряде. Говорили, что Лаги на нее похожа. – Нет, не Рафаэля, а Леонарда, – вслух поправила себя Лаги...»*. В любом случае Лаги с Султаном словно живописное полотно, которое проходит сквозь столетия, не теряя своей мудрости, простоты. В новом слове соединились музыкальный жанр «чакона» и всемирно известный образ «Джаконды» («Мона Лиза» Леонардо да Винчи). Упоминание именно чаконды подтверждает наличие множества вариантов одного образа, так как чакона – это торжественная музыкальная пьеса, в которой варьируется одна тема так же, как и героиня «Ташкентского романа», сменившая данное отцом имя Луиза на более естественное, природное Лаги, тем самым создав несколько вариантов на одну тему – тему жизни женщины. В «переходе» от Луизы к Лаги участвует имя Лиза: героиню сопровождает музыкальный мотив бетховенской «К Элизе» (Луиза-Лиза-Лаги). Европейский код присутствует в жизни героини как одно из возможных пространств, которое существует благодаря письмам, благодаря жизни отца и его отцовскому проклятию, благодаря «утерянному» паспорту с ненавистным именем. Все это события, ушедшие в далекое прошлое и возвращающиеся из него при первой же необходимости. Эта линия довольно ненавязчива. Автор словно предлагает читателю взять только то, что действительно необходимо, нужно. Собственно говоря, так поступает и сама героиня.

¹ Сухбат Афлатуни. Ташкентский роман // www.readli.net

² Земская М. И. Александр Волков. Мастер «Гранатовой чайханы». – М., 1975. – С. 66-67, 58, 80, 86.

Ее отношения с отцом приведены в «полный порядок», в соответствии с восточными традициями. Сам «обряд прощения» не становится для нее главным событием жизни. Героиня по-особому равнодушна, отрешена от происходящего. Это другая реальность, пространственно-временное образование, созданное ее отцом, где у нее было чужое-чуждое имя Луиза. Парадокс заключается в том, что толчок для смены имени связан с мужем героини, который, став странствующим философом, прихватил «на память» паспорт жены, не позаботившись о последствиях столь сентиментально-опротечивого поступка. Так Луиза переродилась в Лаги. Материнство Лаги прекрасно в своей сдержанности. Кажется, что ее не касаются сложности жизни, они словно обходят стороной мать и ее ребенка, а возможно, отстраняются чьей-то заботливой рукой. У каждого человека есть ангел-хранитель, недремлющее око, хотя порой и этот «неземной образ» может иметь комические черты. Таким предстает перед читателем ангел свекрови главной героини: *«...Включенное на минимальный звук радио заверило ее, уже спящую, что вот только что она прослушала первую часть чьей-то шестой симфонии. Сидевший рядом, скрестив по-турецки ноги, ангел свекровино снa бесплотно кивнул. Мы продолжаем наш концерт. Ангел выжидательно поднял наусьмысленные брови и еще раз кивнул. Бетховен, "К Элизе". Свекровь перешла на мягкий, с подсвистываниями, храп. Усилившийся степной ветер заболтал прищепками на бельевых виселицах за окном...»*.¹ Действительно, от серьезного до смешного – один шаг. Черты комические соседствуют с чертами трагическими. Линия отношений между Лаги и матерью покинувшего ее мужа полна противоречий. Сложности в общении сглаживаются благодаря мягкому, словно воск, характеру героини. Эта мягкость особого рода. Героиня как носитель высшей истины (знания) оказывается вне конфликтов, интриг, хитросплетений обыденной жизни и обывательских шаблонов. Героиня – носитель идеи материнства (таинства материнства). Ребенок, который находится возле нее – носитель идеи духовного возрождения. Вокруг его колыбели – Вселенная: *«...Султан просыпается и несколько секунд видит перед собой вселенную...»*. Вокруг маленького героя – пространство гармонии. Великая в своей гармонии, простоте (незатейливости линий и мыслей) и красоте фигуры женщины поставлена выше времени и пространства. Нет никаких сомнений в ее избранности (или «богоизбранности»). Соединенные чьей-то невидимой рукой, слитые (подобно ярким мазкам красок на полотне) в одно целое Лаги и Султан подобны древнейшему божеству: *«...она снова входила в озеро, держа на руках Султана, играющего на флейте...»*. Носителями «хронотопической» идеи в романе являются два образа – пещера и сама главная героиня Лаги, уже в имени героини заключается признание естественности, безыскусственности ее подлинной сущности. В имя Лаги вписано слово «игла». В интересном метафорическом обрамлении данная лексема встречается в самом начале произведения. Возможно, это та самая игла, с помощью которой обозначен «пунктирный» путь, подобно самому простому и незатейливому шву на ткани. Или это «нить Ариадны», дающая возможность выхода из лабиринтного состояния (сознания). Так образ женщины становится концептом², который представлен в романе в следующих смысловых ипостасях: Мать, дарующая жизнь сыну; Женщина, возлюбленная мужчины (Венера); Женщина, связующая нить времен (Игла); Женщина, дочь своего отца; Женщина «Прекрасная Дама», («прекрасная незнакомка», призрачный идеал); Женщина-Вселенная. Обратимся к сегменту, открывающему произведение: *«...За ними беспокойно наблюдает по-беременному одетая женщина, развешивающая белье. Беспокоит ее не водопроводное действо, а боль в пояснице, нарастающая с каждым ударом железа о камень. Лаги (ее имя) рассеянно доразвешивает простыни, то пропадая, то появляясь из-за спины зачавшавшего, как буровая вышка, асфальто-дробителя. Наконец почти бежит от боли в дом, успев все*

¹ Сухбат Афлатуни. Ташкентский роман //www. readli.net.

² Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. – М., 2011.

же нечаянно зацепить серый взгляд сидящего на корточках. Спасительная темнота и сырость подъезда, первый этаж. Через десять минут помощник запросит перекур. Потом прольется пыльным горохом короткий майский дождь, и никто не выбежит снимать белье. За пять минут до прихода «скорой» лом войдет, наконец, во что-то мягкое и склизкое. Земля...»¹. В данном сегменте интерес представляют следующие семантические пласты. На первом плане – мотив рождения. Проведена параллель между рождением ребенка и дроблением асфальта с помощью специального железного бура. Такое сравнение имеет двоякую цель: во-первых, мужское начало соединяется с женским, подобно тому, как мотив зачатия соединяется с мотивом рождения. Во-вторых, процесс рождения соединен с проникновением в пещеру, с открытием сокровенного, потаенного места, так называемого портала памяти. Интересно местонахождение пещеры – глубоко под землей, в доме, где живет Лаги со своим маленьким сыном. А если быть абсолютно точными и исходить из предложенной автором карты местности, то под кроватью младенца. Понятие «пещера», окутанное завесой тайны (тайна происхождения, тайна предназначения, тайна осознания), связывает мир настоящего с миром прошлого и создает иллюзию перемещения. Пещера – пространственно-временной портал, открывающийся избранным. С понятием «пещерности» и образом «пещеры» связан еще один немаловажный образ романа – пиала. Этот образ сравнивается с морской раковиной. В символике образа пиалы присутствует указание на женское начало. Героиня «всматривается», «вслушивается» в пиалу, на подсознательном уровне чувствуя свое родство с ней. Пиала (полусфера) – женское начало, символ материнского лона. Символична форма пиалы-раковины. На наш взгляд, следует провести параллель с явлением «поворотной симметрии», когда совершается винтовое движение, «представляющее собой соединение поворота вокруг некоторой оси с переносом вдоль этой оси»². Если в качестве примера привести раковину Nautilus, то исследователи отмечают, что она следует принципу симметрии с изумительным совершенством. Симметрия достигается благодаря тому, что в процессе закручивания появляется «потенциально бесконечная последовательность секций», т. е. мы наблюдаем повторяемость пластов (такую раковину можно сравнить по форме с винтовой лестницей). Якоб Бернулли украсил «чудесную спираль» (spira mirabilis) на своем надгробии в базельском Мюнстере словами: «Измененная, я воскресаю той же (Eadem mutata resurgo)». В этих словах – главное свойство спиралевидного движения. Такой принцип гармонии часто встречается в природе (Гете говорил о стремлении природы к спирали). Это явление получило название филотаксиса и стало предметом многих исследований и многочисленных умозрительных рассуждений. Принцип спиралевидности, перенесенный на литературную почву, может выражать специфику формы (на сюжетно-композиционном уровне) и содержания (на идейно-тематическом уровне), характер героя также может быть рассмотрен в свете его спиралевидности (изломанности). «Спиралевидность» может быть представлена и как один из способов обнаружения пещеры (бур также есть движение по спирали).

МЕЖДУ ГЕРМЕНЕВТИКОЙ И АКСИОЛОГИЕЙ

Чтобы определить, в чем же ценность «Ташкентского романа», отметим для себя несколько фактов. В жанровом отношении произведение тяготеет больше к философскому роману, чем к психологическому, так как на первом плане взаимоотношения Пространства и Времени. Пространство и время, обладая взаимопорождающей силой, подобно понятиям Женщина и Мужчина, наполняется одно другим. Одно исторгает из себя другое. Невозможно не только расчленить данные понятия, но и

¹ Сухбат Афлатуни. Ташкентский роман //www. readli.net.

² Вейль Г. Симметрия. – М., 1968. – С. 96-98.

однозначно решить вопрос о первоэлементе и главенстве одного над другим. Цель мужчины – «стать подлинным человеком», «героическим философом». Цель женщины – поддерживать красоту окружающего мира. Женщина есть пещера, сохраняющая в себе многовековой опыт, соединяющая в себе таинство рождения и смерти, дающая жизнь сыну и поддерживающая красоту мира своей безграничной любовью. Чтобы найти пещеру, достаточно осознать истинное предназначение женщины – материнство. Поиск пещеры подобен стремлению мужского начала к женскому. Поиск выхода из лабиринта – поиск себя во времени и пространстве, познание своей сущности в различных воплощениях. Немаловажна такая деталь, как пиала. Ведь восточное путешествие неразрывно связано со спасительной тенью чайханы. Богатейшая мудрость скрыта под сенью древних чинар. В журчащей воде арыка успокоение, умиротворение для утомившегося путника. Но самое главное – мерно льющаяся речь и аккуратно разливаемый по маленьким пиалам чай. Чаепитие превращается в таинство. И тогда наступает момент, когда смысл жизни человеческой становится явным от начала и до конца, когда начинается путешествие по дорогам памяти. В такие моменты человек получает ответы на самые сокровенные вопросы, ведь в ладони теплится маленькая пиала, словно связь с материнским лоном, не отпускающим от себя и одновременно оберегающим от горестей и бед. *«Пиала шумела, как морская раковина...»* – читаем мы в романе. Героиня водит пиалой по лицу, неосознанно пытаясь уловить исходящий из нее шум, влиться в информационный поток, который, возможно, прояснит ситуацию с прошлым ее отца, который даст ей весточку о покинувшем ее муже и просто наделит уверенностью в том, что связь между людьми существует, как существуют вера, надежда и любовь. Практически на другом конце вселенной ее муж, обрекший себя на одиночество, тоже держит в руках пиалу: *«...Бритая голова склонилась над чаем; Юсуф следил, как с алюминиевого дна всплывают скомканные чайники. Они напоминали обрывки древнего пергамента, вроде добытого когда-то Доктором, тогда просто доктором, у уйгуров. Правда, рядом только что лежало более близкое сравнение – серые клочья недописанного письма...»*¹. Здесь одновременно и мотив одиночества, подкрепляемый последующей фразой *«маленькими сильными ладонями Юсуф поит себя чаем...»*, и желание увидеть бездонный и безграничный мир, почувствовать связь с древностью (чайники как обрывки древнего пергамента). Чайники на дне пиалы – это одновременно послание «от героя» (недописанное письмо) и «для героя» (древний пергамент). В романе создана ситуация «ожидания, поиска диалога». Это связано и с поисками неких древнейших артефактов, старых писем, пещеры, когда герои следуют «карте», либо это поиски себя и блуждание по лабиринту сознания. Наличие двух подобных линий поиска уже есть начало для развертывания диалогической ситуации. В целом же вся повествовательная структура романа направлена на полифонию в широком смысле этого понятия. Идея о полифонизме романа, безусловно, поможет теоретически обосновать и жанровое своеобразие произведения. Герменевтический и аксиологический подходы (к которым мы обратились) сосуществуют в процессе исследования, взаимно обуславливая друг друга и взаимно проникая друг в друга. В этой взаимности двух подходов суть механизма, заставляющего работать триаду «автор-произведение-читатель». Благодаря герменевтическому подходу читатель включается в диалог с автором, постигая азы соавторства; смысловое поле расширяется (или надстраивается), увеличивается количество кодов (литературных, искусствоведческих, исторических, религиозных, культурных). Благодаря аксиологическому подходу осуществляется процесс «вписывания произведения в эпоху», оно получает статус звена в бесконечной цепи литературных явлений, процессов. На основе диалогической ситуации благодаря герменевтическому подходу формируется произведение, а благодаря аксиологическому – оно «идентифицируется», согласуется с некой временной протяженностью.

¹ Сухбат Афлатуни. Ташкентский роман // www.readli.net.

караван истории

ДВА ПАСТОРА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ

*Мы все уйдем, великие в Великий,
а остальные – в Тихий океан.*

Евгений Сазонов

На одной из центральных улиц Ташкента, утопая в зелени, стоит старейшее в Узбекистане готическое здание. Их всего два в столице Узбекистана – немецкая лютеранская кирха и более поздний католический костел. Немецкая кирха была построена в 1899 году, а католический костел так и не был достроен к началу известных событий 1917 года. Но уже с 40-х годов оба эти здания превратились в руины. Одно недостроенное, а другое – разгромленное и сожженное. Оба здания сейчас восстановлены, в обоих идут богослужения.

Немецкую кирху восстановили намного раньше, поскольку она находилась на виду, в центре города, а прямо за ней, на месте бывшей немецкой школы, была построена современная школа, и старое готическое здание прекрасно оттеняло современный архитектурный стиль. Неподалеку, в небольшом сквере, стоит бюст Лала Бахадура Шастри – премьер-министра Индии, неожиданно скончавшегося в Ташкенте после завершения трудных исторических переговоров с лидером Пакистана Мухаммедом Аюб Ханом и подписания между этими странами мирного договора. Прямо за кирхой стоят вековые платаны, называемые в Узбекистане чинарами, а перед кирхой – ухоженные цветники и хвойные деревья. Восстановленное после Ташкентского землетрясения 1966 года здание было передано консерватории, и в нем давал концерты камерный оркестр Узбекистана. Лишь в 1992 году здание, которому был придан статус памятника архитектуры, охраняемого государством, было передано в пользование немецкому культурному центру «Видергебурт» «для использования по назначению»¹.

Зал кирхи небольшой – примерно на 100 человек. Кресла для прихожан унаследованы от консерватории, а алтарная часть приподнята и расположена на бывшей сцене. Интерьер зала украшают большие витражи из наборного цветного стекла, алтарь – небольшой ковер с изображением пастыря со стадом овец.

Справа от алтаря небольшая пасторская каморка. Здесь на полках лежат библии и книги для богослужения, а в шкафу – облачения для хора. Но главное, на что сразу падает взгляд, – это два больших портрета, скопированных со старых фотографий двух великих пасторов: Юстуса Юргенсена и Генриха Берендтса.

Юстус Юргенсен был назначен пастором Туркестанского прихода в июле 1892 года. Нынешнего здания кирхи еще

**Наталья
ИВОНИНА**

Родилась в 1975 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский финансовый институт. Занимается научно-исследовательской, учебной и консалтинговой деятельностью в сфере туризма.

Публиковалась в республиканских журналах в сфере экономики, а также сборниках научных трудов.

¹ Распоряжение Кабинета Министров Республики Узбекистан. № 139-ф от 3 мая 1993 г.

не существовало, воскресные службы проходили в приспособленном помещении. Первую службу в статусе пастора прихода Юстус Юргенсен провел уже через 4 дня. Было самое жаркое время года – чилля. Небольшой зал не мог вместить всех прихожан. Поэтому люди стояли в проходах и на улице, возле открытой двери и окон. Несмотря на жару, духоту зала, стекавший с лица ручейками пот, новый пастор вел литургию «с большой торжественностью, строгостью и просветленностью. Его хорошо поставленный баритон в полнейшей тишине переполненной людьми кирхи звучал то мощно, крепко и мужественно, то благостно, тихо и примиренно. Его голос производил впечатление изумления и восторга»¹.

Это первое выступление Юстуса Юргенсена произвело неизгладимое впечатление на прихожан. Для лютеран новой Туркестанской колонии молодой всесторонне развитый, блестяще подготовленный пастор-интеллектуал Юстус Юргенсен был подлинной находкой, подарком свыше. Он выгодно отличался от первых пасторов, с которыми сталкивались новые колонии немцев в Российской империи, они «не отличались особой нравственностью, не всегда были подготовлены к духовной деятельности и набирались из людей разных профессий, иногда без всякого образования»².

Юстус Юргенсен уроженец Курляндии (территория левобережья Даугавы, бывшее Курляндское герцогство), родившийся в 1864 году в семье потомственного лесничего, поступил на теологический факультет Тартуского университета в девятнадцатилетнем возрасте в 1884 году и, проучившись семь лет, закончил его в 1890 году.

Семилетнее пребывание Юстуса Юргенсена в высокопрофессиональной университетской интеллектуальной среде дало ему возможность, кроме теологической специальности, приобрести воистину энциклопедические знания в других отраслях науки. Он умело использовал эти знания в своих проповедях. Поэтому проповеди были яркими, образными, современными.

В Ташкенте и лютеранских общинах в других городах на богослужениях Юстуса Юргенсена постоянно собиралась лютеранская элита Туркестана.

Юстус Юргенсен хорошо понимал, что авторитет лютеранской общины и ее пастора во многом зависит от самих прихожан. И уже на начальном этапе своей деятельности в общине старался наладить добрые отношения с известными и влиятельными людьми, заручиться их поддержкой. Прекрасная работа молодого пастора, его искренняя заинтересованность в исполнении своего пасторского долга, сакральная чистота его великолепных проповедей, написанных им лично на редкость душевно и современно, доброе отношение к людям вызывали уважение и доверие, а поэтому видные представители немецкой диаспоры считали своим долгом поддержать лютеранскую общину и начинания ее пастора.

После окончания богослужения кто-то подходил со своими проблемами и бедами, а кто-то использовал возможность обговорить сложные вопросы становления и развития немецкой общины. В своих воспоминаниях старые лютеране говорят, что пастор Юргенсен после службы, бывало, обсуждал с именитыми прихожанами новости науки и культуры, при этом был весьма интересным собеседником, поскольку был начитан и в полной мере обладал современными взглядами на естественнонаучные и общественные проблемы. Это привлекало к нему интеллектуальную элиту Туркестанского лютеранства. Добрые отношения поддерживал он и с представителями других конфессий.

Первостепенной задачей общины было строительство кирхи. Еще в 1881 году был объявлен конкурс на разработку ее архитектурного проекта. Лучшим был признан проект выпускника Петербургской академии художеств, автора многих красивых зданий Ташкента и других городов Средней Азии, архитектора А. Л. Бенуа. Проблемным был вопрос о финансировании строительства. И здесь Юстус Юргенсен проявил себя как прекрасный хозяйственник, тонкий и успешный дипломат в общении с представителями бизнеса. С ними он не говорил о пожертвованиях, речь всегда шла о том, что нужно сделать для того, чтобы эффективно использовать имеющиеся в распоряжении общины средства, и о том, как их приумножить для скорейшей постройки кирхи и эффективной деятельности общины.

¹ Erinnerungen von Nikolaj Zitowitsch. Die Evangelisch – Lutherische Kirche in Taschkent und ganz Usbekistan. St. Petersburg, 1996. S. 58.

² Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. Москва, «Готика», 1997, С. 291.

Прагматичный характер Юстуса Юргенсена, его немецкая основательность во всех делах и тесные связи с немецкими предпринимательскими кругами Туркестана во многом обусловили успехи общины в строительстве Кирхи, а также успешную реализацию ряда других проектов, направленных на повышение духовности и просвещение членов лютеранской общины и их семей. В частности, удалось весьма успешно ввести в предпринимательский оборот участок земли «Салар», выделенный общине генерал-губернатором фон Кауфманом на берегу реки Салар, «общей площадью 1700 кв. саженей. Его надлежало использовать под строительство церкви. Но позднее от этого пришлось отказаться потому, что постепенно выявилось его неудобное положение относительно разраставшейся тогда в неопределенном направлении территории города. Вместо этого участок с расположенными на нем зданиями стал весомой доходной статьей в годовом бюджете прихода, прибыль шла на строительство церкви на ее окончательном месте.

Особо теплые отношения связывали молодого пастора с действительным членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Иеронимом Ивановичем Краузе – фармацевтом, биологом и этнографом. Еще в 1973 году Краузе, тоже начинающий двадцативосьмилетний биолог, входил вместе с известным ориенталистом Александром Людвиговичем Куном и зоологом Модестом Николаевичем Богдановым в состав экспедиции в Хиву. Позднее он был Президентом Церковного Совета Немецкой евангелическо-лютеранской общины г. Ташкента и нередко приглашал Юстуса Юргенсена вместе с супругой к себе на дачу.

В то время немцев в Ташкенте было немного (по данным переписи 1897 года – 164 мужчины и 141 женщина). Они селились компактно по Гоголевской улице и по Наманганскому проспекту Ташкента. Иероним Краузе приобрел за городом землю для своего сада. Она находилась на берегу Салара – по левой стороне в начале Никольского тракта. Значительную его часть занимало камышовое болото по обеим сторонам Салара. А сам дом Краузе был выстроен на возвышенном месте из желтого кирпича, такого же, как кирпич дворца Великого Князя Николая Константиновича в центре города. Дачный домик был небольшой, одноэтажный. С юга к нему примыкала двухэтажная конюшня из сырцового кирпича с каркасной надстройкой для сена и кормов. Конюшня в самое жаркое время дня полностью прикрывала своей тенью и дом, и двор дачного участка. Дача была идеальным местом для неформальных семейных обедов и ужинов под виноградником.

На этой же земле, еще до приезда Юстуса Юргенсена в Ташкент, жили старые друзья и учителя Краузе по хивинской экспедиции – Кун и Богданов. Кроме них, в разное время здесь обитали и другие известные немцы. Поэтому садовые участки Никольского тракта в народе величали Немецкой слободой, проводя аналогию с петровским временем и ролью представителей немецкой слободы в преобразовании и прогрессе государства.

Визит молодого пастора (обычно по пятницам) в семье Краузе всегда воспринимали как доброе событие и принимали его как дорогого гостя. Как правило, он приходил с женой. Фирменным блюдом жены Краузе – Екатерины Матвеевны – всегда была целиком запеченная маринка. Трех-четырёх килограммовые экземпляры этой форелевой рыбы ловили рядом, в кристально чистой воде Салара, накануне приема гостей. Непременным атрибутом застолья всегда был краткий спич Екатерины Матвеевны, которая говорила о том, что нежный вкус маринки превосходит знаменитые деликатесы православия из осетра и стерляди, но сама рыба непременно требует добрых рук хозяйки, поскольку необходимо полностью удалить из брюшины этой рыбы ядовитую черную пленку. Иначе эту рыбу на стол подавать нельзя.

Пастор восхищался высокоинтеллектуальной немецкой средой, сконцентрированной в роскошных, прекрасно ухоженных садах на сравнительно небольшом клочке земли вокруг дачи Иеронима Краузе, возле Никольского тракта. Он неоднократно говорил, что намоленная здесь немцами земля и в будущем принесет свои плоды. Так впоследствии и случилось. Рядом с домом Краузе, поближе к Салару, в 1925 году

родился и вырос внук Модеста Богданова, видный ученый, доктор биологических наук, профессор Олег Павлович Богданов, автор фундаментальных трудов по животному миру Узбекистана. А в 1963 году напротив дома Краузе и тоже ближе к Салару в доме крупного биолога Михаила Ивановича Мышкина, наставника О. П. Богданова, поселилась немецкая семья известных потомственных экономистов Бесслер-Ивониных.

Тесное общение с учеными и педагогами, укрепление финансового состояния общины привело Юстуса Юргенсена к выводу о необходимости форсировать давно задуманный проект создания при кирхе немецкой школы. Это решение пастора для общины было очевидным и предполагалось с самого начала ее существования. И все же нужно было появление столь сильной и неординарной личности как Юстус Юргенсен, чтобы, наконец, приступить к решению этой задачи.

В 1889 году Юстус Юргенсен, по предварительному согласованию с членами Церковного Совета, поставил в общине вопрос о незамедлительном создании Ташкентской немецкой школы при Евангелическо-Лютеранском приходе. Она начала работать в 1900 году в доме пастора, затем в помещении зала заседания пастората. В 1902-1909 годах рядом с кирхой было построено отдельное здание школы на 45-50 учащихся с вместительным залом и сценой. Первыми учителями были пастор и назначаемые Церковным Советом прихожане, как правило, военные чины. В 1906 году была принята учительница и 2 помощницы, одна из которых преподавала русский язык. Церковным Советом был создан школьный комитет, контролировавший организацию учебного процесса, поступление и распределение средств, оснащение школы инвентарем и учебными пособиями.¹ Благодаря пристальному вниманию пастора к деятельности школы и его подвижничеству в деле воспитания и образования молодого поколения, школа пользовалась большим авторитетом. В 1907 году в ней обучалось 57 детей. В своих проповедях Юстус Юргенсен систематически поднимал вопрос о нравственном воспитании молодого поколения. Он считал, что главной задачей воспитания является формирование в процессе обучения интеллектуально и духовно развитой личности.

Важной инициативой Юстуса Юргенсена явилось создание членами Ташкентской Евангелическо-Лютеранской общины благотворительной организации «Ташкентское Евангелическо-Лютеранское дамское благотворительное общество». Оно было основано 9 июня 1907 для оказания помощи лютеранам, организации попечительства над Ташкентской кирхой, устройства праздничных вечеров, народных гуляний и благотворительных обедов, поддержки Ташкентской немецкой школы при Евангелическо-Лютеранском приходе. Учредителями общества были пастор Юстус Юргенсен и его жена Катарина Юргенсен, жена управляющего конторой фирмы «Проводник» Е. М. Цанг, жена представителя фирмы «Г. В. Дюрвагальт» А. Шуберт, жена кондитера Е. А. Генель, вдова предпринимателя А. Ю. Пфайфер, домовладелица Е. В. Мюллер.

После известных событий 1917 года в деятельности Немецкой Евангелическо-Лютеранской общины произошли существенные изменения. Многие проекты, вынашиваемые пастором, Церковным советом и членами общины, отпали сами собой. В соответствии с Декретом СНК 1918 г. «Об отделении церкви от школы и школы от церкви» немецкая приходская школа перешла в ведение отдела народного образования Ташкента и получила статус школы 1-й ступени. Тем не менее в ней продолжали учиться в основном немцы. Преподавали там Л. Л. Майер, Э. О. Бот, Э. Э. Фигнер, П. Х. Беркенталь, Е. К. Бетгер и др.²

Казалось бы великие дела первого пастора Туркестанского прихода закончились. Однако он полагал, что сила человека и его духа всегда кроется в знаниях. А поэтому он, даже лишившись школы, продолжил начатое в рамках тех условий, которые диктовались ему новой жизнью. Он и его жена начали давать частные уроки на дому по всем предметам школьной программы, обращая при этом особое внимание на изучение немецкого языка. У пастора и его жены было много учеников. Занятия проводились ежедневно, кроме пятницы. В воскресенье – по особому расписанию после церковной службы.³

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-47; Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 659. Л. 45-62.

² Там же.

³ Erinnerungen von Nikolaj Zitowitsch. Die Evangelisch – Lutherische Kirche in Taschkent und ganz Usbekistan. St. Petersburg 1996. S. 58.

Тем не менее неудовлетворенность собой и своим местом в новых условиях постоянно травмировали душу и сердце уже немолодого пастора. 16 декабря 1932 года он скоропостижно ушел из жизни. Он ушел, но величие его свершений осталось. Остались дела и ученики, остался воспитанный им дух в сердце каждого лютеранина Туркестана. И он не исчезает, он передается от отца к сыну, от матери к дочери. Передается любовь к людям, любовь к знаниям, стремление постичь высокое, непознанное.

После безвременной кончины Юстуса Юргенсена в 1933 году в Ташкент приезжает пастор Генрих Генрихович Берендтс, 1892 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга. Новый пастор и его жена, дочь епископа Артура Мальмгрена – Хедвига Берендтс – были с радостью приняты общиной. Генрих Берендтс по тем временам был на редкость высокообразованным человеком. Он имел два высших образования – юридическое и теологическое. До приезда в Ташкент работал в Семинарии проповедников (Prediger-seminar), теологическом образовательном учреждении для подготовки евангелическо-лютеранских священнослужителей, торжественно открытой 15 сентября 1925 года в Ленинграде. Он преподавал там древнееврейский язык и считался одним из лучших педагогов.

Его появление в Ташкенте было не случайным, поскольку знаменовало собой одну из кульминационных точек постоянно нараставшего давления властей на Лютеранскую церковь. В начале 1929 года было принято постановление «О религиозных объединениях»¹, которое стало действующим законом, определявшим положение церкви в бывшем СССР более 60 лет. Оно ограничило деятельность религиозных объединений «удовлетворением религиозных потребностей верующих». Была запрещена благотворительность, игравшая существенную роль в деятельности лютеранских приходов, издание религиозной литературы, проведение общих собраний религиозных обществ, созыв религиозных съездов и совещаний без разрешения властей.

С лета 1929 г. в процессе осуществления постановления началось силовое давление на церковь. Изменился не только юридический статус церкви: она подверглась массовой идеологической кампании, направленной против веры и церкви, пережила закрытие десятков храмов, аресты и ссылки сотен верующих и пасторов. «Лютеранская церковь России стоит перед крахом, — писал А. Мальмгрен, — эта мысль причиняет боль, но церковная организация на земле не имеет вечной жизни, а также как и все, что существует в природе и истории, преходяще. Евангелическая вера останется, она не пройдет, и этому не смогут противостоять даже врата ада. Но лютеранская церковная организация в России не сохранится — час ее падения скоро наступит»².

С 1918 по 1931 гг. было закрыто 662 лютеранские церкви, планировалось ликвидировать еще 945 религиозных обществ и 828 церковных зданий. К 1937 году были арестованы, репрессированы, осуждены около 130 лютеранских священнослужителей. С 1917 по 1925 гг. за рубеж выехало примерно 70 пасторов, а с 1925 по 1938 гг. — еще около 30. Пасторское служение оставили примерно 20 человек. Оставшиеся пасторы работали под контролем властей. Так, в официальной докладной записке о состоянии религиозности в Ленинградской области от 22 апреля 1936 г. указывалось: «В Кингисеппском округе лютеранские пасторы читали проповеди о стахановском движении, в которых подробно останавливались на речи т. Сталина и на выступлении передовиков-колхозников, на совещании в Москве, в конце проповеди говорили, что нехорошо нам, верующим, отставать от стахановского движения, мы должны стать стахановцами своей веры и религии. Так как эти проповеди читались одновременно несколькими пасторами, следовательно, указания об этом им были даны от их руководящих органов»³.

В это время даже неприкосновенный ранее епископ Мальмгрен находился на грани ареста. Дело в том, что в 1932 г. некоторые представители Лютеранской церкви были вовлечены в уголовный процесс, по которому 20 человек были приговорены к смертной казни, 18 человек — к 10 годам лишения свободы и 24 — к меньшим срокам

¹ СУ РСФСР. Отд. 1, 2. 1929. № 35. Ст. 353.

² Kahle W. Op. cit. S. 131.

³ ГАРФ, ф. 5263, оп. 1, д. 988, л. 22.

заклучения. По делу проходили глава Ленинградского высшего церковного совета епископ Мальмгрен и его зять пастор прихода св. Петра Генрих Берендтс. Суть дела заключалась в следующем: руководство Мурманской железной дороги незаконно продавало ворованные дрова для отопления. В числе их клиентов был и пастор Берендтс, приобретавший дрова для церкви и познакомивший с расхитителями «социалистического имущества» епископа Мальмгрена, купившего дрова для семинарии.

В октябре 1932 г. пастор Берендтс был приговорен к 3 годам исправительно-трудовых работ в лагере с конфискацией имущества. Но, благодаря дипломатической поддержке лютеранской церкви Германии, после подачи кассационной жалобы, в которой пастор указал, что он не знал о том, что дрова краденые, 31 декабря 1932 года ленинградский суд сообщил, что его имущество конфисковано не будет, но Берендтс подлежит трехлетней ссылке с отбыванием в Ташкенте.¹

Пастор Генрих Берендтс проявил себя человеком широкой души, высокообразованным и интеллигентным, далеким от конъюнктуры, политических интриг и треволнений. Он достойно продолжал дело своего знаменитого предшественника Юстуса Юргенсена. Как и его предшественник, он был блестящим и умным оратором, способным привлечь к себе людей, зажечь Божьим словом их души и сердца. Он никогда не перекладывал свои обязанности в проведении богослужений на предигов, вел все воскресные службы сам. Чтобы во время проповеди быть ближе и понятнее общине, пастор Берендтс читал проповедь не с кафедры, а у алтаря, расхаживая взад и вперед. Образ представительного, высокого, статного, красивого человека, обладающего ораторскими способностями, производил неотразимое впечатление на прихожан, вселял в них доброту и уверенность. Его жена Хедвиг Артуровна тоже принимала участие в богослужениях и, будучи прекрасной органисткой, играла в кирхе. В своих воспоминаниях прихожане говорят о том, что они были образцом добродушия, приветливости и супружеской любви. Берендтс старался наладить связи с наиболее просвещенной и высокообразованной частью общины. Внимательно прислушивался к мнению известных и влиятельных людей. По опыту предшественника вместе с женой давал частные уроки немецкого языка на дому.

Несмотря на сдержанность и нейтральные по отношению к власти проповеди, пастор Генрих Генрихович Берендтс и его жена Хедвиг Артуровна Берендтс были арестованы 25 сентября 1937 г. Впоследствии судебное решение против пастора Берендтса было отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

У каждого века есть свое историческое лицо, свои особенные стремления. Но честь и славу любого времени составляют два устремления, тесно связанные между собой и дополняющие друг друга: гуманность и забота об улучшении человеческой жизни. Яркими носителями этих двух христианских и мирских стремлений были два пастора Немецкой Евангелическо-Лютеранской общины Ташкента Юстус Юргенсен и Генрих Берендтс. Их великая миссия служения людям состояла в том, чтобы, опираясь на лютеранские ценности, изнутри и исподволь готовить современников к обретению Благодати, преодолению трагической разобщенности в современной жизни, формированию гуманистических отношений между людьми, овладению глубокими естественнонаучными и общественными знаниями. Они учили, что даже в самые горькие минуты нельзя терять веру в торжество добра, нельзя, чтобы будничные дела заслонили от тебя судьбы мира, заставили забыть о маленьких и больших заботах простых людей. Нравственный урок, который преподносят нам два великих пастора, два великих просветителя, весьма поучителен. Он свидетельствует о том, что современный человек должен быть высокообразованным, интеллектуально развитым, обладать стремлением к познанию нового. И в то же время любой успешный в миру человек не должен забывать о главном, должен стремиться к идеалам нравственным, гуманным, к духовной зрелости.

¹ Последние годы существования Евангелическо-лютеранской церкви в тоталитарном государстве. http://www.svitlo.net/biblioteka/lut_z_ros/lut_z_ros29.shtml